

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Ф. Урляпов

**История
Тимора-Лешти
XX век**

Москва
2015

ББК 63.3 (5 И)
У 68

Ответственный редактор
д.и.н. Д. В. Мосяков

Урляпов В. Ф.
У 68 История Тимора-Лешти. XX век / отв. ред.
Д. В. Мосяков; Институт востоковедения РАН. — М.:
ИВ РАН, 2015. — 256 с.
ISBN 978-5-89282-640-2

В монографии рассматриваются основные этапы истории Восточного Тимора (Тимор-Лешти). Освещаются важнейшие события этой истории, начиная с первых письменных свидетельств об острове Тимор и разделе его между Португалией и Нидерландами, говорится о значении территории в португальской колониальной империи. Автор отмечает влияние «апрельской революции» в Португалии на подъем национально-освободительного движения в колонии, приведшего к провозглашению независимости в ноябре 1975 г., останавливается на двух десятилетиях сопротивления народа Восточного Тимора аннексии со стороны Индонезии, и в итоге — восстановления независимости в мае 2002 г.

Во второй части работы подробно анализируются проблемы национального и государственного строительства в одной из самых молодых независимых стран мира.

ББК 63.3 (5 И)

ISBN 978-5-89282-640-2

© Урляпов В. Ф., 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

Введение

Тимор-Лешти — горная страна. В ее центральной части расположены наиболее высокие хребты, в том числе Тата Маилау — 2980 м. На севере горные хребты местами обрываются неприступными утесами в море, к востоку — уступают место каменистым плато. На юге расположена равнина — наиболее благоприятный для земледелия район. Многочисленные реки берут начало в центральном горном массиве. Короткие и бурные в период дождей, они часто пересыхают во время засухи и большую часть года несудоходны.

Страна расположена в области жаркого экваториального климата, времен года с резкими колебаниями температуры нет. Постоянные муссоны определяют существование двух сезонов: дождливого и сухого. Северо-западный, азиатский муссон, насыщенный влагой, господствует с ноября по май. С июня по ноябрь дует юго-восточный, австралийский муссон — на смену дождям приходит засуха. Смена сезонов определяет сельскохозяйственный календарь. На распределение осадков влияет рельеф местности: больше всего их выпадает на южном побережье и в горных районах центральной части острова. Температура колеблется в зависимости от высоты местности. В горных районах среднегодовая температура — 21°, на южном побережье — 38° выше нуля.

Население — около 1,06 млн. (оценка 2010 г.) — полиэтнично. Антропологически коренное население Восточного Тимора характеризуется смешением южномонголоидного и меланезийско-папуасского типов, иногда с явным преобладанием второго. Языки восточнотиморцев принадлежат к двум лингвистическим семьями: центральноавстралонезийской и трансновогвинейской. К первой семье относятся темумы, мамбаи, кемаки, галони и некоторые другие (45%), ко второй — бунаки, макассаи, фаталуку и прочие [Соболева Е. С., с. 86–121].

Темумы, считающие своей прародиной Малаккский полуостров — основной этнический компонент населения страны. Они

живут практически по всей территории, но наиболее компактно — на низменности южного побережья, а также на севере, в области, примыкающей к индонезийской части острова. В языке тетум существует несколько локальных диалектов, но в целом на его основе формируется средство межнационального общения населения Восточного Тимора. В центральной гористой местности преобладают мамбаи. По ареалу их проживания проходит условная линия, делящая страну на две части, различающиеся своими социально-культурными особенностями. Считается, что население восточной части — «фираку» (firaku) — люди более динамичные и бескомпромиссные по характеру, а уроженцы западных районов — «калади» (kaladi) — прирожденные конформисты [Fox, p. 158–163]. На крайнем востоке острова доминирует народ макассаев, язык которого принадлежит к трансновогвинейской группе.

Немалую часть населения составляют потомки смешанных браков португальцев с местными жителями. Китайцы, в основном представители этнолингвистической группы «хакка», составляют около одного процента населения. Некоторая доля принадлежит уроженцам различных регионов Индонезии, в том числе яванцам и бугийцам — аборигенам Южного Сулавеси. Немногочисленную, но активную группу населения составляют потомки арабов — выходцев с Аравийского полуострова.

Хотя большая часть жителей считаются католиками, вплоть до конца португальского колониального правления — 1975 г. их было не более 15–20%. В традиционном обществе Восточного Тимора господствовал анимизм, культ предков и сил природы. В почитании некоторых животных и пресмыкающихся проявлялись пережитки тотемизма. Многие земледельческие обряды были связаны с магией. В период индонезийской оккупации (1975–1999 гг.) стала расти тяга к католической вере как форма национального протеста.

Восточный Тимор (официальное название Демократическая Республика Тимор-Лешти, ДРТЛ) — парламентско-президентская республика. Глава государства — президент, избираемый всеобщим голосованием на пятилетний срок. Глава правительства — премьер-министр, лидер парламентского большинства. Назначается президентом по представлению однопалатного Национального парламента (88 депутатов).

Государственные языки — тетум и португальский. Рабочие языки — индонезийский и английский.

* * *

В колониальный период в Восточном Тиморе господствовала принятая в Португалии система имен. Полное имя состояло из трех частей: личного имени (обычно одно или два), фамилий матери и отца. В быту человека, как правило, называли только по последней (отцовской) фамилии. Выйдя замуж, женщина лишь присоединяла фамилию мужа (реже две фамилии) к своей. Дети получали две фамилии — матери и отца или, по желанию родителей, все четыре фамилии. Такие многоэтажные конструкции были далеко не редкость.

С началом национально-освободительного движения многие его лидеры в интересах конспирации перешли с данных при крещении христианских имен на традиционные тиморские имена или стали брать псевдонимы, известные, как правило, лишь представителям их кланов или узкому кругу посвященных. После гибели лидеров первого эшелона движения, новые командиры в интересах секретности всецело перешли на их использование псевдонимов. В некоторых случаях образовывался симбиоз христианских и традиционных имен. Например, полное имя первого президента ДРТЛ — Жозе Алешантри Кай Рала Шанана Гужмау.

I. ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР ДО ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Далекие предки современного человека заселили Тимор, по крайней мере, 40 тысяч лет назад, что засвидетельствовали археологические раскопки в конце 2006 г. в местности Жерималай на восточной оконечности острова. Здесь были обнаружены примитивные каменные орудия и раковины, служившие украшениями. По мнению австралийских ученых, древнейшие предки тиморцев относились к веддо-австралоидному расовому типу, потомки которого населяют современный остров Цейлон. Однако тиморцы эпохи палеолита антропологически отличались от низкорослого «человека флоресийского» (*Homo floresiensis*), останки которого были обнаружены на соседнем острове Флорес. На качественные различия указывали также обнаруженные остатки приспособлений для морского промысла глубоководной рыбы и крупных черепах.

Вторая волна миграции современного человека достигла Тимора около 5 тысяч лет назад. Ее представляли меланезийцы, потомки которых ныне населяют Новую Гвинею и некоторые острова Тихого океана. По всей видимости, меланезийцы смешались с веддо-австралоидами, на что указывает разнообразие многочисленных языков и диалектов, присущее Тимору. Третья волна переселения, представленная протомалайцами, отстояла от современности примерно на 5 тысяч лет.

Центральное место в фольклоре, кустарных промыслах — ткачестве, керамике и изобразительном творчестве народов тетум и бунак занимает образ крокодила. По одной из легенд, местный юноша отпустил на волю пойманную рептилию. В знак благодарности крокодил воплотил в действительность его заветную мечту о морском путешествии. В этом сюжете, по всей видимости, нашла отражение историческая память о миграции предков народов Тимора с Малаккского полуострова, следовавших сюда транзитом через Сулавэ-

си и Флорес. Согласно другой версии, прародиной современных тиморцев были острова, расположенные вблизи берегов Новой Гвинеи.

В IX–XIII вв. на Тиморе сформировалась устойчивая модель социально-религиозной организации, базирующаяся на родовых общинах или «сакральных семействах» (на языке тетум — «*uma lulik*»). Сами общины строились на основе патрилинейности, т. е. исходя из происхождения, родства и порядка наследования по отцовской линии.

Схематически «сакральные семейства» можно представить в виде трех концентрических кругов. Центральную часть (ядро) занимал мир предков, первооткрывателей исконного ареала проживания, заселивших земельные угодья общины и приступивших к их возделыванию. В представлении тетумов и родственных этносов предки-прародители были носителями высшей мудрости, способными влиять на течение земной жизни.

В центральном кольце располагались старейшины рода — «дато лулик» (*datolulik*), хранители и толкователи сакральных норм и традиций. Под их руководством проходили обряды жертвоприношения животных, они же выступали хранителями родовых тотемов и культовых предметов. Помимо этого старейшины следили за соблюдением норм семейных отношений и продолжения рода.

Третий круг составляли семьи общего рода, хотя и обладавшие некоторой автономией, но подчиненные власти родителей и старейшин второго круга. Старейшины подбирали и назначали носителей светской власти, помещенной в пределах третьего круга. Светские вожди получали титул «лиурай» («*liurai*»), а их первейшей функцией было обеспечение безопасности обитателей первого и второго круга. Таким образом, изначально в системе общественных отношений на Тиморе сложился дуализм духовной и светской власти [Totilo M., p. 27–28].

Межобщинные отношения основывались на системе экзогамных браков, т. е. запрете брачных отношений внутри родовой общины, что позволяло избегать вредных последствий кровосмешения и побуждало к контактам с другими общинными социумами. Поскольку невеста подбиралась за пределами рода, возникали устойчивые социальные связи между общинами супруга — «фетоса» («*fetosa*») и жены — «умане» («*umane*»). Хотя нормой считалась патрилокальная модель, т. е. обязательное проживание супруги и общих детей в доме мужа или его семьи, в реальности этот вопрос решался на этапе сватовства и согласования брачного контракта «барлаки» («*barlaki*»), включая размер выкупа за невесту и придано-

го. Если семейство невесты не желало расставаться с ценным имуществом, обещанным ей в качестве приданого, породнившиеся общины вступали в отношения как патрилинейного, так и матрилинейного характера. Это способствовало социальной мобильности традиционного тиморского общества [Souza, p. 188].

Краеугольным принципом организации общества на острове была генеалогическая связь с предками. Вместе с тем в процессе социального расслоения предприимчивые или состоятельные члены общины, умевшие увлечь за собой или имевшие возможность подкупить соплеменников, становились старейшинами рода, а в дальнейшем и «лиураями». Общественный статус подкреплялся наличием богатой домашней утвари, нательных украшений, парадного оружия, ритуальных барабанов и др. Но главным показателем социального положения было обладание поголовьем личного скота, главным образом свиней, запасами сельскохозяйственной продукции, которую владелец мог выделить на организацию общинных торжеств.

Набивавший силу род стремился укреплять свои позиции посредством расширения семейных уз с равными по статусу кланами. Сын лиурая или дато мог взять в жены лишь дочь равного себе. Среди родовой элиты получила широкое распространение полигамия. Многоженство стало показателем высокого социального и материального положения, отличительным признаком знатности положения рядовых общинников. Выделившаяся из среды общины знать стремилась закрепить нормы наследственной передачи власти.

С течением времени несколько десятков или сотен автономных общин объединялись в территориальные образования «лурахан» («lurahān») во главе с наследными правителями, за которыми окончательно закрепился титул «лиурай» («превосходящий Землю») и выступавшими своего рода «земными уполномоченными» главного божества в сакральном пантеоне тетумов «Маромак Оан» («Божественного сына»).

Таким образом, на Тиморе возникло несколько управляемых структур, представлявших переходную ступень между продолжавшей эволюционировать первобытной общиной и государством. Для них были характерны племенная организации власти с централизованным управлением и наследственной иерархией правителей и знати, социальное и имущественное неравенство, но пока не было формализованного аппарата принуждения и подчинения одних соплеменников другими. Господствовала система «патрон — клиент», означавшая, например, что если вождь собирался воевать с соседя-

ми, то все мужское население, способное носить оружие, было обязано следовать за ним. Важной отличительной чертой был дуализм власти светской и духовной.

Первые письменные сведения о Тиморе

История Тимора неотделима от упоминаний об особом подвиде сандалового дерева — белом сандале (*santalum album*), повсеместно произраставшем на известняковых холмах и горах острова. С торговлей ценной ароматной древесиной связаны первые письменные свидетельства о Тиморе. Голландские ученые установили, что еще в эпоху империи Шривиджая (X век н.э.) сандал поступал с Тимора на берега Малаккского пролива для дальнейшего реэкспорта в Индию и Китай. Малайские и яванские купцы использовали остров Тернате Молуккского архипелага в качестве перевалочной базы на протяженном морском торговом пути, связывавшем Тимор с внешними рынками.

В китайском источнике, датированном 1225 г., Тимор отмечается как место, богатое сандаловым деревом. Хроники династии Мин повествуют о Тиморе более красноречиво: указывается, что остров покрыт ароматными лесами, что там имеется не менее дюжины удобных гаваней, где бросают якорь китайские торговые джонки. К этому времени мореходы Поднебесной проложили маршруты через моря Сулу и Сулавеси к Молуккскому архипелагу и далее к Тимору. В том же источнике говорилось о выгодности торговли сандалом как предметом роскоши, указывалось на присутствие в этом районе яванских, индийских и арабских купцов и наличие товаров из западных стран.

В других анналах ранней династии Мин и эпохи Сун также повествовалось о прямой торговле с Тимором, периодически замиравшей из-за конкуренции с яванской империей Маджапахит во второй половине XIV в., период ее подъема. Тем не менее, до появления португальцев Срединное царство поддерживало коммерческие связи с Тимором через Сулавеси и Молуккские острова, а затем по морским путям вдоль побережья Явы и Малаккского полуострова. Однако не было достоверных сведений о посещении ими острова в ходе экспедиций знаменитого китайского адмирала Чжэн Хэ (1405–1433 гг.). В наставлении по навигации, датированном 1430 г., Тимор (*Ch'ih-wen*) указывался как самая южная точка, которую достигали китайские торговые суда [History of Timor, p. 14–15].

Из европейских авторов впервые о существовании Тимора рассказано в *Книге Дуарти Барозы*, португальского мореплавателя и писателя, впоследствии принявшего деятельное участие в кругосветном путешествии своего близкого родственника Фернана Магеллана (Магальяниша). В книге, вышедшей в 1518 г., говорилось о том, как богат Тимор белым сандалом, который огромными партиями закупали «мавры из Индии и Персии, и который «высоко ценится на Малабарском берегу». Более того, «торговцы из Малакки и Явы меняли металлические изделия, индийские ткани и посуду и нагружали свои суда сандаловым деревом, воском, рабами...».[Fox, James, p. 6–7].

Как китайские средневековые хроники, так и документы, составленные первыми европейскими путешественниками, посещавшими этот регион, расположенный на стыке малайского и меланезийского географических и культурных ареалов, единодушно отмечали, что, по крайней мере, с XIV в., на Тиморе существовали образования с собственной системой власти и социальной иерархией. Сам факт, что они продержались 400 лет, несмотря на внутренние конфликты и нарастающую колониальную экспансию, указывает на то, что их социально-политическая структура была достаточно прочной.

Нет точных данных относительно того, что эти возглавляемые вождями образования на Тиморе зависели от внешних держав, в частности от мощной средневековой империи Маджапахит. Как считал авторитетный британский исследователь истории Юго-Восточной Азии Д. Дж. Холл, «насколько можно судить на основании достоверных фактов, государство Маджапахит ограничивалось пределами восточной Явы, Мадур и Бали» [Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии, 1958, с. 39]. В то же время, по некоторым индонезийским источникам, Тимор входил в состав султаната Тернате, достигшего наивысшего могущества в конце XIII в., когда его владения простирались от Минданао на севере до Малых Зондских островов на юге. В дальнейшем султанату не удалось удержать остров, поскольку в районе Молуккских островов сначала появились португальцы и испанцы, а затем голландцы. Тимор оказался на положении «ничейной земли» [Kompas, 17.07.1995]. Во всяком случае, первые европейцы, посетившие Тимор, не заметили признаков зависимости местных правителей от иностранных государств.

Антонио Пигафетта, хроникер экспедиции Магеллана, посетивший Тимор в январе 1522 г. на корабле «Виктория» и давший его довольно подробное описание, отмечал существование, по крайней мере, четырех «королевств» — Оибич, Ликсана, Суай и Кабанаса,

расположенных на южном побережье острова. Он также зафиксировал, что именно с Тимора торговцы Явы и Малакки вывозят белое сандаловое дерево и пчелиный воск, что остров поддерживает торговые связи с другими частями Юго-Восточной Азии, в частности с островом Лусон [Пигафетта, Антонио, с. 134].

Таким образом, на Тиморе, входившем в систему торговых путей на просторах Малайского архипелага, хорошо знали его коренных жителей, опытных мореходов и предприимчивых торговцев. На языке тетум, одном из наиболее распространенных на острове, слово *malae* (малаец) имело значение «иностранец», а малайский язык был средством общения при заключении коммерческих сделок.

Для европейцев оказалось затруднительным разобраться в титулах местных правителей. Португальцы сначала называли их «королями», а затем ввели общий термин «лиурай» («правитель»). Голландцы же остановились в конечном счете на яванско-балийском домусульманском титуле «раджа».

Непросто было также определить характер взаимоотношений между племенными образованиями на Тиморе. Например, направленный на Тимор в 1756 г. эмиссар голландской Ост-Индской компании Йоханес Паравичини вернулся с договором, подписанным 30 местными раджами. Фактически это был документ, завизированный верховным правителем «государства» Вайвику-Вехали от имени своих многочисленных вассалов [Фох, р. 7].

Вайвику-Вехали (Вивико-Вехали) заняло доминирующее положение на острове начиная с XVI в. По мнению австралийского антрополога и историка Джеймса Фокса, влияние этого образования, созданного народом тетум-белу, распространялось на две трети Тимора. В зависимости от него находились «княжества» Суай, Ликиса, Каменасса, Сервиан и др. Власть в Вайвику-Вехали разделялась между двумя правителями, один из которых обладал законодательной властью и отправлял культовые обряды, другому принадлежала исполнительная власть. К середине XVII в., а именно в 1642 г., Вайвику-Вехали практически распалось. Добился самостоятельности Сервиан в северо-западной части острова. Оба эти небольшие «княжества», в свою очередь, состояли из более мелких родоплеменных групп во главе с вождями-лиураями [History of Timor, p. 2–4].

Во взаимоотношениях между местными правителями союзы сменялись вооруженными рейдами на территорию соседей, в частности с целью захвата пленников для совершения ритуальных обрядов; кроме того, происходила постоянная миграция племенных кланов в поисках более плодородных земель и водных ресурсов.

Начало европейской колониальной экспансии

Европейцы стали появляться у берегов Тимора в 1512–1513 гг. Это была португальская экспедиция под командованием Антониу ди Абреу, посланная Афонсу ди Албукерки, губернатором незадолго до этого захваченной Малакки, столицы одноименного султаната, крупнейшего центра посреднической торговли в Юго-Восточной Азии. Целью экспедиции был поиск путей к Островам пряностей (Молуккским). Начиная же с 1515 г. португальские корабли почти ежегодно отправлялись к берегам Тимора за сандаловым деревом, пользовавшимся большим спросом на рынках Китая и Индии.

Хотя португальцы с 1511 г. превратили Малакку в свой форпост, откуда совершали экспедиции к Молуккским островам, потребовалось более 50 лет, чтобы они приступили к закреплению своего присутствия на Малых Зондских островах.

Остров Тимор вместе с соседними Флоресом, Солором, Алором, Ветаром и некоторыми другими вошел в состав португальской Островной Индии (*Insulindia*). Эти владения представляли собой торговые фактории — цепочку укрепленных прибрежных пунктов, связывавших Молуккские острова с метрополией.

Маршруты на восток Малайского архипелага проторили монахи ордена доминиканцев, первоначально обосновавшиеся на острове Солор, лежавшем к северу от Тимора. Здесь в 1561–1562 гг. доминиканцы, в ту эпоху совмещавшие в своем лице одновременно духовных деятелей, солдат и коммерсантов, построили форт, окруженный частоколом из стволов пальмовых деревьев. После его взятия в 1566 г. войсками мусульманских правителей Явы и Сулавеси, доминиканцы возвели на Солоре каменный форт. На протяжении первых 20 лет его комендант назначался приором — доминиканцем Малакки, а затем — вице-королем португальской Индии. В 1598 г. форт был вновь разрушен во время восстания местных племен, а в 1613 г. оказался под контролем голландцев, давших ему название Форт — Хенрикус, после чего не раз переходил из рук в руки. В 1628 г. доминиканцам вновь удалось установить контроль над фортом и удерживать его до 1636 г. В 1648 г. он был полностью разрушен землетрясением и спустя некоторое время окончательно заброшен. Еще раньше население переместилось в Ларантуку на восточной оконечности острова Флорес.

В начале XVII в. в фокусе португальских интересов в районе Малых Зондских островов оставались Солор и Флорес. Португальские галеоны периодически посещали гавани на северном побережье Ти-

мора, однако не основали здесь ни одного постоянного опорного пункта.

Ситуация стала меняться к 40-м годам после изгнания португальцев из Японии, осложнения их отношений с минскими правителями Китая и перехода в решающую стадию конфликта с Нидерландами, завершившегося падением в начале 1641 г., после двухлетней осады, португальской Малакки.

Осложнились отношения Португалии с правителями княжества Талло-Гова (Макассар), принявшими ислам. Макассарский султан отправил к берегам Тимора флот из 150 судов с целью закрепления торговых позиций и распространения ислама. На тот момент Макассар вел активную торговлю сандаловым деревом, воском и рабами с Тимором. Хотя экспедиция не увенчалась успехом, она стимулировала рост интереса к неосвоенной территории португальцев, неуклонно терявших свои позиции в других частях Восточной и Юго-Восточной Азии.

В начале 1641 г. к западным берегам Тимора отплыл вооруженный отряд под командованием Антониу ди Сау-Жасинту, главного викария доминиканского ордена на Солоре и Восточном Флоресе. Здесь викарий крестил нескольких местных лиураев и их подданных, восстановил несколько разрушенных церквей и заложил ряд новых. Доминиканцы назвали Тимор островом Санта-Круж (Святого креста). В мае того же года к португальцам подоспело подкрепление — отряд в 60 солдат под командованием Франсишку Фернандеша, капитан-майора (главы) Ларнатуки. На протяжении 1641–1642 гг. португальцам удалось нанести несколько ощутимых поражений правителям Вайвику-Вехали и принудить их к обращению в христианство. Принимая католический обряд, местные олигархи также присягали верности португальской короне и брали обязательство выплачивать подать в пользу католической церкви [History of Timor, p. 16].

По мнению многих историографов, включая деятелей восточнотиморского освободительного движения, этот этап стал началом колониального захвата Тимора.

При завоевании Тимора главную ударную силу составляли «топассы» или «черные португальцы», которым было суждено играть центральную роль в Островной Индии на протяжении XVII–XVIII вв. По мнению датского исследователя Ханса Хагердаля, это название появилось в португальских владениях в Индии как производное от термина *du-bashi* («двуязычный» или «туземный толмач-переводчик») [Haderdal H., Summer 2007, p. 26]. Мест-

ные топассы предпочитали пользоваться самоназванием ларнатукцы (*larnatuqueiros*).

В конце XVI века община топассов вместе с доминиканцами развернулась на острове Солор и Восточном Флоресе, служившими транзитными пунктами торговли сандаловым деревом и пчелиным воском. Их небольшое по численности сообщество лишь формально признавало власть португальской короны (в Южной и Юго-Восточной Азии ее представлял вице-король Гоа), однако сохраняло португальскую идентичность благодаря своим этническим корням, католической вере, внутренней самоорганизации и осознанию своей особой роли в становлении колониальной империи Португалии на ранних стадиях.

Британский корсар, исследователь и мореплаватель, совершивший три кругосветных путешествия, Уильям Дампир, посетивший Тимор в конце 1699 г., так характеризовал сообщество топассов: «... Они этнически настолько перемешаны между собой, что трудно отличить португальца от индийца. Говорят они по-португальски, исповедуют римско-католическую веру. На словах признают короля Португалии своим сюзереном, однако не признают присланных им чиновников. Они в равной степени владеют малайским языком» [Dampier W.].

Действительно, этнический состав топассов постоянно менялся, поскольку, по представлениям той эпохи, человека определяли не цвет кожи или национальное происхождение, а религиозная принадлежность.

В итоге на протяжении XVII–XVIII веков сначала на Солоре и Флоресе, а затем на Тиморе возникли полиэтнические, смешанные в расовом отношении общины. Главным образом они пополнялись перебежчиками из нидерландской Ост-Индской компании, а также обедневшими португальцами и другими европейцами, пиратами и иными деклассированными элементами, отброшенными на обочину общества. Третьим источником формирования этих общин были индийские христиане-католики, не ужившиеся с властями португальских колоний на субконтиненте. И наконец, в ряды «черных португальцев» вливались крещеные аборигены, выходцы из туземной племенной верхушки Тимора и соседних островов. Дабы войти в категорию «португальцев», необходимо было обзавестись рядом характерных признаков: говорить по-португальски, обладать профессиональными навыками солдата, чиновника или коммерсанта, носить одежду европейского фасона, т. е. в отличие от соплеменников носить штаны. Голландцы называли

топассов *hangbroeken*, т. е. «носящие штаны» [Hagerdal H., Summer 2007, p. 26].

Согласно докладу чиновников нидерландской Ост-Индской компании, датированному 1659 г., на Тиморе насчитывалось около 300 топассов, как европеоидов, так и метисов. В 1670 г. монахи-миссионеры сообщали, что в районе Ларантуки местное население говорит по-португальски, а здешние аборигены считают себя португальцами. К тому времени численность этого населения значительно пополнилась за счет беглецов из Малакки и Макассара, захваченных Ост-Индской компанией.

Однако первостепенное значение по-прежнему имела религиозная принадлежность. Источники отмечали глубокое уважение топассов к служителям ордена доминиканцев, которые зачастую руководили их военными экспедициями. В своих докладах голландские эмиссары порой жаловались на то, что «паписты», т. е. католические священники, вели активную деятельность, направленную против интересов Нидерландов. Действительно, ограниченному числу миссионеров-доминиканцев на Солоре, Флоресе и Тиморе удалось заметно расширить зону влияния топассов. На протяжении первой половины XVII века многие племенные вожди западной части Тимора приняли католичество, что служило, пусть символическому, но все же укреплению позиций португальской короны в этой части Островной Индии.

В отсутствие прямого управления королевской администрации во главе топасских общин стояли собственные военачальники, поначалу носившие звание *capitao mor*, а середины XVIII в. — *tenente general*. Начиная с 1664 г. командование сконцентрировалось в руках кланов Орнай и да Кошта.

Один из кланов основал бывший голландский комендант Форта Хенрикус, который перебежал в 1629 г. к топассам, перешедший в католицизм и принял имя Жуан ди Орнай. Он женился на тиморской рабыне, брак с которой дал начало возникновению обширного семейства Орнаев или д'Орнаев, ставшего властителями Тимора. Один из сыновей основателя династии — Антониу ди Орнай в период 1673–1693 гг. фактически управлял Ларантукой, Солором и Тимором как «независимый принц» и был признан португальской короной. Другое семейство возглавил Матеуш да Кошта, также выходец из Западной Европы, заключивший брак с дочерью одного из местных лиураев. Взаимоотношения между двумя семействами сменялись периодами соперничества и сотрудничества, они роднились между собой, давая начало формированию других семейных дина-

стий. В 90-е годы XVII в. Доминикеш да Кошта занял место Антониу ди Орная [History of Timor, p. 44].

Попытки королевского двора Лиссабона обуздать своенравных хозяев Тимора терпели постоянные неудачи. В 1769 г. назначенный португальским губернатором острова Антониу Жозе Теллеш ди Менезеш, после двухлетней осады форта Лифау топассами, был вынужден эвакуировать гарнизон и перебраться в Дили, ставший с тех пор оплотом португальской короны на Тиморе. Однако влияние королевской власти здесь было чисто номинальным. Захватив Лифау, топассы установили полный контроль над областью Окусси. В 1770 г. Францишку ди Орнай, ставший единоличным вождем топасских общин, выразил желание принять подданство Нидерландов и обратился к властям Батавии, центра владений Ост-Индской компании, с предложением об установлении власти Нидерландов над Окусси. Однако, как писал российский исследователь Восточного Тимора Н. А. Толмачев, «голландцы, наученные горьким опытом португальцев, отказались от столь беспокойных и ненадежных вассалов, и топассы формально остались подданными португальской короны» [Толмачев Н. А., 1990, с. 15].

Вместе с тем XVIII век для топассов становится периодом постоянных конфликтов с властями Гоа. Хотя силам Орнай и да Кошта удалось изгнать королевские войска из Лифау, власть этих семейств стала неуклонно ослабевать после тяжелого поражения, понесенного от Ост-Индской компании на Западном Тиморе. Для китайских купцов из Макао, других регионов Юго-Восточной Азии конфликты стали препятствием поддержания коммерческих связей с Тимором в прежнем объеме. К концу XVIII в. влияние топассов сократилось до пределов анклава Окусси, а власть семейств Орнай и да Кошта — до положения мелких князьков. Вместе с ними в прошлое уходила система взимания дани с местных правителей (*tuthais*), а сами топассы, несмотря на свое тиморское этническое происхождение, остались в восприятии аборигенов как «черные иноземцы» [Nagerdal, p. 26].

Португальско-нидерландское соперничество

Началом открытого столкновения между Португалией и Нидерландами за господство на Тиморе можно, видимо, считать захват голландцами недостроенного португальцами форта в бухте Купанг на западной оконечности острова в 1653 г. Два года спустя Голландия перевела сюда свой гарнизон с Солора и начала строительство

каменного форта, получившего название Конкордия. Защищенная от штормовых ветров глубоководная гавань и хорошо укрепленный порт, без помех снабжаемый из Батавии, придавали Конкордии особую стратегическую важность, превращая этот опорный пункт в плацдарм для дальнейшего овладения Тимором. Неудобство состояло лишь в удаленности форта от мест вырубки сандалового дерева. В 1656 г. голландцы предприняли поход во внутренние районы острова, но были наголову разбиты топассами и на протяжении последующих 150 лет им пришлось ограничиться владениями в небольшом радиусе вокруг Конкордии.

В разделах книги «Очередное путешествие к Новой Голландии», посвященных Тимору, Дампир высказал мнение, что к тому времени топассы отказались от идеи изгнания голландцев с острова и сконцентрировались на удержании подконтрольных территорий. Со своей стороны, губернаторы Конкордии, внимательно присмотревшись к особенностям локальных войн, зачастую имевших ритуальный характер, фактически предоставили своим «туземным» союзникам карт-бланш на «охоту за головами». После очередного рейда на владения топассов верховный вождь союзных Нидерландов владений имел обыкновение выставлять на крышах домов насаженные на колья головы противников. По наблюдению английского путешественника, они ценились как главный военный трофей [Dampier W.].

В итоге произошел раздел Тимора на западный (нидерландский) и восточный (португальский) и анклав Окусси на северо-западном побережье, позднее перешедший под контроль португальской колониальной администрации.

К концу XVIII в. португальцы делили Тимор на две политико-географические зоны: западную область Сервиан, населенную племенами *даван*, или *атони*, состоявшую из 16 «княжеств», и восточную — Белуш, основное население которой была народность *белу*, или *тетум*, состоявшая, по крайней мере, из 46 разнокалиберных «княжеств». Сервиан, занимавшее большую часть острова, фактически контролировался топассами. Однако формально область находилась под властью местного верховного правителя.

Засев в Дили, португальцы имели слабое представление о том, что происходило на западе острова. Да и на восточной половине Тимора ситуация была не вполне ясна; вряд ли, например, правитель области Белуш, которому португальцы приписывали большую власть, в действительности безраздельно распоряжался 46 «мини-государствами» [Fox, p. 12].

Что касается Нидерландов, они ссылались на договор, заключенный в 1756 г. их дипломатом Паравичини с туземным правителем «королевства» Вайвику-Вехали, который подписал его от себя лично и от имени своих многочисленных вассалов. Этот документ служил юридическим обоснованием претензий на обширные территории, которые португальцы считали своими владениями. Таким образом, из-за территориальных притязаний создалась конфликтная ситуация, приведшая к началу самых продолжительных и напряженных переговоров в истории отношений колониальных держав.

К началу XIX в. западные районы Тимора считались частью Нидерландской Индии, а восточная половина относилась к Португальской Индии, включавшей также острова Флорес, Солор, Сетар и Алор, управляемые из Макао. Власть Лиссабона над мелкими островами была чисто номинальной; над этими владениями развевался португальский флаг и власти Дили периодически давали аудиенцию местным правителям.

Во время Наполеоновских войн Купанг и прилегающий район были оккупированы британцами, возвратившими их Нидерландам в 1816 г. Голландцы тут же возобновили свои территориальные притязания к португальцам, что привело к пограничным столкновениям.

Португальцы претендовали на обширные территории во внутренних районах Западного Тимора, площадью намного превышавшие современный анклав Окусси — Амбену. Голландцы, в свою очередь, выдвигали притязания на два участка, расположенных вдоль северного и южного побережья острова современного Тимора-Лешти. Полную неясность представляла линия размежевания владений двух держав в глубинных районах острова.

В 1846 г. Гаага инициировала дипломатические контакты с намерением приобрести португальские владения. Переговоры активизировались в 1848 г., после того как один из туземных вождей анклава Окусси, формально подчинявшегося португальской короне, втянулся в вооруженный конфликт между местными правителями нидерландской части острова. Это побудило Гаагу к немедленным действиям: была учреждена специальная комиссия для переговоров с Лиссабоном о судьбе Тимора. Первоначально португальцы склонялись к продаже владений, но в 1851 г. было принято решение отклонить голландское предложение и срочно начать переговоры о делимитации границ.

Ранее, в 1850 г., Тимор и Солор были выделены в самостоятельную провинцию Португальской Индии, финансово независимую

от Макао. Год спустя губернатор Дили Лима ди Лопеш договорился с голландцами по поводу основных ориентиров прохождения границы на Тиморе. Одновременно, будучи в затруднительном финансовом положении и не имея соответствующих полномочий Лиссабона, он отказался от притязаний на Флорес и близлежащие примыкающие мелкие острова в обмен на получение аванса в размере 80 тысяч голландских флоринов с последующей доплатой 120 тысяч, на что Гаага незамедлительно согласилась. Хотя действия губернатора были дезавуированы Лиссабоном, а Лопеш немедленно был отозван и разжалован, сама по себе договоренность осталась в силе.

В конечном счете в 1854 г. между Португалией и Нидерландами было подписано соглашение об обмене территориями и делимитации границ, вступившее в силу пять лет спустя. Португалия полностью отказалась от притязаний на Флорес, Солор, Пантар и Алор. На Тиморе была проведена линия границы, в общих чертах совпадавшая с рубежами княжеств — протекторатов двух колониальных держав. Нидерланды признали власть Португалии над анклавом Окусси, португальцы — власть голландцев над анклавом Маутакар, расположенным в центральной части острова.

В дальнейшем между Португалией и Нидерландами продолжался вялотекущий спор относительно окончательного раздела владений. В 1893 г. была подписана конвенция о демаркации границы, в 1904 г. — о взаимном обмене некоторыми территориями и установке пограничных знаков, в 1913 г. — о передаче пограничного спора на рассмотрение третейского суда в Гааге. Линия прохождения границы была установлена решением суда от 25 июня 1914 г., окончательно вступившего в силу лишь в августе 1914 года [Фох, р. 14–16].

Несмотря на согласованные условия размежевания, ни одна из двух колониальных держав не контролировала территории, полученные по Гаагскому вердикту.

Голландцы практически ежегодно во время сухого сезона отправляли военные экспедиции в глубь острова, в особенности — для подавления смуты в «княжестве» Аманубан, занимавшем важную часть южного побережья Западного Тимора. В целом португальцы на протяжении 1848–1913 гг. направляли не менее 60 военных экспедиций, дабы привести тиморцев к покорности.

Между тем вплоть до конца XIX века выходцы из метрополии с большой неохотой селились на этой отдаленной территории, считавшейся скорее местом ссылки, чем постоянного проживания.

ГЛАВА II

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ТИМОР В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Социально-экономическое развитие

В новое время не только португальцы и топассы определяли историю Восточного Тимора и его систему хозяйствования. Если топассы контролировали торговлю во внутренних районах, а внешняя торговля, главным образом сандаловым деревом, фактически была монополизирована китайскими купцами, в основном уроженцами Макао. К середине XIX века под контроль китайских торговцев в основном перешел и товарообмен с внутренними горными районами. Обычно она носила меновой характер: китайские коммерсанты обменивали кремневые ружья, пользовавшиеся повышенным спросом у местного населения, на сандал и воск. В конце XIX в., когда поставки сандалового дерева пошли на убыль из-за его хищнической вырубki, местные китайские негодцианты стали энергично содействовать тому, чтобы главным экспортным товаром Тимора сделать кофе. Хотя португальцы пытались вывозить его только через Дили, китайцы предпочитали совершать экспортные сделки через контролируемый ими порт Атапупу на северном побережье Западного Тимора.

В начале 1861 г. на Тиморе четыре месяца провел британский натуралист Альфред Уоллес, последователь теории эволюции Дарвина. В двухтомной монографии «Малайский архипелаг: земля орангутана и райской птицы», увидевшей свет в 1869 г., он посвятил две главы описанию Тимора. В частности, Уоллес отмечает, что на него ужасающее впечатление произвел Дили, небольшой туземный городок саманной постройки, где даже форт, таможня и церковь сооружены из глины и соломы без намека на какие-либо архитектурные украшения. Единственным исключением являлся дом губернатора, представлявший собой побеленное бунгало.

Не менее жалкую картину являло само португальское правление. Британского ученого поразила полная бездеятельность и беспечность колониальной администрации Тимора, за три столетия не проложившей ни одной приемлемой дороги. Эксплуатируя и обирая аборигенов, португальские власти мало задумывались о защите Дили от возможных нападений. Офицеры местного гарнизона не умели обращаться с мортирой и снарядами, присланными из метрополии. Во время своего пребывания на острове Уоллес стал свидетелем очередного возмущения коренных тиморцев. При этом командир гарнизона полностью устранился от своих обязанностей, сославшись на болезнь. Власти не пошевелили пальцем, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение Дили продовольствием, а в результате инсургенты перекрыли горные перевалы. Дабы избежать голода, португальскому губернатору пришлось слезно просить о помощи нидерландские власти острова Амбона [Wallas, Alfred].

В начале XX в. уникальные сведения о Португальском Тиморе дал М. М. Бакунин, российский консул при администрации Нидерландской Индии, опубликованные в вышедшей в 1902 г. книге «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява» и переизданной в 2007 г.

Личные впечатления российского дипломата о португальской колонии в конце XIX века достойны того, чтобы привести их полностью. М. М. Бакунин, в частности, писал: «Заметный и осязаемый контраст с благоустроенными голландскими территориями являет португальская часть Тимора... В португальских владениях происходят постоянные восстания туземцев, обремененных налогами и податями и изнемогающих под деспотическим режимом чиновников, бесчисленных духовных лиц и монашеских орденов. Доходов владения эти не дают никаких; португальский губернатор Тимора получает жалованье меньше, чем какой-нибудь голландский резидент, в тех редких случаях, когда лиссабонское правительство в состоянии вообще выплачивать причитающееся его чиновникам содержание. А это, как в Турции, происходит далеко и не часто. Войска оборванные и мизерные, причём полковников и капитанов чуть ли не больше, чем простых рядовых. Все они получают скудное довольствие, и жалованья не видят. Португальские воины поэтому грабят одинаково подчиненное власти покорное население и дикие независимые племена Hinterland'a. Гражданская администрация делает то же по той же причине».

Далее М. М. Бакунин пишет: «Тиморская колониальная эскадра состоит из жалких судов старого типа, которые с трудом держатся на воде и к передвижению не способны, потому что командирам

не на что купить необходимые запасы угля. Словом, Тимор — это турецкий пашалык с португальским управлением...

Эти португальские неполадки, конечно, отражаются в ущерб общественному благосостоянию также и на соседних голландских владениях. Голландцы вынуждены содержать на границе полицейскую стражу и войска, дабы удерживать от вторжения на свою территорию вооруженных банд с той стороны. Это им обходится дорого и расходов по эксплуатации острова не покрывает. Вследствие сего голландцы не прочь были бы приобрести собственность также в португальской части Тимора. Они имеют конвенцию, в силу которой Португалия обязана дать предпочтение голландцам в случае, если бы в Лиссабоне когда-либо решились отделаться от этой неудобной колонии.

Но португальцы, памятующие о своем величии, вот уже третье столетие как отошедшем в область преданий, ни за что не хотят уступить своей тиморской обузы. Владение Тимором, Макао, Мозамбиком, Гоа и Диу в Индии дает и поддерживает в гордых португальцах иллюзию и самообольщение, будто Португалия также представляет собой колониальную империю, не хуже остальных европейских держав, подвигающихся на поприще колонизации» [Бакунин М. М., 2007, с. 177–178].

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался на Восточном Тиморе последовательным расширением зоны колониальных захватов и внедрением плантационного хозяйства. Этот период неразрывно связан с именем генерала португальской кавалерии Жозе Селестину да Силва, который занимал губернаторский пост в 1894–1904 гг. и был прозван «королем Тимора» не в последнюю очередь из-за близких отношений с правившим в метрополии королем Карлушем, служившим ранее под его началом в уланском полку.

По инициативе губернатора на завоеванных и «умиротворенных» территориях к югу от Дили было образовано «Sociedade Agricola Patria e Trabalho» (SAPT), монопольное акционерное общество по производству кофе и другой продукции плантационного хозяйства. В дальнейшем к этой компании присоединилась фирма «Casa Quintas», принадлежавшая сыну губернатора. После принятия в 1901 г. закона о концессиях к ним присоединилась «Companhia de Timor», фирма, основанная инвесторами метрополии с перспективой вывести Тимор в число ведущих производителей какао-бобов [Clarence-Smith, p. 9–10].

В конце 1910 г. в интересах дальнейшего развития плантационного сектора было принято новое уложение, фактически означав-

шее отчуждение земельной собственности в пользу португальского государства. Отныне губернатор обладал исключительными полномочиями предоставлять португальским и иностранным концессионерам земельные площади до 2,5 тыс. га, а командующие военными дистриктами имели право выделять до 100 га на условиях, что новый собственник организует производство таких технических культур, как кофе, какао или копра. Главы колониальной администрации получили право также выделять земли в пользу «туземных» арендаторов при условии, что они также займутся производством кофе. Иными словами, тиморский крестьянин-общинник вновь обретал право обрабатывать и расширять собственные исконные земли, платя колониальным властям оброк в виде части урожая технических культур.

Восстание Боавентуры (война Мануфахи) и его последствия

В то время как в Португалии первое десятилетие XX века ознаменовалось свержением монархии и провозглашением республики (октябрь 1910 г.), на Тиморе начало нового века было отмечено восстанием Боавентуры, названным по имени одного из лиураев области Мануфахи на южном побережье острова. Выступив против португальцев в союзе с правителями ряда сопредельных вожеств, Боавентура, человек, судя по всему, достаточно широких взглядов, имел контакты с общиной «ассимиладуш» в Дили и некоторыми командирами «туземных» формирований колониальной армии — «мордареш» (*mordares*).

Не вызывало сомнения, что истоки и причины восстания лежали во введенной «системе принудительных культур», во многом напоминавшей политику властей Нидерландской Индии в 1830–1870 гг. Однако непосредственным поводом вспышки в октябре 1911 г. возмущения послужило повышение вдвое подушного налога. Этот налог, впервые введенный в 1906 г., распространялся на все коренное взрослое население, льготы предоставлялись лишь производителям кофе, какао-бобов и хлопка. По новому регулированию, половина собранных средств поступала в распоряжение лиураев, но одновременно им не разрешалось облагать соплеменников дополнительными поборами, что противоречило традиционному праву. Запрещалась рубка сандаловых деревьев, не достигших определенного возраста, была проведена регистрация поголовья личного скота и числа ко-

косовых пальм, появился новый налог — на забой скота по случаю общинных праздников.

Вводя новое налоговое регулирование, власти республиканской Португалии на Тиморе стремились пополнить местный бюджет, ограничить властные полномочия местной знати, сведя их к функциям фискальных чиновников колониальной администрации и, наряду с этим, стимулировать производство продукции плантационного хозяйства.

Сначала выступление ограничивалось нападениями повстанцев на отдельных представителей колониальной администрации, но в дальнейшем оно охватило значительную территорию, несмотря на попытки португальцев вбить клин между вождями восстания исходя из классической формулы — разделий и властвуй. Губернатор Филомену да Камара, назначенный республиканским правительством Лиссабона, был вынужден запросить помощь метрополии.

Основные события развернулись в феврале — мае 1912 г. Под командованием губернатора колониальные войска выступили из Дили четырьмя колоннами в направлении юга для разгрома соседних с Мануфахи «княжества» и изоляции очага восстания. К тому времени прибыло подкрепление из Португальской Индии и Мозамбика с полевой артиллерией и пулеметами. К берегам Мануфахи была направлена прибывшая из Макао канонерская лодка «Патрия», приступившая к систематическим обстрелам прибрежных поселений, вселяя ужас в местных жителей, которые в массовом порядке бросились бежать в горные местности.

Решающие сражения развернулись в конце мая и продолжались два месяца в окрестностях сакральной для местных племен горы Каблак, где португальцам удалось сомкнуть кольцо окружения вокруг основных сил повстанцев и значительного числа беженцев. В боях, продолжавшихся и в дальнейший период, погибло свыше 3 тысяч тиморцев, около 12 тысяч оказалось в плену. Боавентуре удалось вырваться из окружения, однако спустя месяц он сдался властям, был помещен в тюрьму на острове Атауру, лишен чина король-полковник (*rei-colonel*) и скончался при невыясненных обстоятельствах в середине 1913 г.

В середине августа 1912 г. «новые конкистадоры» устроили торжества в Дили по случаю триумфальной победы. Губернатор да Камара санкционировал праздник участвовавших в подавлении восстания туземных союзников с демонстрацией отрубленных голов поверженных мятежников. Жесткое подавление восстания явилось

мрачным прологом истории колониальной политики Португальской Республики и открыло череду последующих войн в Африке.

В качестве военной контрибуции были реквизированы земли нескольких мятежных вождей, частично отошедшие в казну, а частично были распределены между военнослужащими, пострадавшими в ходе боевых действий, и вдовами воинов союзного туземного ополчения. Крестьянам-общинникам поверженных «княжеств» вменили в обязанности обзавестись кофейными плантациями по 600 деревьев на один двор, а также в принудительном порядке трудиться на государственных плантациях. В 1916 г., в частности, по всей провинции было посажено около 8 млн. кофейных деревьев. Трудовой повинностью в конечном счете было охвачено все взрослое население до 60 лет. Филомену да Камара, таким образом, выступил продолжателем курса своего предшественника Селестину да Силва, заложившего основы плантационной системы в 1894 г. Тогда это последовало за «умиротворением» районов, лежавших к югу от Дили, и созданием компании «SAPT».

Что касается наследных правителей, то после восстания 1911–1912 гг. они фактически лишились реальной власти, оказавшись в подчинении командующих военными дистриктами. Их формальной обязанностью был своевременный сбор налогов. На практике этой деятельностью занимались *дато* и старосты деревень, выполнявшие задачи по рекрутированию рабочей силы, принудительному расширению кофейных посадок и сбору налогов [History of Timor, p. 98].

Роль католической церкви

Выше отмечалось, что первые католические миссионеры-доминиканцы начали свою деятельность в районе Малых Зондских островов в 1550–1560 гг. Однако в период, последовавший после перемещения центра колониальной администрации в 1769 г. в Дили, отмечалось последовательное сокращение числа католических миссий на острове. К 1812 г. сохранились лишь епископаты в Дили и Манатубу, расположенные на северном побережье. На протяжении 20 лет (1814–1834 гг.) по указу короля Педру IV, находившегося под влиянием антиклерикальных либеральных идей, всем оставшимся миссиям было предписано покинуть Тимор, а функции посредника между колониальной администрацией и паствой переданы назначаемому Лиссабоном губернатору. Это произошло, невзирая на то что като-

лическое духовенство сумело найти подход к структурам традиционного общества.

Кроме того, оно выступило эффективным проводником в жизнь соглашений, санкционированных Ватиканом еще в конце XV в., а впоследствии неоднократно пролонгированных соглашений об унии португальской короны и церкви, королевском патронаже распространения христианства на заморских территориях (*pardoa de ultramarino portugues*).

Затишье миссионерской деятельности наблюдалось вплоть до 1874 г., когда архиерейская юрисдикция над Тимором была передана в распоряжение епархии Макао. Пост тиморского викария получил Антониу Жоаким ди Медейруш, ректор семинарии Святого Жозе в Макао. За несколько лет ему удалось восстановить несколько миссий, включая одну, специально предназначенную для местных китайцев-католиков. В Соимбаде иезуиты открыли колледж, задуманный как повторение известного португальского университета Коимбры. Особое учебное заведение было создано для сыновей традиционной знати с целью подготовки священнослужителей и чиновников. При нем была организована первая в колонии библиотека, ставшая впоследствии архивным документом католической церкви на Тиморе [History of Timor, p. 65].

Преемник Медейруша епископ Жозе Мануел ди Карвалью разделил Тимор на северную и южную епархии. Несмотря на трудности, связанные с неразвитостью транспортной инфраструктуры, южная миссия в Соимбаде стала главным центром прозелитической деятельности и распространения образования, основанного на христианской доктрине. Накануне свержения монархии в Португалии в 1910 г. на Тиморе насчитывалось одиннадцать средних школ и четыре мужских и женских колледжа, в которых обучалось свыше тысячи тиморцев и вели преподавание около 50 учителей-наставников [History of Timor, p. 99].

Положительное значение имела деятельность основанного в 1898 г. католического колледжа в Соимбаде, готовившего школьных учителей для всей колонии. Особая заслуга принадлежит колледжу в разработке и распространении языка «тетум-терик» на основе речи одной из самых многочисленных народностей Восточного Тимора — тетум. Он стал средством межнационального общения и одним из официальных языков независимого Восточного Тимора. Язык *тетум-терик* представлял собой пиджинизированный португальский, построенный на грамматической основе языка *тетум* с сохранением основной бытовой лексики этого языка. Однако в нем

сохранилось значительное число заимствований из португальского языка для перевода Библии и катехизиса, а впоследствии и для официальных документов и публицистики [Out of Ashes, 2000, p. 21].

После окончания Второй мировой войны усиление влияния католической церкви непосредственно было следствием ее просветительской деятельности, заполнявшей лакуну в системе государственного образования — особенно в сельской местности. Под эгидой церкви действовало 57 сельских приходских школ и две семинарии, в том числе известная семинария в Даре. Клир Португальского Тимора оплачивал отправку молодых тиморцев на учебу в духовную семинарию в Макао. Ее выпускником, в частности, был Карлуш Шименеш Белу, будущий предстоятель апостольского престола в Дили, завершивший затем свое духовное образование в Португалии и Ватикане. Вместе с тем, религиозных учебных заведений было мало: к 1974 г. зарегистрированные католики не превышали треть населения, составлявшего около 700 тысяч [History of Timor, p. 136].

Особо следует подчеркнуть, что римско-католическая церковь, выступавшая сначала как пособница колониальных властей, позже сумела обрести высокий авторитет среди населения Восточного Тимора как независимая сила. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что католическая церковь стала по существу своего рода «партией» в условиях, когда общественные организации и иные политические объединения как таковые на Восточном Тиморе находились в эмбриональном состоянии. Католическая газета *Seara*, приложение к бюллетеню духовной епархии Дили, стала, можно сказать, трибуной нарождающегося националистического движения. До закрытия в феврале 1973 г. тайной полицией ПИДЕ, она являлась единственным неподцензурным изданием.

Именно католические учебные заведения подготовили представителей местной интеллигенции, которые в середине 70-х годов возглавили борьбу Тимора за независимость. В 1974 г. бывший иезуитский священник Франсишку Шавьер ду Амарал вместе с группой единомышленников основал Тиморскую социал-демократическую ассоциацию (АСДТ), вскоре переименованную в Революционный фронт за независимый Восточный Тимор (Фретилин). Четыре года в иезуитской школе, а затем в католическом колледже в Дили учился Жозе Шанана Гужмау.

ГЛАВА III

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР В ПЕРИОД РЕЖИМА «НОВОГО ГОСУДАРСТВА» В ПОРТУГАЛИИ

Восточный Тимор — заморская провинция метрополии

Приход к власти в Португалии режима «нового государства» во главе с Антониу ди Оливейра Салазаром повлек за собой коренное реформирование колониальной политики метрополии. Начало ему было положено изданием в 1930 г. декрета 18570, в соответствии с которым резко усиливалась централизация административной власти и придавалась особая важность этическим, политическим и экономическим взаимоотношениям метрополии и заморских территорий. Одобренная в 1933 г. новая конституция Португалии в основных чертах закрепила положения декрета 18570, а принятый в ноябре 1933 г. Закон о португальской колониальной империи стал основой для построения органов власти во всех колониях, включая Тимор. Колонии стали именоваться «заморскими провинциями». Наряду с этим вступил в действие закон об административной реформе в заморских провинциях. Отныне они подчинялись министру колоний, при котором на правах совещательных органов создавались Высший совет колоний, Конференция губернаторов и Экономическая конференция португальской колониальной империи [Macau's Political System before 1974].

На Тиморе административная реформа выразилась в аннулировании автономной власти лиураев, мерах, направленных на передачу административных функций на местах в распоряжение общинных

старейшин. С этой целью символы метрополии — государственный флаг и Библия были внедрены в сакральную атрибутику традиционного общества. Иными словами, колониальные власти взяли твердый курс на передислокацию реальной власти от лиураев на уровень родовых старейшин, т. е. окончательное преодоление дуализма местной власти в целях более эффективного управления этой азиатской территорией.

И салазаровский режим сумел добиться поставленных целей. Период между двумя мировыми войнами был отмечен в Португальском Тиморе состоянием «принудительного спокойствия». Если после провозглашенного властями Нидерландской Индии «этического курса» в западной части острова возникли такие общественно-политические организации, как «Timorsch Verbond», «Timor Evolitie», «Persekutuan Timor», а также основанная тиморскими студентами в 1933 г. в Бандунге ассоциация «Timorsche Jongeren», ничего подобного не наблюдалось в португальских владениях [History of Timor, p. 113].

На фоне общей социальной инертности коренного населения и креольской прослойки в межвоенный период заметной группой выступали ссыльные из метрополии и других португальских колоний. Насчитывавшая около 100 человек, эта группа состояла из противников режима «нового государства», придерживавшихся различной политической ориентации: от либеральных демократов до социалистов и коммунистов. К их числу, например, принадлежал отец Жозе Рамуша-Орты, одного из будущих лидеров освободительного движения Восточного Тимора, член команды, угнавшей португальский военный корабль для помощи республиканской Испании. В группу ссыльных входили также участники восстаний в Гвинее-Бисау в 1927 и 1931 г. Все они были распределены по различным дистриктам колонии и поставлены под постоянный контроль государственной полиции режима Салазара [History of Timor, p. 114].

Португальские власти не стремились целенаправленно внедрять в обиходную практику язык метрополии. Это было бы нереально при сохранявшейся общинной структуре традиционного общества, изолированности отдельных районов, памяти о бесчисленных межродовых войнах и конфликтах. Зато португальским военнослужащим, чиновникам гражданской администрации, священнослужителям и плантаторам рекомендовалось овладевать языком тетум в его креольском варианте. Был составлен первый тетумо-португальский словарь. Дальнейший выпуск двуязычных словарей, перевод на те-

тум Библии и другой религиозной литературы привел к расширению ареалов его применения.

К началу Второй мировой войны в заморской провинции проживало около 300 португальцев, включая ссыльных. На вершине пирамиды власти находились губернатор и примерно 40 чиновников высшего и среднего разряда, в подчинении которых находились государственные служащие, происходившие из различных азиатских и африканских владений. К средней прослойке относились примерно 2 тысячи местных китайцев, несколько дюжин японцев, а также немногочисленные австралийцы и уроженцы европейских стран. Поскольку системы принудительного труда и высокого налогообложения сохранялись, это серьезно ограничивало переход коренных тиморцев в категорию среднего класса. Получение образования в миссионерских школах теоретически открывало возможность пересечь грань между «туземцами» и цивилизованными «ассимилами», но для большинства тиморцев такая возможность оставалась недоступной [History of Timor, p. 120].

Губернатор Теофилу Дуарте (1926–1928 гг.) стал первым крупным чиновником на службе «нового государства», попытавшимся наладить приток мигрантов из метрополии, включая политических ссыльных. По его распоряжению был подготовлен декрет о де-факто сгоне коренного населения с традиционных мест проживания в новые «туземные деревни». Это начинание продолжил губернатор Алвару Невиш да Фонтур (1937–1939 гг.). Предприняв эту инициативу, власти рассчитывали решить двудединую задачу. Во-первых, провести «зачистку» земельных угодий для португальских переселенцев в интересах налаживания аграрного производства. Во-вторых, обеспечить большую концентрацию «туземного» населения, что позволяло бы усилить административный контроль: повысить собираемость налогов, облегчить мобилизацию рабочей силы на общественные работы и призвать новобранцев в колониальную армию. Однако уже первые шаги по «зачистке территории» столкнулись с подспудным ожесточенным сопротивлением населения, не желавшего покидать земли предков, особенно перебираться в деревни, строившиеся в низинных малярийных местностях.

В результате разразившейся в начале 30-х годов «великой депрессии» Португалия оказалась на грани банкротства. В этот период экономическая жизнь отдаленной азиатской провинции фактически замерла из-за практически полного отсутствия притока финансовых ресурсов. На плаву удавалось оставаться лишь немногочисленным китайским коммерсантам и производителям кофе. Компанию «SAPT»

директивным порядком принудили вложить около половины наличных средств в местный филиал Национального заморского банка (Banco Nacional Ultramar — BNU) и текущее финансирование колониальной администрации. В результате резкого падения выручки от экспорта кофе власти также обратились к альтернативным источникам: вырос подоходный налог, был введен налог на «туземное» землевладение и отправление ряда традиционных культовых обрядов.

На Тимор, так же как на африканские колонии Португалии, распространилось новое протекционистское законодательство. Иностранным компаниям было запрещено инвестировать в новые кофейные плантации. Декрет 1937 г. установил, что португальским гражданам причиталась, по крайней мере, половина капитала компаний, занимавшихся эксплуатацией земельных угодий. Вплоть до 1941 г. единственным крупным игроком в секторе плантационного хозяйства оставалась «SAPT». Являясь собственностью клана да Силва, она выступала монополистом в производстве высококачественного кофе сорта «арабика», контролировала кофейный экспорт в Португалию и Японию, а также около 20% всей внешней торговли колонии.

Хотя компания по-прежнему находилась под эгидой BNU, к 1940 г. 40% ее акционерного капитала перешло в руки японской фирмы «Nanyo Kohatsu K. K.», обосновавшейся в Португальском Тиморе двумя годами ранее и наладившей вывоз кофе в Австралию. Японцы открыли судоходную линию, соединившую Дили с Сурабаей на Яве, наладили рейсы в свою подмандатную территорию Палау в западной части Тихого океана.

Активизация коммерческой активности Японии вызывала у властей Португальского Тимора смешанные чувства. С одной стороны, они приветствовали приток дополнительных инвестиций и расширение экспортных возможностей. С другой стороны, озабоченность вызывала перспектива овладения японцами рычагами манипулирования рынком кофе. Еще большую тревогу будил вопрос, не таятся ли за нарастанием японского экономического наступления более широкие военно-политические замыслы?

Португальский Тимор в период Второй мировой войны

О начале японского вторжения на остров население Дили узнало из листовок, сброшенных на город в конце февраля 1942 г. Из них

явствовало, что Япония вступила в войну с Нидерландами и Австралией как частью Британской империи. Говорилось также, что императорская армия вынуждена вступить в военные действия в ответ на размещение в Португальском Тиморе, принадлежащем нейтральному государству, голландских войск [History of Timor, p. 122].

С началом высадки 6-тысячного экспедиционного корпуса японские оккупационные силы приступили к изоляции португальской администрации, фактически отстранили губернатора Феррейра ди Карвалью за отказ сотрудничать с новыми властями и наказать чиновников-португальцев и местных уроженцев за гипотетическое содействие противнику, т. е. австралийцам и голландцам. В конце 1942 г. все европейские служащие колониальной администрации были отправлены в концентрационные лагеря в Ликисе и Маубара, расположенные на северном побережье. Исключение было сделано для губернатора и мэра Дили.

Еще до высадки основных японских сил на острове приступили к операциям несколько разведывательно-диверсионных подразделений союзников, сформированных из военнослужащих австралийского спецназа и Королевской армии Нидерландской Индии (КНИЛ), получивших прозвище «воробьиная армия». Перед ними ставилась задача в максимальной степени помешать превращению Тимора в плацдарм для вероятного вторжения в Австралию. На первых порах им удалось провести ряд успешных операций, включая налеты на японские военные объекты в Дили. В конце 1942 г. авиация союзников, базировавшаяся в Дарвине (Северная Австралия), приступила к систематическим бомбардировкам Дили и ряда других населенных пунктов. Жертвами налетов в основном стало мирное население. К концу 1942 г. Дили полностью обезлюдел, не считая японских военных объектов и нескольких магазинов, принадлежавших китайским торговцам.

После перегруппировки сил и прибытия подкрепления японцам удалось вытеснить «воробьиную армию» в труднодоступные горные местности, отрезав ее от снабжения продовольствием и медикаментами. В январе — феврале 1943 г. ее остатки, а также около 500 португальских граждан были эвакуированы в Австралию из немногих пунктов на южном побережье острова, остававшихся вне японского контроля. Среди них были епископ Дили, многие священники и монахи, а также уцелевшая часть бывших португальских ссыльных-антифашистов, сформировавших «красную бригаду» и оказавших немалую практическую помощь австралийским командос [History of Timor, p. 126].

Установив оккупационный режим, японское военное командование ввело трудовую повинность для коренного населения. Под страхом суровых наказаний лиураям было предписано предоставлять рабочую силу на строительство стратегических объектов, в первую очередь сооружение взлетно-посадочной полосы в Лаутаме. Повсеместную практику приобрела реквизиция запасов продовольствия, что в условиях катастрофического падения сельскохозяйственного производства обрекало население на голодание.

Что касается отношений с различными этническими группами Восточного Тимора, то тут оккупационные власти практиковали селективный подход. В среде традиционной элиты последовательно культивировались антизападные и антиколониальные настроения, пускалась в ход спекуляция на исторической памяти, связанной с восстанием Боавентуры. Делалось все, чтобы способствовать углублению противоречий между правителями прибрежных и глубинных районов с тем, чтобы мобилизовать вспомогательные силы для блокирования баз австралийских командос. Японская военная администрация затеяла игру с небольшой арабской общиной, выдвигая ее представителей на административные должности и рекрутируя в сеть осведомителей военной полиции Кэмпэтай. По аналогии с другими странами Юго-Восточной Азии, подвергшимися японской оккупации, особо жесткий режим был установлен в отношении местного китайского населения, обложенного налоговой и трудовой повинностью. Из китайцев создавались особые команды, задействованные на наиболее тяжелых работах, молодые женщины реквизировались для обслуживания солдатских борделей [History of Timor, p. 123].

Поскольку в начале 1945 г. было уже ясно, что приближается неизбежное поражение Японии в войне, японскому посланнику в Лиссабоне Морито Морисима поручили прозондировать почву по поводу Тимора, а в середине мая Токио дополнительно известил его о готовности вести переговоры относительно вывода японских войск. При этом были установлены условия, чтобы Португалия сохраняла нейтралитет, Восточный Тимор не будет занят силами союзников и Лиссабон гарантировал бы беспрепятственный вывод японских войск. После встречи с Салазаром, состоявшейся в конце мая, Морисима известил кабинет премьер-министра Тойо о готовности Лиссабона сохранять нейтралитет. Наряду с этим дипломат проинформировал о договоренности, что японские войска не покинут территорию колонии до прибытия португальских властей [History of Timor, p. 127].

Пятого сентября 1945 г., за три дня до подписания акта о капитуляции Японии на борту американского крейсера «Миссури» и четверо суток спустя после того как командующий японскими войсками на Тиморе проинформировал губернатора ди Карвалью о полном прекращении военных действий, Токио официально известил Лиссабон о возвращении колонии под португальский административный контроль. В ответ министерство иностранных дел Португалии телеграфировало, что считает нежелательным размещение на Тиморе сил союзников и настроено на решение всех вопросов посредством прямых переговоров с Токио. Заняв такую позицию, Салазар рассчитывал обеспечить передачу власти в колонии из рук в руки, минуя союзников, и избежать ситуации, сложившейся в ряде оккупированных стран Юго-Восточной Азии, где оружие капитулировавшей японской императорской армии оказалось в распоряжении местных националистических движений.

Со своей стороны, Австралия стремилась блокировать прямую передачу Восточного Тимора в распоряжение Лиссабона. В Канберре с достаточным основанием намеревались наказать Португалию, «нейтралитет» которой позволил Японии превратить колониальную провинцию в плацдарм военных действий.

Однако реализации намерений Австралии отстранить Лиссабон от решения судьбы Восточного Тимора воспрепятствовали Вашингтон и Лондон. К тому моменту Салазар окончательно переметнулся на сторону держав-союзников, предпочтя сохранить заморские провинции португальской колониальной империи в обмен на предоставление Вашингтону военных баз на Азорских островах. Таким образом, генералу Льюису Дайку, 23 сентября 1945 г. прибывшему в Дили во главе небольшого австралийского контингента, не оставалось иного выбора, как поздравить губернатора ди Карвалью с восстановлением португальского правления на Восточном Тиморе.

Послевоенные десятилетия

В 1961 г. в действие вступили законы метрополии об избирательной реформе и предоставлении гражданства коренному населению заморских провинций. Формально отменялось прежнее деление на «цивилизованных» и «нецивилизованных» граждан, т. е. все жители были формально уравнены в статусе и основных правах. Продекларированное равенство тем не менее не означало фактического равноправия, поскольку избирательный закон, принятый

в 1963 г., вводил возрастной, имущественный и образовательный цензы.

В октябре 1962 г. был принят новый Трудовой сельскохозяйственный кодекс, сменивший прежний кодекс о туземном труде. Отныне подушный налог платили лишь мужчины в возрасте старше 14 лет. Тиморцам предоставлялось право возместить его денежное выражение работой в плантационном хозяйстве, дорожном строительстве и др.

После очередной реформы управления, объявленной в ноябре 1963 г., Португальский Тимор приобрел статус заморской провинции с собственной администрацией. Вертикаль власти должен был возглавить губернатор, назначаемый правительством Португалии по представлению министра заморских территорий. Будучи одновременно главой исполнительного и законодательного советов, командующим провинциальной армии, губернатор становился полновластным хозяином вверенной ему провинции, непосредственно подчиняясь лишь Лиссабону.

В политико-административном плане провинция была разделена на 13 советов, в свою очередь состоявших из 60 округов и муниципального района Дили. Низовое звено административной структуры составляли группы деревень (*sucos*) и отдельные хутора и поселения (*provacoes*).

Очередная административная реформа нацеливалась на окончательный подрыв позиций верхушки потомственной туземной знати, в прошлом нередко вступавшей в острые конфликты с колониальными властями. В новой системе главными действующими лицами становились главы округов, полномочия которых включали сбор налогов, мобилизацию рабочей силы и судопроизводство на местах. Испытывая хронический кадровый дефицит, колониальная администрация активно привлекала на службу помимо отставных военнослужащих португальской армии и полиции и даже отбывших срок наказания ссыльных, но и наиболее ассимилированных восточнотиморцев.

Реформа административного управления стала прямым следствием восстания, которое началось под антиколониальными и антипортугальскими лозунгами в середине 1959 г. в округе Викеке на побережье Тиморского моря. Повстанцам удалось захватить штаб местного гарнизона. Размах выступления, продолжавшегося в течение месяца, принудил колониальные власти привлечь к его подавлению «туземную» милицию из соседних округов, чтобы покарать восставших с особой жестокостью. В событиях погибло около одной тысячи рядовых участников, а высокородные вожаки местной зна-

ти были отправлены в ссылку в Анголу. Вскоре последовали дополнительные превентивные меры: в провинции было дислоцировано подразделение контрповстанческих сил, создано управление тайной полиции ПИДЕ, ужесточен надзор над тиморцами, проживавшими в метрополии и других провинциях колониальной империи.

Обстановка в провинции развивалась под косвенным влиянием драматических событий на Внешних островах соседней Индонезии, охваченных антиправительственными мятежами. Провинциальные власти предоставили убежище некоторым мятежных офицерам — участникам движения Перместа на Южно-Молуккских островах, строившим, вероятно, планы превращения Португальского Тимора в плацдарм для продолжения вооруженной борьбы против правительства Республики Индонезия. Эти события в комплексе вызвали брожение в местной мусульманской общине, в которой было немало сторонников интеграции с Индонезией под лозунгом «Merdeka bersama Indonesia» («Независимость вместе с Индонезией»). В 1957 г. многие из восточнотиморских мусульман предприняли попытку перейти в индонезийское гражданство, пресеченную властями. Другую группу, лояльность которой вызывала сомнение, составляли от 300 до 400 бывших коллаборационистов в годы японской оккупации. После войны они были интернированы на острове Атауру, но затем амнистированы [History of Timor, p. 145].

На 1961–1963 гг. приходится новое выступление против колониальных властей, в ходе которого было объявлено о создании «Объединенной Республики Тимор-Дили». И это выступление было подавлено с присущей португальскому колониализму жестокостью.

В те же годы на волне широкой активизации внешней политики Индонезии при Сукарно в Джакарте вновь пробудился интерес к португальскому анклаву в Малайском архипелаге. Ранее, правда, президент Сукарно в беседе с послом США Джоном Аллисом, состоявшейся в ноябре 1957 г., категорически опроверг инсинуации относительно того, что после освобождения Западного Ириана, удерживаемого Нидерландами, Индонезия выступит с притязаниями на Британское Борнео и Португальский Тимор. Тогда Сукарно заявил, что Индонезия стремится обладать лишь тем, что ей принадлежит по праву. Он в позитивном ключе охарактеризовал состояние отношений с Лиссабоном, отметив также, что во время поездки на Западный Тимор встречался с португальскими представителями и договорился с ними о конструктивном сотрудничестве [History of Timor, p. 144].

Тем не менее, в середине 1963 г. Субандрио, министр иностранных дел и шеф Центрального разведывательного управления Индо-

незии (БПИ), санкционировал осуществление секретного проекта, нацеленного на последовательную аннексию Португальского Тимора. В августе 1963 г. в Джакарте на свет появилось правительство Тимора, наименованное Генеральным директоратом Центрального президиума Объединенной республики Тимор. Его первым шагом было заявление о намерении направить своего полномочного представителя в ООН. В действительности «правительство» существовало лишь на бумаге, так и не издав ни одного документа от собственного лица, и, естественно, эмиссара в Нью-Йорк не послало.

В конце 1963 г., однако, БПИ направило на индонезийскую часть острова своего агента для организации кампании с тем, чтобы привлечь симпатии коренного населения португальской колонии. Пользуясь прозрачностью границы, индонезийский разведчик наладил поставки товаров широкого потребления, которые сбывались в Дили по демпинговым ценам. Таким незатейливым способом он пытался добиться благожелательного отношения к Индонезии. Одновременно предпринимались попытки вербовки агентуры среди аборигенов. Однако вскоре проект был закрыт ввиду обострения внутривнутриполитической обстановки в Индонезии [Conboy K., 2004, p. 39–40].

Теория и практика так называемого лузотропикализма

Идеологическим обоснованием колониальной политики служила теория «лузотропикализма», в основу которой легли труды бразильского социолога Жильберту ди Мелу Фрейре. В них он проводил идею, что португальцы в своих колониях насаждали особую цивилизацию путем «биологического процесса ассимиляции и социологического симбиоза культур». Как утверждал Фрейре, эта политика исходила из гуманного отношения португальцев к народам колоний, проникнутым «духом христианского братства». Бразильский социолог утверждал, что португальцам присуща социально-психологическая исключительность, позволявшая в отличие от других европейцев органично вживаться в социальную среду тропиков. И в результате после многовекового взаимодействия португальцев с населением тропиков возник Рак Lusotana («Португальский мир»), простирающийся от Бразилии и Анголы до Гоа, Макао и Тимора [Толмачев Н. А., с. 22–23].

Применительно к провинции теория лузотропикализма была адаптирована в работах португальского исследователя Антониу ди

Алмейду, начавшего изучение тиморской истории и этнографии в середине 50-х годов, обнаружившего стоянки первобытного человека и проведшего анализ причин этнолингвистического многообразия острова. Возглавив официальную школу истории «португальской цивилизации» и представляя провинцию в Национальной ассамблее Португалии, ди Алмейду опубликовал ряд статей и монографию об истоках колониальной экспансии (*O Oriente de Expressao Portuguesa*). По его мнению, закрепив свое владычество на Восточном Тиморе, Португалия совершила «выдающийся акт исполнения цивилизаторской роли». В доказательство своей позиции ди Алмейду указывал на важность происходившего процесса смешения рас, на открывшиеся в 60-е годы возможности доступа коренных тиморцев не только к среднему образованию и административному управлению, но и к получению высшего образования в португальских университетах [Sousa, p. 186–187].

На практике внедрение идеологии «лузотропикализма» в провинции выразилось во введении обязательного хорового исполнения гимна салазаровской Португалии, а в учебных заведениях марша «Португальской молодежи» — объединения, созданного по типу аналогичных организаций фашистской Италии и нацистской Германии. В Дили открылся культурно-просветительский центр «*Casa Portuguesa*», где по низким ценам начали продавать книги, учебники, письменные принадлежности и радиоприемники, настроенные на волну государственного радио Португалии. Была изменена почти вся местная топонимика. В частности, город Баукау был переименован в Вилла-Салазар. Хотя у властей не хватило смелости на изменение названия сакральной горы Тата Маилау, но у ее подножия была установлена монументальная бронзовая плита с надписью на португальском языке: «Португалия — империя, над которой никогда не заходит солнце».

Социально-экономическая политика властей метрополии

Согласно с политическими установками режима «нового государства» Тимор вместе с другими заморскими провинциями Португалии был интегрирован в единый имперский валютно-экономический блок, предусматривавший взаимный льготный торговый режим и одновременно создававший барьеры на пути налаживания коммерческих связей с иностранными ближними и дальними

партнерами. В широком плане, провинция оставалась заложницей экономической слабости и периферийного положения Португалии в Европе.

В духе корпоративного государства, созданного Салазаром, в начале 1952 г. была учреждена Тиморская торгово-промышленная ассоциация (*Associação Commercial, Agrícola e Industrial de Timor*), представлявшая все сегменты предпринимательского сектора — от бизнесменов-португальцев до местных плантаторов-евразийцев и китайских коммерсантов.

Относительно объективную картину развития производительных сил провинции давали статистические данные колониальной администрации за 1948 г. Судя по цифрам, к разного рода принудительным работам привлекались 10 тыс. коренных жителей. Примерно три тысячи были задействованы в мелком предпринимательстве, включая сферу традиционных ремесел, либо были наемной рабочей силы на ограниченном числе предприятий по производству строительных материалов, предметов гигиены и личного обихода. От 2 до 3 тысяч трудились на плантациях и полукустарных предприятиях по первичной обработке кофе, какао и каучука компании «SAPT». Одновременно отсутствовали достоверные данные о том, какую роль играло мелкое крестьянское хозяйство в производстве кофе, занимавшего несравненно более значимое место по сравнению с капиталистическим плантационным сектором [History of Timor, p. 137].

На протяжении двух десятилетий (1953–1973) в провинции было реализовано несколько долгосрочных программ социально-экономического развития, в том числе 1-й пятилетний план (1953–1958), промежуточные планы 1959–1967 гг., а также 2-й пятилетний план (1968–1973). Однако, как отмечал видный восточнотиморский экономист Жоау Салданья, их претворение в жизнь осуществлялось из рук вон плохо и не привело к значимому хозяйственному прогрессу. В частности, провинциальный бюджет так и остался дефицитным [Saldanha J., p. 66–67].

Лишь в 60-е годы власти всерьез занялись развитием транспортной инфраструктуры. Вступил в строй международный аэропорт в Баукау, способный принимать крупные воздушные лайнеры и ставший воротами в Австралию. В то же время «ахиллесовой пятой» оставалось дорожное строительство. Португальская администрация не сумела в силу ограниченности финансовых ресурсов принять действенные меры, чтобы соединить различные районы современными путями сообщения. К концу колониального правления

на Восточном Тиморе насчитывалось не более 20 км дорог с твердым покрытием, пригодных для проезда в сезон дождей.

Тем не менее, обращали на себя внимание установки 2-го пятилетнего плана, предусматривавшие значительное увеличение инвестиций метрополии, развитие экспортных и импортозамещающих отраслей, рост внутренней торговли. Впервые ставилась задача заложить основы индустрии туризма. Во многом план строился с расчетом на продолжение бума в производстве кофе, вызванного ростом цен на мировых рынках. В 1963 г. его экспорт впервые за три десятилетия превысил 2 тыс. тонн и продолжал неуклонно расти. Восточный Тимор вышел на второе место по кофейному производству в португальской колониальной империи.

Еще в начале 1960 г. в провинции прошла денежная реформа. На смену «патаки», выступавшей с 1864 г. единой валютой для Восточного Тимора и Макао, пришла новая расчетная единица — тиморский эшкуду, ограниченная, впрочем, хождением в пределах португальской колониальной империи. Возрастание масштабов коммерческих сделок вкупе с активизацией покупательского спроса городского населения, несмотря на неразвитость базовой финансовой инфраструктуры, вызвали расширение деловой активности филиала банка BNU в провинции. Вскоре последовало создание ряда частных кредитных компаний, нацеленных на поддержку новых инвестиций в плантационное хозяйство.

Несмотря на ограничения, установленные метрополией, провинции удалось явочным порядком преодолеть торговые барьеры и диверсифицировать внешние рынки. В значительной степени это произошло из-за зависимости португальской внешней торговли от грузоперевозчиков Северной Америки и Западной Европы. Судя по данным за 1972 г., главными экспортными направлениями провинции стали США, Нидерланды и другие западноевропейские страны. Лишь около 7% приходилось на Португалию. Однако метрополия сохраняла положение главного поставщика импортных товаров. За ней следовали Австралия, Сингапур, Япония и Мозамбик [History of Timor, p. 138].

По степени вовлеченности в мировую торговлю Португальский Тимор опередил индонезийскую часть острова. В условиях гиперинфляции, вызванной экономической политикой президента Сукарно, граждане Индонезии устремились в португальскую часть острова, где поддерживались стабильные цены на основные потребительские товары, поставляемые китайскими посредниками из Макао и Гонконга.

Сознательно ставя рогатки на пути зарождения «туземного» предпринимательства, колониальные власти предоставляли довольно обширную нишу для развития местного китайского капитала. В результате восточнотиморские хуацяо установили полный контроль над сферой частного бизнеса, им принадлежали 23 из 25 экспортно-импортных компаний, большая часть кофейных плантаций и сетей оптовой торговли.

В 1947 г. возобновились поиски коммерчески рентабельных запасов нефти и газа. К геологоразведочным работам при технологическом сотрудничестве с рядом американских фирм приступила компания *Timor Oil*, имевшая штаб-квартиру в Австралии. Работы продолжались с переменным успехом вплоть до начала 70-х годов. В 1974 г. к изысканиям подключилась другая австралийская компания *Broken Hill Proprietary*. На тот момент совокупные капиталовложения двух компаний представляли собой крупнейшие иностранные инвестиции в экономику Португальского Тимора, имевшие мультипликационный эффект в виде расширения занятости населения и расширения транспортной инфраструктуры в ряде районов южного побережья.

Полевые изыскания на материковой части Тимора велись на фоне продолжавшихся трудных переговоров между Португалией и Австралией о делимитации границы в Тиморском море. В то время как Канберра проявляла повышенное нетерпение, Лиссабон предпочитал не спешить, дожидаясь результатов 3-й конференции ООН по морскому праву. Несмотря на протест Австралии, в конце 1974 г. правительство Португалии дало согласие на разведку углеводородного сырья на тиморском шельфе американской корпорации *Oceanic Exploration*.

В послевоенный период была заново отстроена и начала динамично развиваться столица провинции Дили — город, население которого к началу 70-х годов приблизилось к 10 тысячам. Город украсил губернаторский дворец, здание муниципального совета, церковь в стиле барокко и благоустроенная морская набережная. Восстановившись в качестве административного и коммерческого центра, Дили занял особое положение, став «кузнечным тиглем», в котором выплавлялись основные социально-этнические группы, непосредственно затронутые португальским культурным влиянием.

Первую строку в иерархии населения города занимали несколько сотен португальцев: офицеры и сержантский состав действительной службы, чиновники колониальной администрации, осевшие в колонии военные и гражданские пенсионеры, владельцы неболь-

ших предприятий и отелей, коммерсанты. Многие состояли в браке с местными представительницами прекрасного пола. Подавляющее большинство европейцев проживали в военных городках, либо в отнесенительно благоустроенном квартале Фарол.

Параллельно в Дили возник типичный для стран Юго-Восточной Азии чайнатаун, одновременно выступающий как торгово-ремесленный, так и жилой район. Социальная сплоченность общины основывалась на системе школ, где преподавание шло на китайском языке с одновременным изучением языка и истории метрополии. Преподавательский состав рекрутировался на Тайване, община отмечала официальные праздники Китайской Республики, представленной в Дили консульством. Многие местные хуацяо поддерживали прочные коммерческие и семейные связи с Макао.

Арабскую или мусульманскую общину Дили представляли в основном выходцы из Хадрамаута (Южная Аравия), перебравшиеся на Тимор в XIX в. и компактно заселившие несколько кварталов, которые впоследствии получили название Кампонг Алор или Кампонг Араб. В арабской части были построены мечеть и мусульманская школа, где обучение осуществлялось на основе коранических текстов.

Коренные уроженцы провинции занимали окраинные районы города, так называемые *bairros de palapa*, повторявшие в модернизированной форме традиционные общинные структуры. В повседневной жизни все еще решающее значение имели происхождение и родственные связи. Центральное место в социальной жизни общин занимал торговый рынок с воскресными петушиными боями.

Несмотря на известный прогресс в социально-экономической сфере, к концу своего владычества Португалия оставила эту заморскую провинцию, расположенную на расстоянии 18 тыс. километров от метрополии, не столько на положении слаборазвитости, сколько в состоянии абсолютной отсталости. Восточный Тимор оставался в разряде наиболее бедных стран и территорий в Азии, в том числе уступая по уровню доходов населения соседним провинциям Индонезии. Например, в 1971 г. ВВП на душу населения Восточного Тимора составлял около 2 долл. США по сравнению с 80 долл. в Индонезии. Существовала огромная диспропорция в оплате труда различных этносоциальных групп населения. В частности, недельная зарплата неквалифицированного «туземного» рабочего не превышала одного доллара, а «белого» государственного служащего составляла 25 долларов [History of Timor, p. 139].

Основу экономики колонии составляло примитивное сельское хозяйство, в котором было занято до 90% коренного населения. В основном производились продовольственные культуры для внутреннего потребления. Однако собственной продукции не хватало, значительная часть продовольствия и потребительских товаров завозилась из Мозамбика, расположенного по другую сторону Индийского океана. Почти полностью прекратилась заготовка и вывоз сандалового дерева. Основной культурой плантационного хозяйства стал кофе. Его производство составляло к середине 70-х годов около 5 тыс. тонн, что давало 90% экспортной выручки. Вывозилось за рубеж также небольшое количество каучука и копры.

Практически полностью отсутствовала промышленность, представленная лишь несколькими полукустарными предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья.

О состоянии образования говорил тот факт, что лишь один тиморец имел диплом агронома, двое — высшее медицинское образование. Всего же в колонии число специалистов с высшим образованием не достигало и 10 человек.

Весьма ограниченным было количество начальных государственных школ. Учебники для них на португальском языке завозились из Анголы. В целом лишь 10 процентов тиморцев более или менее сносно владели языком метрополии, в то время как лишь один из местных 32 диалектов имел письменность.

В этой заморской провинции свирепствовали малярия и другие тропические болезни. Насчитывалось лишь пять больниц в Дили и некоторых административных центрах, один врач приходился на 27 тысяч человек [Толмачев Н. А., 1990, с. 24–25].

В социально-политическом плане управление провинции строилось на системе апартеида. Белые португальцы, высшая раса, занимали вершину пирамиды власти. Следующую ступеньку занимали потомки смешанных браков — *местикуш*. За ними следовали *ассимиладуш*, тиморцы, говорившие по-португальски, принявшие католическую веру и европейские нравы и обычаи. У подножия пирамиды находилась основная масса коренного населения, которого как португальцы, так и *местикуш* и *ассимиладуш* презрительно величали *маубери* — «темный деревенщина».

Юридические права аборигенного населения находились в прямой зависимости от степени его ассимиляции. Лишь отпрыскам класса традиционных вождей, а также ограниченному числу «ассимиладуш» позволялось поступать в государственные школы. Колониальная администрация стремилась создавать местную элиту

в соответствии с собственными представлениями о цивилизации и имперском патриотизме, но по-прежнему выступающую лишь в качестве вспомогательной прослойки чиновничества низшего и среднего разряда.

Расширение системы образования, предпринятое правительством Салазара и продолженное его преемником Марселлу Каэтану, вызвало возникновение малочисленной прослойки восточнотиморской интеллигенции и посеяло семена национального пробуждения. Однако она оставалась изолированной от контактов с внешней средой. Ограниченное число выходцев из отдаленной азиатской провинции, обучавшихся в метрополии, не прошли «тюремных университетов» как многие представители африканских колоний Португалии. В отличие от Гоа, где после подавления кампаний гражданского неповиновения сформировалось антиколониальное движение, смотревшего на Неру, тогдашнего лидера независимой Индии, как на освободителя, а также от Макао, где местные радикалы рассчитывали, что культурная революция в Китае положит конец колониальному правлению, ситуация на Восточном Тиморе отличалась коренным образом. Здесь четко не обозначились силы, ориентировавшиеся на Индонезию как потенциальный источник поддержки националистического движения. Хотя не вызывало сомнения, что после прихода к власти «нового порядка» Джакарта не отказалась от собственных долгосрочных планов в отношении Португальского Тимора.

Подводя некоторые итоги развития Португальского Тимора в послевоенные десятилетия, можно отметить, что расширение производства кофе в секторе плантационного хозяйства, основанного на принципах рыночных отношений, не привело к качественным подвижкам в экономической структуре. Отрасль по-прежнему базировалась на скупке и первичной обработке продукта, произведенного в мелкотоварном секторе. В этом плане крупные латифундии представляли собой анклав, неспособные выступить двигателями экономического прогресса провинции. Неодолимыми препятствиями на этом пути являлись как слабость португальского частного капитала, так маломощность колониальной машины, не располагавшей ни политической волей, ни ресурсами, чтобы переломить ситуацию. Иными словами, развитие Португальского Тимора по-прежнему основывалось на внеэкономическом приращении.

На этом фоне социальная трансформация продвигалась вперед в крайне замедленном темпе. Японская оккупация не вызва-

ла к жизни националистическое движение, как это произошло в большинстве стран Юго-Восточной Азии. Напротив, громко заявил о себе атавизм традиционных отношений в обществе, присущих доколониальной эпохе. Португальский анклав на Тиморе остался в стороне от бурных политических катаклизмов, сопровождавших рождение и первые годы независимости Индонезии. При салазаровском режиме Восточный Тимор, отдаленный морской форпост, оставался тихой заводью, сравнимой с Лаосом во французском Индокитае, а в лузофонном мире — с Гвинеей-Бисау, где традиционные институты тесно переплетались с привнесенными колониальными порядками.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ВОСТОЧНОМ ТИМОРЕ В 1974–1975 ГГ.

Влияние революции «красных гвоздик» в Португалии

В начале 70-х годов XX века Португальский Тимор продолжал пребывать в состоянии практически тотального информационного вакуума. Телевидения еще не было в помине, а официальное португальское радио, сообщавшее лишь о новостях в метрополии и ее заморских владениях, давало краткие сообщения о странах Западной Европы и ни слова не говорило об остальном мире, которого как будто и не существовало. Сведения о соседней Индонезии не простирались дальше Купанга, по существу ничего больше не было известно об этой крупной соседней стране и событиях в ней, о том, например, что относительно недавно там произошла национальная трагедия — государственный переворот под названием «события 30 сентября 1965 года». Об Австралии просачивались смутные сведения: там вроде бы хозяйничали белые европейцы.

Вести о «революции гвоздик» в Португалии 25 апреля 1974 г., совершенной Движением вооруженных сил, и о свержении репрессивного режима Каэтано, сведения о планах нового военного руководства в Лиссабоне пойти на полномасштабную деколонизацию заморских провинций докатились до Восточного Тимора лишь пять месяцев спустя, поскольку до этого прекратилось судоходное сообщение с Мозамбиком, откуда обычно поступали последние новости. Из Макао же приходила противоречивая информация.

Эти известия привели в замешательство местную верхушку. К ней относились присланные из Лиссабона португальские чинов-

ники, считавшие Тимор отдаленной сатрапией, превращенной ими в собственную синекуру, переселенцы из Гоа, бывшей португальской колонии в Индии, с островов Зеленого Мыса. Верхний слой местного общества включал в себя также *местикиуш*, таких как, например, многочисленное семейство бывшего политического ссыльного Мануэла Каррашкалау, сумевшего стать одним из богатейших латифундистов — «фазендейру». Частью верхушки считались «ассимиладауш», занимавшие второразрядные посты в колониальной администрации. Все они испытывали страх за свою судьбу на тот случай, если Индонезия проявит экспансионистские намерения, и в этой связи были готовы отдаться под покровительство Австралии и даже Соединенных Штатов.

Особую тревогу перспектива индонезийского вмешательства вызывала у местных китайских предпринимателей, хорошо осведомленных о том, как власти Джакарты в своей собственной стране жестко обходились с местными китайцами. Наиболее оборотистые предприниматели свертывали деловую активность и переводили активы за рубеж, а заодно отправляли семьи подальше от Восточного Тимора [The New York Times, 19.10.1974].

Вместе с тем «революция гвоздик» дала импульс подъему политической активности на острове, появлению партий и общественных объединений.

Первым 11 мая 1974 г. был создан Демократический союз Тимора (УДТ) — *Uniao Democratica Timorese (UDT)*, тесно связанный с колониальной администрацией и представлявший интересы верхнего слоя местного чиновничества и латифундистов, в основном «местикиуш», а также части племенной верхушки главных районов производства кофе. Партия, получившая поддержку местных властей и католического епископата, вскоре превратилась в активную политическую силу, поскольку на волне дотоле невиданного роста общественного сознания выступила с привлекательными лозунгами. Ее программа включала развитие демократических институтов, уважение прав человека, перераспределение общественного богатства. Союз провозгласил право Восточного Тимора на самоопределение и отверг возможность интеграции с Индонезией. На ближайшую перспективу предусматривалось создание тесной ассоциации с Португалией, до тех пор пока бывшая колония не встанет на ноги. К середине 1975 г. УДТ пользовался поддержкой около 10% населения. Лидерами Союза стали Франсишку Шавьер Лопеш да Круж, братья Мануэл, Мариу и Жоау Каррашкалау и Домингуш ди Оливейра.

Двадцатого мая 1974 г. появилась Тиморская социал-демократическая ассоциация (АСДТ) — Associação Social Democrática Timorense (ASDT). 12 сентября того же года она была переименована в Революционный фронт за независимый Восточный Тимор (Фретилин) — Frente Revolucionária do Timor Leste Independente (FRETILIN), ставший самой массовой политической организацией, которая насчитывала в конце 1974 г. 80 тысяч членов. Основателями АСДТ выступила группа молодых интеллигентов разного социального происхождения. Одни из них служили в колониальной администрации, другие ранее входили в подпольную группу, созданную в начале 70-х годов. Из основателей Ассоциации самым старшим по возрасту был 37-летний Франсишку Шавьер ду Амарал, чиновник налоговой и таможенной службы. Другими ключевыми фигурами были Мари Алкатири, журналист Жозе Рамуш-Орта, сын «депортаду», т. е. политического ссыльного, позднее при режиме Каэтано также сосланный в Мозамбик, в апреле 1974 г. организовавший Комитет защиты труда, первую на Восточном Тиморе профсоюзную организацию, и учитель Николау Лобату. Годом позже в Фретилин вступил поэт и журналист Шанана Гужмау, сразу же назначенный редактором партийного издания «Timor Leste: Jornal do Povo Maubere» («Восточный Тимор: Газета простого народа»).

Стремительная трансформация Ассоциации в Революционный фронт объяснялась активностью получивших высшее образование в Португалии тиморцев — Абилиу и Жильермина Араужу, Антониу Карварину, Висенти душ Рейеш (Сахе) и Венансиу да Силва. Они вернулись на родину, вдохновленные примером революции «красных гвоздик», идеями марксизма и маоизма. С другой стороны, Мари Алкатири, братья Лобату и Роки Родригеш находились под сильным влиянием поездок в Африку, в особенности в Мозамбик и Анголу, боровшихся с оружием в руках против португальского колониализма.

В руководящем звене Фретилин попытались осмыслить историю Восточного Тимора под углом зрения борьбы с колониальным угнетением. Абилиу Араужу, посвятив этому вопросу ряд исследований, пришел к выводу, что кульминацией периодически начинавшихся «войн за независимость» на Тиморе стало восстание под руководством Боавентуры в 1912 г. Последовавший затем период «пассивного сопротивления», вызванный ужесточением колониального режима, был прерван восстанием в 1959 г., которое обозначило поворотный момент в становлении националистического движения на Восточном Тиморе [East Timor Beyond Independence, 2007, p. 194].

По мнению бывшего австралийского консула в Дили Джеймса Данна, Фретилин никоим образом нельзя было считать коммунистической партией, хотя в нем существовало сильное левое крыло, «злоупотреблявшее коммунистическими лозунгами». Его представители инициировали организацию сельскохозяйственных кооперативов, попытались создать сеть «босоногих учителей и фельдшеров». При этом в большинстве своем активисты Фретилин оставались благочестивыми католиками. Это были представители городской интеллигенции, стремившиеся обрести и утвердить этнокультурную и историческую самобытность уроженцев Восточного Тимора. Фронт представлял собой организацию националистического толка, выдвигавшую весьма умеренную программу [Chomski N. Herman E. S., 1980, p. 140]. Идеологической платформой Фретилин считался «мауберизм». Термин происходил от распространенного среди коренных жителей сельской местности имени Маубере. Португальцы пользовались им в качестве унижительной клички людей из глухой глубинки колонии. Фретилин принял термин на вооружение как символ борьбы за интересы социальных низов тиморского общества [Cristalis I., p. 40].

Будучи скорее реформистским, чем революционным, Фронт призывал к постепенному продвижению к независимости на основе аграрных преобразований, расширения кооперации в городе и селе в целях вытеснения китайского капитала на основе государственного контроля над инвестициями и внешней экономической помощью, проводить курс неприсоединения во внешней политике. Несмотря на то что Фретилин неустанно подчеркивал свой некоммунистический характер, тем не менее, из-за своей революционной фразеологии партия обрела в западных и индонезийских средствах массовой информации ярлыки «марксистская» или «маоистская».

Говоря о программе партии, австралийская журналистка Джилл Джоллифф отмечала, что в ней нашли отражение идеи «пылкого национализма, популизма, политического прагматизма». Хотя в мышлении лидеры Фретилин больше мыслили в духе «национализма третьего мира», чем идей западной социал-демократии, будущее независимого Восточного Тимора открывалось для политических перемен [Chomski N. Herman E. S., 1980, p. 140].

Двадцать седьмого мая 1974 г. была создана третья организация — Ассоциация за интеграцию Восточного Тимора в состав Индонезии, вскоре изменившая свое название на Тиморскую народно-демократическую ассоциацию (Аподети) — *Associação Popular Democrática Timorense* (Apodeti). Основанная Жозе Осориу Соаре-

шем, она выступала за автономию в рамках Индонезии и опиралась на малочисленную местную мусульманскую общину и некоторые племенные кланы. Само первоначальное название организации указывало на ее программные установки. В сущности, Аподети, будучи креатурой Джакарты, пользовалась пропагандистской и материальной поддержкой Индонезии. Партия получала, в частности, денежные средства из анонимных «частных источников» на индонезийской половине острова. Радио Купанга, административного центра Западного Тимора, вело передачи на Восточный Тимор, рекламируя на местных языках достоинства Аподети, агитируя жителей колонии высказаться за присоединение к Индонезии. Председателем партии стал владелец крупной животноводческой фермы Арналду душ Рейеш Араужу, который при португальской администрации подвергался репрессиям за сотрудничество с японскими оккупантами в годы Второй мировой войны, генеральным секретарем — Жозе Осориу Соареш. Аподети была наименее влиятельной. Из трех ведущих партий ее могли поддержать лишь пять процентов населения.

В конце 1974 г. возникли еще три политические организации: партия КОТА (Клибур оан Тимор асвайн — «сыны горных воинов», или Ассоциация тиморских героев), Партиду трабальишта (Трудовая партия), Демократическая ассоциация за интеграцию Восточного Тимора с Австралией (Адитла). Они не играли сколько-нибудь значительной самостоятельной роли и обычно блокировались с более крупными партиями [Chesterman S., *East Timor in Transition...*, 2001, p. 3–4].

В конце января 1975 г. УДТ и Фретилин заключили соглашение о создании единого фронта, целью которого провозглашалось достижение независимости страны. Согласована была совместная программа создания переходного правительства, которое возглавлялось бы назначенным Лиссабоном Верховным комиссаром и состояло из равного числа представителей двух партий и португальской администрации. Срок полномочий переходного правительства намечался от трех до восьми лет. За это время предполагалось реорганизовать административную и политическую структуры и реализовать программу экономического развития территории. Аподети отказалась участвовать в переходном правительстве и развернула кампанию с обвинениями португальских властей в преследовании сторонников присоединения к Индонезии.

В конце марта 1975 г. новый губернатор Восточного Тимора провел в Дили консультации с лидерами трех основных политических

партий. Была достигнута договоренность об участии руководителей УДТ и Фретилин в заседании Комиссии по деколонизации Восточного Тимора.

Итогом совещания в мае 1975 г. стало соглашение о создании в октябре того же года переходного правительства и проведении через год выборов в Национальную конституционную ассамблею. Разногласия возникли по вопросу о немедленном провозглашении независимости де-юре и распределении постов в переходном правительстве. Было решено созвать следующее заседание Комиссии по деколонизации 26–28 июня 1975 г. в Макао.

Фретилин отказался признавать результаты этого совещания, настаивая на своем главном требовании к португальскому правительству: заявить о готовности немедленно предоставить независимость Восточному Тимору. В Макао же было решено пролонгировать суверенитет Португалии до конца октября 1978 года.

Ранее распалась коалиция между УДТ и Фретилин. Фронт обвинил бывших партнеров в тайных контактах с Индонезией с целью добиться поддержки в обмен на уступку части национального суверенитета после достижения независимости.

Тем временем УДТ и Аподети, при полной поддержке официальных средств массовой информации Индонезии, развернули интенсивную пропагандистскую кампанию, обвиняя Фретилин в принадлежности к коммунистическому движению и утверждая, что Фронт стремится установить «марксистский режим».

Задним числом, а именно в декабре 1996 г., джакартская газета «Компас», близкая к католическим кругам, опубликовала статью под характерным заголовком «Коммунистическая партия Португалии — революция гвоздик Фретилин: политическое взаимодействие». В ней излагалась оценка Джакартой начального этапа восточнотиморских событий. Начав издавека, автор утверждал, что в ходе «революции гвоздик» члены компартии Португалии сумели внедриться в ряды Движения вооруженных сил и войти в альянс с леворадикальными офицерами и стать доминирующей силой в военном правительстве Лиссабона. Первым делом оно сменило губернатора Восточного Тимора, назначив на этот пост полковника Мариу Лемуша Пиреша, но поскольку он придерживался умеренных взглядов, то вместе с ним на остров направили трех молодых офицеров — членов компартии Португалии, призванных, как надо понимать, играть роль политкомиссаров при губернаторе. Это были майор Родригеш ди Мота, возглавивший политический департамент губернаторства, начальник военной разведки капи-

тан Рамуш Каварилью, а также капитан С. Жонаташ, ставший заместителем губернатора по вопросам административного управления. На «тройку» португальских офицеров, по мнению «Компаса», возлагалась задача организовать на Восточном Тиморе марксистское правительство.

Одновременно, как писала газета, Компартия Португалии направила на Восточный Тимор пятерку своих активистов, уроженцев острова, обучавшихся в португальских вузах, а именно Абилиу ди Араужу, Франсишку Боргеша да Кошта, Антониу Дуарте Карварину, Винаншу Гомеша и Хамиша Бассаревана. Под их влиянием произошла дальнейшая радикализация политических взглядов руководства Фретилин.

В то же время присланные Лиссабоном офицеры — члены компартии содействовали тому, что португальские войска и структура местного управления на острове в значительной степени оказались под контролем фретилиновцев.

Португальская колония оказалась в фокусе повышенного внимания индонезийского военно-гражданского истеблишмента в середине 1974 г., когда группа функционеров Аподети пересекла границу и запросила аудиенцию у руководителей джакартских спецслужб. В столице она была принята генералом Али Муртопо, заместителем начальника Управления по координации разведывательной деятельности (БАКИН), виртуозным мастером проведения тайных операций. Под видом бизнесмена в Дили был откомандирован полковник Алойсиус Сугиянто, католик по вероисповедованию, получивший задание на месте заниматься мониторингом ситуации. Одновременно для проведения стратегической разведки Али Муртопо создал оперативное командование «Комодо» со штабом в Купанге, административном центре Западного Тимора, и передовым постом в пограничном городе Атамбуа. В состав командования вошли армейские офицеры и гражданские служащие БАКИН, главным образом католики и протестанты [Сопбой К., 2004, р. 89].

Пропагандистское прикрытие специальных операций обеспечивал полковник Юсак. В Купанг был также направлен другой старший офицер, подполковник Алекс Дипут с задачей организовать переброску агентуры на Восточный Тимор и начать там психологическую войну. Ему, тиморцу по происхождению, поручалось контролировать радиопропаганду на местных языках. В помощники ему был придан другой тиморец Луиш Таолин, кадровый сотрудник БАКИН, сын одного из клановых вождей Западного Ти-

мора, имевшего родственные связи на востоке острова [McDonald H., p. 198–199].

Весьма тревожным сигналом для лидеров Джакарты прозвучал приход к власти в Лиссабоне в сентябре 1974 г. радикального крыла Движения вооруженных сил, взявшего курс на ускоренную деколонизацию. В январе 1975 г. было достигнуто соглашение о предоставлении независимости Анголе. На Восточном Тиморе сторонники сохранения тесного альянса с метрополией стали в массовом порядке переходить на позиции полной независимости колонии.

В индонезийской столице все громче выражались опасения, что Восточный Тимор окажется в руках враждебных режиму Сухарто партий, в особенности коммунистов, однако не решались идти на открытую интервенцию. Али Муртопо, в частности, не отказался от идеи продолжения тайных операций, нацеленных на завоевание поддержки тиморской элиты и португальских чиновников. Его позицию поддерживал Сухарто, опасавшийся, что индонезийское вторжение вызовет негативную реакцию в мире, в особенности со стороны Соединенных Штатов и Австралии. Однако многие генералы в ближайшем окружении президента, в первую очередь Бенни Мурдани, начальник Управления специальных операций (ОПСУС), придерживались позиций ястребов. Генерал возглавлял операцию под кодовым названием «Фламбоян», имевшую задачу сбора тактической информации на случай начала вторжения. Его непосредственный подчиненный полковник Дадинг Калбуади руководил непосредственным обучением рекрутов, которых поставляло на индонезийскую часть острова руководство Аподети [Conboy K., 2004, p. 90].

Одиннадцатого августа 1975 г. УДТ, опираясь на часть колониальной полиции, попытался совершить государственный переворот на Восточном Тиморе. Лидеры партии утверждали, что выступление, носившее кодовое название «Сакунар» («Скорпион»), не имело целью захват власти. Задним числом Мануэл Каррашкалау, один из вожаков УДТ, утверждал, что его партия стремилась лишь устранить радикальные элементы в Фретилин, административных структурах и армейских подразделениях Восточного Тимора и таким образом предотвратить «коммунистическую угрозу». В дальнейшем якобы предполагалось объединиться с умеренным крылом Фретилин и совместно динамичными шагами продвигаться к независимости [Cristalis I., 2009, p. 37].

По информации индонезийской газеты «Компас», путч якобы был «полной неожиданностью» для Джакарты. Фретилин предло-

жил Аподети создать единый фронт. Однако индонезийцы «разъяснили» лидерам партии, что для «коммунистов типа Фретилин» означает понятие «единый фронт», а конкретно, что после победы над УДТ Аподети будет физически ликвидирована [Компас, 07.12.1996].

В условиях резкого обострения положения на Восточном Тиморе, для Джакарты особую важность представляло получение достоверной информации о реакции и дальнейших планах Лиссабона. В этих целях подразделение ОПСУС под командованием Дадинга Калбуади получило приказ любыми средствами получить доступ к документам, находившимся в багаже майора Антониу Жоау Соареша, направленного с миссией в Дили и следовавшего транзитом через Индонезию. В результате последовательных действий операция увенчалась успехом. Индонезийской разведке удалось ознакомиться с секретными документами, свидетельствовавшими о намерении Лиссабона отказаться от своей колонии в Юго-Восточной Азии. Португальскому военному губернатору предписывалось отвести войска на остров Атауру, расположенный в 16 км к северу от Дили [Conboy K., p. 94].

В течение месяца с мятежом было полностью покончено, благодаря переходу на сторону Фретилин подразделений трехтысячной колониальной армии под командованием Рожериу Лобату, состоявших из коренных жителей. Основные силы УДТ отступили на Западный Тимор под защиту индонезийских войск. Две тысячи сторонников УДТ были взяты в плен. На момент начала индонезийского вторжения в заключении содержалось несколько сотен пленных, 150 из которых были вскоре расстреляны. (На съезде Фретилин в 2000 г. партия признала свою вину и принесла извинения за допущенные перегибы.)

Получив сообщение об эвакуации португальского гарнизона, индонезийские власти решили ускорить события. 26 августа произошло первое открытое вмешательство Индонезии в дела Восточного Тимора: она высадила военный десант в Дили для эвакуации работников своего консульства. К концу месяца части индонезийской армии, развернутые на сопредельной территории, получили приказ приступить к систематическим рейдам через границу с целью дестабилизации обстановки.

Вплоть до середины осени 1975 г. Фретилин добивался, чтобы португальская администрация вернулась в Дили и завершила процесс деколонизации, а также, очевидно, полагая, что это поможет остановить агрессивные устремления Индонезии.

Однако к тому времени стала совершенно очевидна эфемерность заверений, изложенных в июне 1974 г. в письме министра иностранных дел Индонезии Адама Малика Рамушу — Орте, одному из лидеров Фретилин. В письме министр выражал уверенность, что смена режима в Португалии создала благоприятные условия для того, чтобы народ Восточного Тимора активизировал процесс достижения независимости, а также, что правительство Индонезии исходит из принципа признания за каждой нацией права на суверенитет. Он также подчеркивал, что Индонезия не имеет каких-то притязаний на территорию. Вернувшись из Джакарты с письмом Адама Малика, Рамуш — Орта пребывал в таком радужном настроении, что руководство Фретилин начало подумывать о передаче Джакарте права вести часть дел внешней политики и обороны. Однако к сентябрю 1975 г. стало полностью очевидно, что ни Португалия, ни Австралия не проявляют намерений предупредить возможную эскалацию агрессивных действий со стороны Индонезии [Chomski N. Herman E. S., 1980, p. 141–142].

Свои действия Джакарта стремилась представить как следствие обеспокоенности ситуацией на Восточном Тиморе, якобы охваченном гражданской войной, хаосом и террором Фретилин по отношению к политическим оппонентам. Перед командованием «Фламбоян» была поставлена прямая задача непосредственной поддержки сил, выступающих за интеграцию с Индонезией, а также дестабилизации обстановки в восточной части острова.

Четверть века спустя в интервью джакартскому еженедельнику «Темпо» последний португальский губернатор Мариу Лемуш Пиреш, позднее занявший преподавательскую кафедру в Высшем институте национальной обороны в Лиссабоне, сообщил, что еще в августе 1975 г. он располагал данными о подготовке индонезийской интервенции. Об этом, по его словам, свидетельствовали недвусмысленные факты: организация беспорядков на границе, радиопропаганда, несовместимая с дипломатическим статусом деятельность консула Индонезии в Дили. Еще до прямого вторжения в декабре индонезийские военнослужащие, переодетые в гражданскую форму, стали просачиваться в пограничные районы Восточного Тимора [Темпо, 03.09.2000].

О стремлении Индонезии накалить до предела обстановку свидетельствовало провокационное преступление: во время военных действий между противоборствующими восточнотиморскими сторонами пять австралийских журналистов в районе города Балибо были убиты. Расправой командовал Даданг Калбуади, впоследствии произведенный в чин бригадного генерала, с целью доказать,

что под властью Фретилин на острове царила полная анархия и неограниченный террор.

Двадцать восьмого ноября 1975 г. Фретилин провозгласил независимость Демократической Республики Восточный Тимор. В декларации о независимости говорилось: «Выражая чаяния народа Восточного Тимора и защищая законные интересы национального движения, Центральный Комитет Фретилин в одностороннем порядке провозглашает независимость Восточного Тимора с 00 часов 00 минут сегодняшнего дня (28 ноября 1975 г.), провозглашая Демократическую Республику Восточный Тимор антиколониальным и антиимпериалистическим государством» [Толмачев Н. А., 1990, с. 56]. На базе подразделений колониальных войск, перешедших на сторону Фретилин, были созданы Вооруженные силы Восточного Тимора — «Фалинтил» (Forças Armadas de Libertação Nacional de Timor Leste).

Президентом республики стал председатель партии Франсишку Шавьер ду Амарал, премьер-министром — Николау душ Рейеш Лобату. Было сформировано правительство в составе 11 министров и 7 заместителей министров. Мари Алкатири занял в правительстве вторую по значению должность — государственного министра по политическим вопросам, Абилиу душ Рейеш ди Араужу получил портфель министра по экономическим и социальным вопросам, Жозе Рамуш-Орта возглавил внешнеполитическое ведомство. Жозе Гонсалвеш стал министром экономической координации, Рожериу душ Рейеш Лобату — министром национальной обороны, Аларику Фернандеш — министром внутренних дел и безопасности, Хамиш Бассареван (Хата) — министром образования и культуры, Жувенал Мария ди Фатима Инасиу — министром финансов, Антониу Дуарте Карварину — министром юстиции, Винсенти душ Рейеш — министром труда и социального обеспечения, Эдуарду Карлуш душ Анжуш получил портфель министра коммуникаций и транспорта [East Timor Beyond Independence, 2007, p. 117].

Состав сформированного кабинета указывал на компромисс между различными течениями во Фретилин. Умеренное крыло представляли Ф. Амарал и А. Фернандеш, умеренных радикалов — Николау Лобату, его брат Рожериу и Рамуш-Орта, к крайним левым причисляли В. Рейеша, А. Карварину, А. Араужу и Хата.

Забегая вперед, следует отметить, что с началом индонезийского вторжения Алкатири, Рожериу Лобату, Рамуш-Орта и Родригеш были направлены за пределы острова для организации заграничного представительства ДРВТ с базой в Мозамбике.

Международная дипломатическая активность вокруг проблемы Восточного Тимора

В связи с провозглашением независимости Восточного Тимора, Лиссабон выступил с заявлением, в котором говорилось, что Португалия не признает декларации Фретилин и считает себя единственной законной властью. Правительство Австралии также выступило 29 ноября 1975 г. с официальным заявлением о том, что не признает одностороннего провозглашения независимости.

По горячим следам событий в Дили, Лиссабон обратился в ООН с призывом к эффективному сотрудничеству в поисках мирного урегулирования проблемы. В письме на имя Генерального секретаря ООН указывалось, что с провозглашением Фретилин независимости обострился конфликт между соперничающими политическими группировками, что должно затруднить, если не сделать вовсе невозможным, достижение соглашения между ними и обеспечение в кратчайшие сроки права территории на самоопределение. Португалия также проинформировала, что в создавшихся условиях она не в состоянии обеспечить поддержание нормальной обстановки на Восточном Тиморе.

Через день после провозглашения независимости Восточного Тимора — 30 ноября 1975 г. руководители УДТ, Аподети, Трудовой партии и КОТА приняли в городе Балибо совместную декларацию о присоединении к Индонезии. С уверенностью можно утверждать, что здесь не обошлось без деятельности индонезийской дипломатии и спецслужб, которые имели своих агентов влияния в руководстве названных партий.

Джакарта заняла двуличную позицию в отношении проблемы Восточного Тимора. Индонезийское правительство в своем заявлении от 4 декабря 1975 г. подтвердило уважение прав и обязанностей Португалии как единственной законной власти на этой территории и выразило «глубокое сожаление по поводу односторонней акции Фретилин». Говорилось также о «полном понимании» декларации четырех партий о присоединении к Индонезии и уважении права индонезийского народа выражать симпатии этой декларации. Джакарта призвала все партии на Восточном Тиморе содействовать мирному и упорядоченному процессу деколонизации и в то же время заявила о решимости принять необходимые меры, чтобы обеспечить безопасность от внешней угрозы своей национальной территории, включая ее население, другими словами — Западного Тимора. Говорилось также, что «индонезийское правительство и народ считают

своим моральным долгом защитить народ Восточного Тимора с тем, чтобы процесс деколонизации мог быть осуществлен в соответствии с чаяниями всего народа Восточного Тимора» [Урляпов И. В., с. 19].

Тем не менее, несколькими днями раньше, а именно 1 декабря 1975 г., министр иностранных дел Индонезии Адам Малик во время встречи с руководителями четырех проиндонезийских партий в Атамбуа сделал публичное заявление: «Вам предстоит тяжелая борьба. Но вы не отчаивайтесь, мы окажем вам полную поддержку, тайную и явную». Он выразил также свою уверенность в том, что еще до рождества лидеры этих партий станут хозяевами положения на Восточном Тиморе [Урляпов И. В., с. 19].

В то же время Джакарта не могла не считаться с тем, как к ее устремлениям в отношении Восточного Тимора отнесутся иностранные государства. В фокусе индонезийской дипломатии, естественно, в первую очередь была Португалия.

В конце 1974 — начале 1975 г. в Джакарте полагали, что Португалия может молчаливо согласиться с планами присоединения Индонезии Восточного Тимора. В середине октября 1974 г. в Лиссабон был направлен Али Муртопо. В роли гражданского специалиста, своего рода «министра иностранных дел» в осуществлении тайной дипломатии, к нему был прикомандирован Харри Чан Силалахи, директор джакартского Центра стратегических и международных исследований, «мозгового центра» вооруженных сил, в свое время созданных Али Муртопо [McDonald H., p. 196].

Он прибыл в португальскую столицу с широкими полномочиями, предоставленными лично Сухарто. Муртопо был принят президентом Франсишку да Кошта Гомешем, имел беседу с главой правительства Вашку Гонсалвешем, провел переговоры с министром иностранных дел Мариу Суарешем и министром по делам деколонизации Антониу ди Алмейда Сантушем.

Президент Португалии заявил прибывшему индонезийскому генералу, что перед Восточным Тимором стоит альтернатива: либо присоединиться к Индонезии, либо обрести самоуправление под эгидой Лиссабона. Полная независимость, по его словам, «нереалистична». По некоторым источникам, Гомеш заявил, что судьба территории должна решаться путем референдума. Гонсалвеш, со своей стороны, якобы подчеркнул, что независимость территории — это нонсенс и Восточный Тимор должен двигаться в направлении интеграции с Индонезией и на этом пути Лиссабон рассчитывает на тесное сотрудничество с Джакартой. В свою очередь, Суареш заявил, что у Португалии есть «моральные обязательства» перед восточно-

тиморцами, но что она также учитывает обеспокоенность соседних государств, а именно Индонезии и Австралии. Однако министр выразил убеждение, что не следует торопить события. Последняя беседа состоялась с Алмейда Сантушем, причем португальский МИД рекомендовал провести ее за закрытыми дверями, дабы общественность не решила, что Лиссабон занял проиндонезийскую позицию.

В целом у Али Муртопо сложилось устойчивое впечатление, что Португалия молчаливо согласилась с тем, чтобы в Джакарте дали «зеленый свет» для начала обработки населения Восточного Тимора в нужном направлении.

В конце 1974 г. Лиссабон окончательно определился по проблеме Восточного Тимора. Выступая в ООН в начале сессии Генеральной Ассамблеи, Алмейда Сантуш заявил, что немедленная независимость территории — «несбыточная мечта». Португалия отказалась от первоначального плана организации референдума и решила провести в 1976 г. выборы в местную Законодательную ассамблею, которая определит будущее Восточного Тимора [McDonald H., p. 196].

В начале марта 1975 г. по приглашению португальской стороны Муртопо в обстановке секретности прибыл в Лондон для продолжения переговоров. На сей раз португальцы заявили, что не готовы непосредственно передать Индонезии суверенитет над Восточным Тимором, но хотели бы сформировать временное правительство, состоящее из португальского губернатора и представителей трех партий — УДТ, Фретилин и Аподети. Это правительство должно быть признано де-юре и работать от трех до восьми лет, пока территория не достигнет политической зрелости. Одновременно Лиссабон сохраняет здесь полную власть, будет оказывать содействие работе Законодательной ассамблеи. Португальцы выразили надежду, что индонезийская сторона одобрит этот план, будет содействовать участию Аподети в его реализации. Одновременно Лиссабон по-прежнему считал интеграцию с Индонезией наиболее рациональным и подходящим решением проблемы, поскольку этого «желает большинство восточных тиморцев».

Со своей стороны, Муртопо подчеркнул, что создание временного правительства помешает интеграции, на которую согласны обе стороны. Вместо этого он предложил создать консультативный орган из представителей индонезийского и португальского правительств «в контексте подготовки местного населения к интеграции с Индонезией». В итоге ни один из предложенных планов не был одобрен. Однако Португалия заверила, что не станет препятствовать интеграции, если «процесс будет конституционным и не вызовет меж-

дународного вмешательства». Лиссабон также предоставил Джакарте свободу рук в оказании помощи Аподети. В результате полковник Сугианто, Таолин и другие офицеры индонезийской разведки вскоре прибыли в Дили [McDonald H., p. 198–199].

Однако в июне 1975 г. неожиданно для Джакарты Лиссабон чуть было не поставил крест на джакартских планах аншлюса Восточного Тимора. В июне 1975 г. парламент Португалии принял Конституционный акт 7/75, устанавливающий график перехода Восточного Тимора на самоуправление, включая выборы в Законодательную ассамблею, которая определит будущее территории, а также предоставление полного суверенитета территории не позднее октября 1978 года.

По понятным причинам такое развитие событий не устраивало Джакарту. Во время неофициальных контактов Муртопо в Риме с представителями Португалии, США, Великобритании и Австралии был согласован неофициальный «меморандум», по которому указанные державы давали фактически «добро» на переход португальской колонии под контроль Джакарты в интересах недопущения к власти «марксистского» Фретилин. Окончательная договоренность была достигнута на встрече министров иностранных дел Индонезии и Португалии в Риме 1–2 ноября 1975 г., т. е. незадолго до провозглашения независимости Демократической Республики Восточный Тимор [The Times, 13.10.1981].

Нелишне вспомнить, что в то время Лиссабон находился под сильнейшим давлением союзников по НАТО, особенно США. Военное правительство Португалии, которое в немалой части состояло из офицеров левых взглядов, являлось бельмом на глазу Вашингтона. Администрация президента США Джеральда Форда рассматривала вопрос об исключении Португалии из Североатлантического альянса и о поддержке сепаратистского движения за отделение от нее Азорских островов, где размещались важные американские базы.

В самом португальском правительстве не наблюдалось единства мнений по вопросу о будущем Восточного Тимора. В нем были достаточно сильны позиции тех, кто старался поскорее избавиться от отдаленной и нищей заморской территории, сохранив при этом респектабельное лицо. Этим и объяснялись зигзаги в политике Лиссабона по Восточному Тимору, готовность к соглашательству.

Шесть лет спустя, в октябре 1981 г., в Лиссабоне едва не разразился скандал в связи с требованием премьер-министра Бальсемау опубликовать секретный доклад о подоплеке «римского сговора» [The Times, 13.10.1981]. А в середине 1986 г., в десятую годовщину

официального включения территории в состав Индонезии, индонезийский министр иностранных дел Мохтар Кусума-Атмаджа напомнил Лиссабону, Канберре и другим критикам в западных столицах о «деликатных моментах» осени 1975 г. и обвинил их в «забвении фактов» [The Jakarta Post, 19.07.1986].

Что касается правительства Австралии, которое возглавлял в тот период Гоф Уитлем, то оно еще в августе 1974 г. пришло к мнению, что присоединение Восточного Тимора к Индонезии было бы наилучшим решением проблемы. Австралийский премьер-министр проинформировал об этом президента Сухарто во время личной встречи на Центральной Яве. За месяц до полномасштабного индонезийского вторжения на Восточный Тимор разведслужбы, Австралия через свое посольство в Джакарте и правительство Канберры были прекрасно осведомлены о военных приготовлениях Джакарты и концентрации ее сил на границе.

В середине августа 1975 г. австралийский посол в Джакарте Ричард Уолкотт, ссылаясь на беседу с послом США Ньюсомом, проинформировал Канберру, что американцы не возражают против индонезийского вторжения в Восточный Тимор, «контролируемый прокоммунистическим Фретилин». Однако добавил, что они рассчитывают на то, чтобы операция была «эффективной, быстрой и без применения американского оружия» [East Timor Revisited, December 6.12.2001]. Ньюсом сообщил также австралийскому коллеге, что получил указание из Вашингтона не втягиваться в дискуссию с индонезийцами по восточнотиморскому вопросу, поскольку перед США стоят более серьезные международные проблемы [Chomski N., Nerman E. S., 1980, p. 140]. Иными словами, Вашингтон побуждал Канберру предоставить Джакарте свободу рук на Восточном Тиморе.

Однако у Австралии были свои виды на португальскую «заморскую провинцию». Одним из самых главных являлся вопрос о наличии перспективных месторождений нефти и газа в Тиморском море. Еще в 1970–1972 гг. несколько австралийских компаний приступили к разведке углеводородного сырья вблизи южного побережья Восточного Тимора. Несмотря на протесты Португалии, Австралия и Индонезия начали переговоры о линии прохождения морской границы между двумя государствами. В мае 1971 г. и октябре 1972 г. были заключены соответствующие соглашения на базе принципа пределов континентального шельфа, причем явно в пользу Австралии. Из-за отказа Португалии участвовать в переговорах, между согласованными участками индонезийско-австралийской границы возник «тиморский разрыв» («Timor Gap»). Несмотря на возражения

Канберры, Португалия в 1974 г. предоставила американской компании «Timor Sea Oceanic Exploration/Petro Timor» эксклюзивные права на разведку нефти и газа в районе к югу от побережья Восточного Тимора. В августе 1975 г. посол Уолкотт информировал Канберру, что решать проблему «тиморского разрыва» следует с Индонезией, а не с Португалией или независимым Восточным Тимором [Chronology of Oil and Gas Development in the Timor Sea, December 2002, p. 1].

Ключевыми пунктами взаимоотношений администрации США с Джакартой в связи с проблемой Восточного Тимора стали известные документы, рассекреченные после отставки Сухарто в мае 1998 г. и краха индонезийского контроля на острове в конце 1999 г. Из них явствовало, что для Вашингтона судьба постколониального устройства Восточного Тимора отходила далеко на задний план в сравнении со стратегически важными отношениями с антикоммунистическим режимом Сухарто, особенно после поражения США в Индокитае весной 1975 г.

Документы, в частности, свидетельствуют, что, вернувшись из поездки в Вашингтон в начале июля 1975 г. воодушевленный результатами переговоров в Кэмп-Дэвиде, Сухарто заявил, что независимый Восточный Тимор «не может быть жизнеспособным». И примерно через месяц, явно по наущению Джакарты, УДТ предпринял неудавшуюся попытку захватить власть в Дили. Обсуждая это событие в Вашингтоне, занимавший тогда пост государственного секретаря Генри Киссинджер поддержал мнение своего помощника по делам Азии и Тихого океана Филиппа Хабиба о том, что Индонезия не допустит прихода к власти «прокоммунистического Фретилин» и что захват португальской колонии индонезийцами «неизбежно произойдет рано или поздно».

За несколько недель до назначенного на начало декабря визита президента США Форда в Джакарту, Киссинджер подготовил ему меморандум, в котором указывалось, что с учетом широких стратегических интересов США, связанных с Индонезией, администрации нежелательно поднимать шум из-за Восточного Тимора. Определение дальнейшей судьбы территории как таковой он расценивал как задачу третьейстепенной важности. Уже будучи с визитом в Джакарте 4–5 декабря 1975 г., Форд и Киссинджер заверили Сухарто, что Америка не будет препятствовать вторжению. Их больше интересовал вопрос, каким образом Джакарта представит интервенцию: как акт самообороны или как наступательную операцию? Дело в том, что по законам США запрещалось поставлять за рубеж аме-

риканское оружие для использования в наступательных действиях. Киссинджер спросил также Сухарто, каков будет характер и каковы сроки операции. Индонезийский президент заверил, что имеется в виду «маленькая партизанская война», однако отказался с полной уверенностью предсказать, как долго она продлится. Али Муртопо был более оптимистичен, заверив за несколько месяцев до вторжения, что «все дело будет завершено в течение трех недель». Киссинджер также пообещал Сухарто нейтрализовать возможную негативную реакцию в политических и общественных кругах США на агрессию Индонезии, при условии, что вторжение на Восточный Тимор начнется только после того, как он и президент Форд покинут индонезийскую столицу. Таким образом, интервенции был дан «зеленый свет» [McDonald H., p. 207].

Судьбу Восточного Тимора определяли во многом военно-стратегические интересы США. По водам индонезийского государства-архипелага пролегали три маршрута американских ядерных подводных лодок, следовавших из Тихого океана в Индийский и обратно, и один из них проходил по проливам Ветар и Омбай, омывающих северное побережье Тимора. В 1966 г. между военными ведомствами США и Индонезии было заключено конфиденциальное соглашение о порядке транзита субмарин, установившее, по неофициальным данным, маршруты движения и режим оповещения о проходе. Однако США направляли уведомления лишь задним числом, да и то не всякий раз [East Timor Revisited, December 2002]. По понятным причинам американцы не были заинтересованы в появлении на Восточном Тиморе нового, тем более «марксистского» режима.

Этим обстоятельством умело пользовались индонезийцы. Они убеждали США, что в случае прихода к власти Фретилин, в котором якобы заправляют коммунисты промосковской ориентации, на острове неизбежно будут построены советские военно-морские и военно-воздушные базы.

Для Джакарты важно было прозондировать позиции партнеров по Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), среди которых далеко не все отказались от традиционных опасений по поводу гегемонистских и экспансионистских устремлений Индонезии. В первую очередь следовало выяснить позицию Малайзии, у которой отношения с Джакартой были отягощены периодом прямой конфронтации со времен Сукарно.

Когда в конце 1974 г. Сухарто провел переговоры с премьер-министром Малайзии Абдул Разаком, тот высказался за присоединение Восточного Тимора к Индонезии, заявив, что Куала-Лумпур

не может допустить превращения территории в «оплот коммунистов в Юго-Восточной Азии» и поддерживает шаги Индонезии, направленные на обеспечение безопасности и стабильности в регионе. Со своей стороны, глава малайзийского внешнеполитического ведомства Ахмад Ритхауддин заявил журналистам, что правительство Абдул Разака «должно использовать опыт Индонезии в подавлении коммунистических террористов» [Урляпов И. В., Урляпов В. Ф. Восточный Тимор, 2005, с. 73].

Сходную позицию заняли другие члены АСЕАН. Лишь Сингапур выступил с особым мнением, выразив опасение, что аннексия Восточного Тимора создаст опасный прецедент захвата крупным государством более слабого. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю встречался в феврале 1976 г. на Бали с Сухарто, но тогда вопрос не обсуждался. Однако три месяца спустя, когда Сингапур воздержался при голосовании в ООН по восточнотиморской проблеме, между двумя странами возникла заметная напряженность.

Сингапурская позиция выглядела весьма прозрачной: город-государство стремился лишиться раз оградить себя от возможных аннексионистских поползновений со стороны мощного индонезийского соседа. Можно было также понять мотивы других членов АСЕАН, в том числе Малайзии. Они были заинтересованы, чтобы острие внимания Джакарты переместилось на ее собственные дальние восточные рубежи, за пределы «асеановской сердцевины». Особенно с учетом исторических уроков, которые показывают, что «маленькие партизанские войны» имеют тенденцию перерастать в длительные военные кампании.

Еще в середине августа 1975 г. Сухарто, проведя длительные предварительные консультации, созвал совещание членов кабинета — «силовики»: министра обороны М. Панггабеана, заместителя командующего вооруженными силами Суруно, начальника БАКИН Його Сугомо, начальника военной разведки Бенни Мурдани и министра иностранных дел Адама Малика. Все они поддержали мнение Сугомо и Малика о необходимости приступить к овладению Восточным Тимором. «Силовики» сформулировали конкретное предложение: сначала провести ограниченную операцию силами одного батальона, тем самым как бы приглашая Португалию вернуться и продолжить процесс деколонизации, но уже под контролем Джакарты.

Однако президент при поддержке Али Муртопо приостановил начало операции — он принял во внимание предупреждение Уитлема о том, что индонезийское вторжение вызовет острую негатив-

ную реакцию в Австралии среди парламентариев лейбористов-заднескамеечников, а также в профсоюзах, прессе и академических кругах. Хотя официальная позиция Канберры оставалась по-прежнему благожелательной, Сухарто решил соблюдать осторожность. Дело в том, что за несколько месяцев до этого индонезийская государственная нефтяная компания «Pertamina», главный источник поступлений в государственную казну, потерпела финансовый крах. Сухарто опасался, что, предприняв открытую интервенцию на Восточном Тиморе, он лишится помощи западных кредиторов для реанимации компании.

Важную роль играли и личные взгляды президента на вопросы войны и политики. Следуя традиционным яванским воззрениям, он считал, что «войну следует вести без применения армии: побеждать, не нанося поражения противнику». Иными словами, яванец Сухарто стремился обрести Восточный Тимор с минимальными издержками.

Окончательное решение о вторжении на Восточный Тимор было, по всей видимости, принято в конце ноября 1975 г. и намечалось к реализации на 5 декабря. Однако вторжение было отложено на два дня из-за присутствия в Джакарте высоких заокеанских гостей [McDonald H., 1980, p. 207].

ГЛАВА V

ВТОРЖЕНИЕ И ОККУПАЦИЯ Восто́чного Тимора

Ранним утром 7 декабря 1975 г. операция вторжения на Восточный Тимор под кодовым названием «Сероджа» («Лотос») под командованием генерала Мурдани перешла в решающую стадию. После обстрела с моря в Дили высадилась морская пехота и был сброшен воздушный десант индонезийской армии, правда, он попал под «дружественный огонь» и понес крупные потери. Целью начальной стадии операции было запереть подразделения Вооруженных сил национального освобождения Восточного Тимора (Фалинтил) и уничтожить их в городе. Однако главная задача не была выполнена. Несмотря на огромное численное и техническое превосходство индонезийской армии — около 30 тыс. военнослужащих регулярной армии против 2500 функционеров Фретилин и солдат бывшей португальской армии, — блицкриг не получился. Большинство защитников Дили удалось уйти в горы и организовать там партизанские базы. В течение первых дней индонезийским войскам удалось захватить столицу и второй по величине город Баукау, и к началу 1976 г. они контролировали около трети территории Восточного Тимора, в основном северное побережье и северо-западные районы.

Вскоре тем не менее стало ясно, что Фретилин пользовался поддержкой населения и это позволяло ему устанавливать контроль над значительной частью внутренних районов и со временем развернуть успешную партизанскую войну [Schwarz A., 1999, p. 204–205].

На официальном языке Джакарты операция «Сероджа» мотивировалась потребностью оказания «помощи индонезийским добровольцам своим восточнотиморским братьям в деле восстановления порядка и безопасности по настоятельной просьбе Аподети, УДТ и других партий» [Government Statement, 1975, p. 15]. 17 дека-

бря 1975 г. было сформировано «временное правительство», состоявшее из представителей Аподети и УДТ во главе с лидером последнего Лопешем да Кружем.

Дипломатия «нового порядка» в Индонезии, как назывался военный режим, установленный после прихода к власти генерала Сухарто, мотивировала начавшуюся акцию тем, что Португалия и Фретилин проигнорировали положения «Римского меморандума» и другие договоренности. Индонезия обвинила Лиссабон в том, что португальские власти позволили Фретилин использовать подразделения колониальной армии и их вооружение для подавления оппонентов. В действительности же большая часть рядового состава колониальной армии по доброй воле перешла на сторону Фронта, а другая часть осталась верна португальской администрации и бездействовала. Незначительная часть солдат примкнула к УДТ.

Как позднее утверждал Мариу Пиреш, португальская армия не имела связей с местными политическими партиями и не снабжала их вооружением. Драматические события начались в августе 1975 г., когда члены УДТ, в ходе поднятого путча, захватили оружейные склады местной полиции. В целом же, по мнению последнего португальского губернатора Восточного Тимора, Индонезия совершила «фатальную ошибку, избрав военный подход к решению проблемы и заявив на весь мир, что осуществляет процесс интеграции острова. «На практике эта акция оказалось аннексией с применением вооруженной силы. Такой подход полностью перечеркнул политику деколонизации, начатую Португалией» [Темро, 07.12.2000].

Принимая решение о судьбе Восточного Тимора, президент Сухарто и его ближайшее окружение исходили из геополитической посылки, что без надежного контроля над периферией государства-архипелага единство и территориальная целостность Республики Индонезии проблематичны. В свою очередь, это предполагало недопущение возникновения на востоке Тимора государства независимого, но слабого, которое бы стало проводником интересов крупных держав и согласилось на создание иностранных военно-морских и иных баз на своей территории.

Выдвигался также тезис, что движение за независимость Восточного Тимора сродни антиправительственным выступлениям, имевшим место на Суматре и Сулавеси в конце 50-х — начале 60-х годов, сепаратистскому движению на Южно-Молуккских островах, в провинции Ириан Джая, или выступлениям исламистов в Аче на Северной Суматре, направленным, как утверждалось, на развал унитарного индонезийского государства.

Отвергая такую точку зрения, Рамуш-Орта, зарубежный эмиссар движения освобождения Восточного Тимора, подчеркивал, что, например, выступление в Аче относилось к периоду Нидерландской Индии, а остальные же, хотя и происходили в современной Индонезии, но не преследовали цели выхода из состава Республики (за исключением движений на Южно-Молуккских островах и Западном Ириане), а лишь исходили из стремления откорректировать отношения между центральным правительством и Внешними островами. Продолжая мысль, Рамуш-Орта заявил, что в случае с Восточным Тимором Джакарта сама открыла «ящик Пандоры» и способствовала появлению новых угроз единству Индонезии [Schwarz A., 1999, p. 208].

Принимая решение относительно Восточного Тимора, Джакарта, естественно, не предполагала, ценой скольких человеческих жизней обернется вторжение и насколько пагубно скажется оно на международном престиже Индонезии.

Действительно, военная акция в Восточном Тиморе вызвала незамедлительную реакцию международного сообщества. В день вторжения Португалия разорвала дипломатические отношения с Индонезией, назвав ее действия «актом международного произвола». 12 декабря Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 3485 «со строгим осуждением военной интервенции вооруженных сил Индонезии против Восточного Тимора». За резолюцию проголосовали 72 государства, против 10, остальные воздержались. Ее твердо поддержали Советский Союз и Китай, постоянные члены Совета Безопасности, социалистические страны, а также Португалия, Бразилия и африканские португалоязычные государства, большинство неприсоединившихся стран и некоторые западноевропейские государства. США и их союзники воздержались, а страны АСЕАН, за исключением Сингапура, Япония, Индия, Саудовская Аравия и некоторые другие голосовали против резолюции.

Десять дней спустя Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию с настоятельным призывом к правительству Индонезии незамедлительно вывести войска из Восточного Тимора. По заключению юридических экспертов ООН, вторжением и оккупацией Восточного Тимора Индонезия нарушила два ключевых принципа международного права: право на самоопределение, а также запрет и недопущение агрессии.

На заседании Совета Безопасности ООН 18 декабря 1975 г. советский представитель Я. А. Малик подчеркнул, что СССР стоял и стоит за то, чтобы один из основополагающих принципов Декларации о деколонизации — о праве каждого народа свободно решать свою

судьбу без вмешательства извне — соблюдался строго и неукоснительно в случае Восточного Тимора. Он заявил также, что Советский Союз выступает за создание условий, которые позволили бы народу этой территории осуществить свое право на самоопределение путем свободного волеизъявления [Толмачев Н. А., 1990, с. 105]

22 декабря 1975 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию с призывом к правительству Индонезии незамедлительно вывести войска из Восточного Тимора.

В Сиднее же представитель зарубежной миссии Фретилин Криштау Сантуш подверг резкой критике австралийское и португальское правительства за их «равнодушие и бездействие», которые, по его словам, фактически означали одобрение индонезийского вторжения. Он также заявил, что «территориальные притязания Республики Индонезия в нашем регионе были очевидными с тех пор, как в августе 1975 г. партия УДТ предприняла в Дили попытку совершить противозаконный переворот» [Урляпов И. В., Урляпов В. Ф., с. 83].

Авторы монографии «Индонезия. Закономерности, тенденции, перспективы развития», приуроченной к 40-летию независимости страны, отметили, что для индонезийской дипломатии оказались шоком последствия аннексии Восточного Тимора. Широкое осуждение этой акции, в том числе ООН, заставило местную общественность задуматься над вопросом, вынесенным патриархом индонезийской политики Б. М. Диахом в заголовок серии своих статей «Почему мир отвернулся от нас?», опубликованных в начале 1976 г. в джакартской газете националистического толка «Мердека».

Не ставя под сомнение правомерность восточнотиморской акции, Б. М. Диах, главный редактор и владелец газеты, писал, что страна оказалась на положении «осиротевшего одинокого дитяти, слабого, голодного, обессиленного, залитого слезами».

По мнению авторов монографии, своим публичным выступлением Б. М. Диах нарушил негласное табу, заявив, что ослабление международных позиций страны вызвано тем, что правительство перенесло внутривластительский антикоммунизм в область внешних сношений [Демин Л. М., Другов А. Ю., Чуфрин Г. И., 1987, с. 188–189].

Действительно, многие факты свидетельствовали о том, что в своем отношении к проблеме Восточного Тимора джакартские власти, стоявшие на жестких антикоммунистических позициях, прежде всего исходили из соображений национальной безопасности. Они опасались, что возникшее на месте португальского владения слабое государство станет легкой игрушкой в руках внерегиональ-

ных держав. По оценкам индонезийских аналитиков, покровителями Восточного Тимора выступают «коммунистические» страны, вероятнее всего, в силу его географической близости Китаю. В пользу такого сценария говорила левая риторика лидеров Фретилин, а также то, что установились марксистские режимы в бывших африканских колониях Португалии. Такая перспектива представлялась неприемлемой для режима «нового порядка», для индонезийского которого Пекин был политико-идеологическим противником «номер один».

Вместе с тем Джакарта точно уловила момент для проведения восточнотиморской операции: в лагере западных держав и среди партнеров Индонезии по АСЕАН царило замешательство в связи со стремительным крахом проамериканских режимов в Индокитае. Сухартовской дипломатии удалось искусно упаковать в антикоммунистическую обертку собственные экспансионистские устремления. Западные и асеановские партнеры сошлись во мнении, что лучше Восточный Тимор попадет в руки индонезийцев, чем марксистов местного и иностранного происхождения. Под воздействием индокитайских событий ближайшим соседям Индонезии пришлось проглотить «горькую пилюлю» аннексии Восточного Тимора. Хотя сначала Сингапур отказался поддержать Джакарту в ООН, расценив ее действия как опасный прецедент в регионе, заколебалась Малайзия, вспомнив, очевидно, времена конфронтации и сделав для себя вывод о живучести индонезийского экспансионизма: впоследствии обоим государствам пришлось смириться со свершившимся фактом, тем более что он не затрагивал их непосредственные интересы [Урляпов В. Ф. Индонезия..., с. 217].

Тем временем Вашингтон предупредил новое правительство Австралии, которое за месяц до вторжения Индонезии на Восточный Тимор возглавил Малколм Фрейзер, о необходимости придерживаться прежней согласованной линии. США посоветовали новому кабинету Канберры не раздражать Джакарту, поскольку в противном случае она, исходя из провозглашенной концепции государства-архипелага, могла закрыть глубоководные проливы вдоль северного побережья Тимора, и тогда плавание американских подводных лодок от острова Гуам в Тихом океане до атолла Диего-Гарсия, расположенного в центре Индонезийского океана, длилось бы на 8–10 дней больше. Это было бы неудобно для советских субмарин, которым пришлось бы использовать мелководные, перегруженные транспортными потоками Малаккский и Сингапурские проливы, двигаясь в надводном положении. По мнению американцев, это стало одной из причин, почему СССР свел к минимуму свою критику вторжения

индонезийских войск на Восточный Тимор. Другой причиной якобы было желание приобщиться к разработке минеральных ресурсов Индонезии [Chomsky N., p. 163–164].

В действительности позиция партийно-государственного руководства Советского Союза той поры определялась сугубо прагматичными политическими целями, далекими от экономических мотиваций. В Москве посчитали контрпродуктивным излишнее будирование восточнотиморской проблемы, дабы не вносить дополнительных осложнений в достаточно напряженные двусторонние отношения с режимом «нового порядка» в Индонезии, с которой, несомненно, было сопряжено достижение определенных стратегических целей.

В условиях «холодной войны» Джакарта, чувствуя за собой недвусмысленную поддержку США, не собиралась отказываться от продолжения начавшейся оккупации Восточного Тимора, ссылаясь на якобы выраженное мнение народа территории интегрироваться в состав Индонезии и тем самым завершить процесс деколонизации. Вслед за формированием в декабре 1975 г. марионеточного «временного правительства», в мае 1976 г. была создана «народная ассамблея», в состав которой вошло 37 специально отобранных делегатов, проголосовавших за присоединение к Индонезии. Интеграция Восточного Тимора в качестве 27-й провинции было юридически оформлено указом президента Сухарто от 17 июля 1976 г. Последующее решение правительства определяло статус провинции и административное деление. Окончательное включение территории в состав Индонезии было закреплено постановлением Народно-консультативного конгресса.

Губернатором провинции стал Базилиу Араужу, занимавший этот пост вплоть до 1977 г., когда его сменил другой лидер Аподети Абилиу Соареш. Впоследствии эту должность занял лидер УДТ Мариу Карашкала, бывший в 1976–1982 гг. членом постоянного представительства Индонезии при ООН, где рьяно отстаивал позицию этой страны по отношению к Восточному Тимору.

Развитие военно-политической обстановки

Первые два года организованного сопротивления сложились для Фалинтил довольно успешно. В его рядах насчитывалось около 20 тысяч бойцов, снабженных стрелковым оружием натовского образца, брошенным португальцами. По оценкам командования сил национального освобождения, оно контролировало 80% местности с сель-

ским населением. Лишь прибрежные районы, некоторые стратегические дороги и граница находились в руках индонезийской армии.

Боевые действия на Восточном Тиморе прошли несколько этапов. Первый, начавшийся в декабре 1975 г. с индонезийского вторжения, отличался вооруженной борьбой за города и стратегические пункты, когда с обеих сторон противостояли друг другу значительные силы. Бои носили ожесточенный характер, некоторые населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Эта фаза борьбы завершилась во второй половине 1977 г., когда индонезийской армии удалось установить контроль над большей частью городов, включая все прибрежные. Но Фалинтил продолжал удерживать практически все внутренние районы.

В сложных условиях разгоревшейся партизанской войны руководство Фретилин сумело определить свою политическую линию. На национальной партийной конференции, созванной в мае 1976 г., под руководством Винсенте Рейеша (Биеке Сахе), идеолога партии, был утвержден курс на ведение «народной войны» с опорой на собственные силы. Он объявил себя сторонником концепции Мао Цзэдуна, гласившей, что «народ является морем, а армия — рыба в этом море», выступал за формирование революционной партии, выступающей авангардом освободительной борьбы. Конференция приняла также решение о создании освобожденных районов, жители которых проходили бы азы политической грамоты и военной подготовки. Однако главная обязанность по защите освобожденных районов возлагалась на Фалинтил и отряды самообороны.

В ходе конференции обозначились разногласия. Франсушку Шавьер ду Амарал, председатель партии и президент провозглашенной Демократической Республики Восточный Тимор, выступил против распыления сил Фалинтил нужных прежде всего для защиты мирного населения, а также против принципа опоры на собственные силы, поскольку для победы важна помощь из-за рубежа. Его поддержали более опытные командиры старшего поколения. Но в окончательном итоге возобладала точка зрения Рейеша (Биеке Сахе).

Состоявшаяся в августе 1977 г. очередная конференция Фретилин прошла под знаком принятия марксизма как идеологической платформы партии. Вслед за этим прошла чистка партийных рядов от «реакционных элементов». По решению ЦК Фретилин в начале сентября был снят со своего поста и арестован Шавьер ду Амарал, а 16 октября того же года на совместном заседании руководства Фретилин и Верховного совета борьбы (руководящего органа Фалинтил) было избрано новое руководство партии. Председателем Фрон-

та стал Николау Лобату, вице-председателем — Антониу Карварину (Мау Леар), политическим комиссаром (генеральным секретарем) — Биеке Сахе.

Дальнейшая судьба бывшего председателя Фретилин сложилась трагично. В течение нескольких месяцев его под вооруженным конвоем перевозили из одного освобожденного района в другой, пока ему не удалось бежать. В конце концов он оказался в руках индонезийских спецслужб. После допросов Шавьер ду Амарал был условно освобожден и вплоть до середины 1999 г. по принуждению работал домашней прислугой в доме одного из индонезийских генералов. Впоследствии он утверждал, что в результате внутривластных чисток и расправ с коллаборационистами от рук фретилинцев погибли 50 тысяч человек, не считая мирных граждан, пострадавших от голода, обстрелов и воздушных бомбардировок индонезийской армии [Cristalis I., 2009, p. 111–112].

На втором этапе, начавшемся в августе — сентябре 1977 г., произошли изменения в характере боевых действий и тактике сил сопротивления. Избегая фронтальных столкновений с крупными индонезийскими силами, отряды Фалинтил, разбившись на подразделения по несколько сот бойцов, перешли к классической партизанской войне: устраивали засады и предпринимали нападения на небольшие гарнизоны в деревнях и мелких населенных пунктах. Наиболее активно Фалинтил действовал в сезон дождей, когда противник был лишен возможности использовать бронетанковую и авиационную технику.

Изменилась и тактика командования оккупационных сил. Армейские подразделения были измотаны упорным сопротивлением и отсутствием видимых перспектив успешного завершения кампании. Ушли в прошлое обещания «позавтракать в Дили, пообедать в Баукау и поужинать в Лушпалоше». Спустя два года после начала интервенции индонезийцы контролировали менее трети населенной территории. Отныне стратегическая задача состояла в том, чтобы разрезать Восточный Тимор на зоны и, контролируя транспортные коммуникации, препятствовать переброске групп повстанцев из одной зоны в другую, поочередно окружая и уничтожая их.

Август — сентябрь 1977 г. стал переломным в ходе военных действий. Индонезийская армия предприняла несколько крупномасштабных операций с целью уничтожения вооруженных сил сопротивления. Первое крупное наступление, начатое в середине августа, нацеливалось на полное очищение западной части провинции от повстанцев. К концу года индонезийцы взяли под контроль не менее од-

ной трети территории Восточного Тимора, однако понесли, по данным Фретилин, чувствительные потери.

В мае 1978 г. с началом сухого сезона началось новое наступление индонезийских войск на районы, расположенные к югу от Дили. Оно имело целью обеспечить безопасность визита президента Сухарто, приуроченного ко второй годовщине официального включения Восточного Тимора в состав Индонезии. Операцией руководил назначенный незадолго до этого министром обороны Мухамед Юсуф, имевший богатый опыт участия в подавлении сепаратистских движений на территории Индонезии в конце 50-х — начале 60-х годов. Испытанная им на практике доктрина «территориальной войны» против партизан Фалинтил начала приносить свои плоды.

Третье массированное наступление второго этапа было предпринято в сентябре 1978 г. в восточной части острова. Как раз к этому моменту подспела военная помощь со стороны США. Администрация Джимми Картера не поскупилась и щедро предоставила помощь в размере 100 млн. долл. вместо запрошенных Джакартой поставок на сумму 25 млн. Получив в распоряжение новое вооружение, в первую очередь авиационную технику, индонезийское командование развернуло операцию «Скайлайт», направленную на уничтожение лидеров движения сопротивления. Отряды Фалинтил в тот период понесли крупные потери. Была потеряна единственная радиостанция, игравшая важнейшую роль в координации партизанских действий.

Уцелевших партизан и жителей «освобожденных районов» теснили все выше в глухие горные районы. Одним из последних очагов организованного сопротивления оставался горный массив Матебиан на востоке острова, издавна считавшийся сакральным местом у местных жителей. Гигантские пещеры и гроты позволяли укрыться целым подразделениям партизан и семьям беженцев. И все же повстанцы несли невосполнимые потери, главным образом из-за систематических бомбардировок с воздуха, которые продолжались непрерывно с начала октября по конец ноября 1978 г. По свидетельству очевидца «битвы за Матебиан» Шананы Гужмау, будущего президента независимого Тимора-Лешти, бомбардировки осуществлялись настолько профессионально, что создавалось впечатление, что за штурвалами самолетов находились не индонезийские, а американские пилоты [Cristalis I., 2009, p. 113].

После падения Матебиан 22 ноября 1978 г. индонезийское командование сконцентрировалось на обезвреживании Николау Лобату, нового председателя Фретилин и главнокомандующего Фалин-

тил. 31 декабря 1978 г. подразделение спецназа под командованием полковника Прабово Субиянто, зятя Сухарто, обнаружило его смертельно раненного в одном из районов центрального плато. Индонезийцы выставили его тело напоказ в Дили, утверждая, что вместе с ним было уничтожено свыше 20 партизан, а оставшиеся в живых сдались. Взятые в плен бойцы отряда Лобату, несмотря на объявленную амнистию, были в дальнейшем расстреляны, а их семьи направлены в концлагерь на острове Атауру [Cristalis I., 2009, p. 115].

К марту 1979 г. индонезийское командование пришло к выводу, что с Фалинтил покончено, и объявило о завершении операции «Сероджа». Из 15 тысяч вооруженных повстанцев в живых остались лишь 700. По-разному сложилась судьба ведущих партизанских командиров, выживших в ходе тяжелейших боев 1978 г. Маук Морук, по слухам, сдался индонезийцам и впоследствии стал выступать пропагандистом продолжения интеграции провинции с Индонезией. Команданте Килик Вай Гай бесследно исчез при странных обстоятельствах. Оло Гари Асван добровольно покинул ряды Фалинтил и ушел в один из безлюдных районов саванны, где жил отшельником. В 1999 г. он неожиданно объявился и возглавил отколовшуюся от Фретилин организацию Комитет народной обороны ДРВТ [East Timor Beyond Independence, 2007, p. 127].

Что касается властей Джакарты, то они никогда не приводили официальных данных о потерях индонезийских войск. По оценкам Фалинтил, лишь в ходе многомесячного сражения за Матебиан индонезийцы потеряли около 16 тыс., а всего на Восточном Тиморе — свыше 20 тысяч человек. Рамуш-Орта, ссылаясь на беседу с одним из индонезийских генералов, называл цифру 27 тысяч [Cristalis I., 2009, p. 115].

Третий, самый длительный этап боевых действий, отмеченный операцией «Пемберсихан» («Зачистка»), начался в марте 1979 г. Для него были характерны периодические столкновения небольших групп партизан с подразделениями оккупационной армии, чередовавшиеся длительными затишьями. К началу этапа погибли или были взяты в плен почти все члены Верховного совета борьбы, из строя было выведено около восьмидесяти процентов бойцов Фалинтил. Остались лишь два основных района повстанческих действий: один — к западу от Дили, другой — на восточной оконечности острова.

В середине 1979 г. Шанана Гужмау с группой уцелевших партизан предпринял попытку разыскать уцелевших членов ЦК Фретилин. Из 50 членов удалось найти лишь двоих: Мау Хуну Билере Каратайя-

ну (он же Букер) и Фернанду Тшайя. В такой обстановке Гужмау решил взять командование на себя.

В 1980 г., оправившись от потерь, повстанцы провели несколько успешных операций, в том числе нападение на телевизионную станцию в Дили и атаки на гарнизоны в ряде населенных пунктов. К концу года партизанам удалось наладить связь между разрозненными отрядами, что позволило в марте 1981 г. провести Национальную конференцию Фретилин.

На конференции, прошедшей в местечке неподалеку от города Вивеке на юге острова, была разработана новая тактика борьбы. Восточный Тимор разбивался на три (впоследствии четыре) зоны, имевшие своих командующих, продолжающих действовать с большей или меньшей самостоятельностью, опираясь на малочисленные мобильные группы. Было избрано новое руководство. На посты Национального политического комиссара, Президента Революционного совета национального сопротивления и Верховного главнокомандующего Фалинтил был избран Жозе Алешандри Гужмау (Кай Рала Шанана), его заместителем — Мау Хуну Булере Каратайану, командиром «красных бригад» стал Маук Теки Тимор, а секретарем по информации, агитации и пропаганде — Бере Малай Лака. С целью расширения базы сопротивления в новый состав ЦК Фретилин вошли представители как действующих сил сопротивления, так и восточнотиморской эмиграции. В руководстве партии лишь два человека входили в состав ЦК Фретилин в 1974 г. — Шанана Гужмау и Мау Хуну.

Гужмау выступил с инициативой объединить все восточнотиморские силы, выступающие против оккупации, перенести центр тяжести борьбы в города и привлекать как можно больше молодежи, а также развернуть за границей широкую международную кампанию в поддержку независимости Восточного Тимора.

Ему удалось провести реорганизацию и перегруппировку сил сопротивления. По его концепции, Фалинтил должен был быть превращен из военного крыла партии в национальную армию. Под руководством Гужмау удалось наладить контакты с рядом коррумпированных индонезийских офицеров, готовых предоставлять оперативную информацию и даже содействовать в приобретении оружия и боеприпасов.

В мае 1981 г. оккупационные силы предприняли операцию «Кеаманан» («Безопасность»), с целью ликвидации подпольной сети в населенных пунктах и полного вытеснения отрядов Фалинтил в центральные районы, наименее пригодные для партизанской войны. Армейское командование получило пополнение числом в 12 тыс. во-

еннослужащих, насильно согнало около 100 тыс. местных жителей для создания «живого щита» в рамках тактики «пагар бетис» («pagar betis») — «частокола из человеческих ног», т. е. когда атакующие индонезийские солдаты гонят перед собой мирных жителей. В таких условиях перед партизанами вставала дилемма: либо прекращать огонь, либо стрелять в соотечественников. В ходе операции погибло около 280 партизан и лишь единицам удалось прорваться из кольца окружения [Cristalis I., 2009, p. 117].

Наряду с попытками вооруженным путем разгромить Фалинтил, индонезийские власти попытались положить конец вооруженному сопротивлению посредством переговоров. В марте 1983 г. командующий индонезийскими войсками в провинции полковник Пурванто и Мариу Карашкалау (тогдашний губернатор провинции) встретились с Гужмау и договорились о временном прекращении огня. В письме, направленном Сухарто, лидер повстанцев обозначил условия дальнейших переговоров: безоговорочный вывод индонезийских войск, введение на Восточный Тимор миротворческих сил ООН, проведение всенародных консультаций и сохранение сил Фалинтил в горных районах для защиты мирного населения.

Однако перемирие продержалось лишь пять месяцев. В марте 1983 г. командующим вооруженными силами Индонезии был назначен Бенни Мурдани, сторонник жесткого метода в отношении решения проблемы Восточного Тимора. Именно под его началом началось проведение операции «Сероджа». В середине 1983 г., после срыва переговоров и смещения Пурванто, Мурдани направил Гужмау ультиматум с требованием безоговорочной капитуляции. Вскоре началась войсковая операция «Персатуан» («Единство»), также известная как «Сапу берсих» («Чистая метла»), с целью тотальной ликвидации вооруженного сопротивления на восточной оконечности территории, где партизаны обладали наибольшими силами. Отличительной чертой операции стало широкое использование воздушно-десантных сил стратегического резерва сухопутной армии Индонезии. Однако «Чистая метла» не имела полного успеха, если не считать, что в начале 1984 г. член ЦК Фретилин, командир «красных бригад» Маук Теки Тимор с отрядом из двухсот человек сдался в плен индонезийским властям [Толмачев Н. А., 1990, с. 67].

В июле 1986 г. индонезийские войска предприняли очередное крупное наступление против Фалинтил под кодовым названием «Кикис» («Уничтожение»). Как и в предыдущие годы, отряды Вооруженных сил национального освобождения уклонялись от прямых столкновений с превосходящими силами противника, нанося ему то-

чечные удары. Индонезийцам не удалось решить поставленную задачу: к сентябрю 1987 г. полностью положить конец вооруженному сопротивлению на Восточном Тиморе. В декабре того же года генерал Мурдани был вынужден признать, что потребуются как минимум несколько лет, чтобы окончательно подавить Фалинтил, хотя, по его оценке, число повстанцев в тот период не превышало 500 [Толмачев Н. А., 1990, с. 75].

Однако и для Фалинтил пришло время для переоценки стратегического курса борьбы. За первые годы пребывания во главе вооруженных сил освобождения Гужмау был верен марксистско-ленинской идеологии, по его собственному признанию, «из уважения к памяти павших товарищей», а также из убеждения, что был не вправе менять идеологическую линию, определенную председателем Фретилин Абилиу Араужу, который находился в эмиграции. В середине 80-х годов, с учетом коренных изменений в мире, он пришел к убеждению, что прежняя идеология не подходит для Восточного Тимора. По заявлению Гужмау, он решил отказаться от риторики о классовой борьбе и неизбежной социальной революции в пользу идеалов национального единства и независимости. Тем самым, по сделанному впоследствии замечанию Рамуша-Орты, начался период «восточнотиморской перестройки» [CristalisI., 2009, p. 119].

Несмотря на растущий авторитет Гужмау, далеко не все в руководстве Фретилин и Фалинтил поддержали его. Начальник штаба Фалинтил Килик Вае Гае, члены ЦК Фронта Маук Морук и Ологари Асван потребовали его отстранения, но не получили поддержки.

Выступая в начале декабря 1987 г. по случаю 12-й годовщины индонезийского вторжения, Гужмау обвинил руководство Фретилин в революционном инфантилизме и экстремизме, приведших к тому, что партия потерпела катастрофическое поражение в 1978 г., что в ее рядах начались гонения и чистки. Он также изложил свое видение стратегии борьбы, которая не должна ограничиваться саванной и горными джунглями, а вестись и в городах и простираться за рубежами Восточного Тимора, в Индонезии и других странах.

В рамках реорганизации движения сопротивления Гужмау провел разделение Фретилин и Фалинтил, отказался от поста председателя Фронта с целью создания под своим руководством коалиции всех групп, участвующих в борьбе против индонезийской оккупации. В 1988 г. была создана «зонтичная» организация Национальный совет сопротивления маубере (НССМ). Став во главе НССМ и сохранив пост главнокомандующего Фалинтил, Гужмау намного расширил свои полномочия. Отныне он руководил тремя фронтами борь-

бы: во-первых, непосредственными боевыми действиями в сельской местности, во-вторых, подпольной работой в городах и других населенных пунктах на территории Восточного Тимора и Индонезии и, в-третьих, также деятельностью на дипломатическом фронте.

Реорганизацию встретили в штывы сторонники жесткой линии в партии как внутри страны, так и в восточнотиморской диаспоре. Оппоненты Гужмау полагаали, что смена генерального курса приведет к потере партийного контроля над вооруженными силами, а сам Фронт в конечном счете окажется на обочине процесса освобождения. Против Гужмау выступил генеральный секретарь Фретилин Абилиу Араужу. Вскоре он был, однако, исключен из партийных рядов, а его место заняла «тройка» — Лу Оло, Мау Ходу и Мау Хуну [Cristalis I., 2009, p. 319].

Двенадцатого ноября 1992 г. после длительной охоты на главу НССМ, организованной индонезийскими спецслужбами, его арестовали в Дили. По одной версии, нахождение Гужмау выдал не выдержавший пыток связной, по другой — хозяин конспиративной квартиры, с супругой которого у Гужмау завязался любовный роман.

Вскоре после пленения Гужмау появился на экране индонезийского телевидения, назвал себя гражданином Индонезии и призвал своих сторонников сложить оружие. Выступление вызвало шок на Восточном Тиморе. Многие, включая епископа Белу, предположили, что лидер сопротивления находился под воздействием психотропных средств, либо его выступление было смонтировано сотрудниками джакартских спецслужб. Позднее, однако, сам Гужмау разъяснил, что пошел на уловку, дабы усыпить бдительность индонезийцев, сохранить ясность ума и получить шанс выступить на судебном процессе. В противном случае он вряд ли дожился бы до него [Cristalis I., 2009, p. 126].

Процесс продолжался более трех месяцев. Когда восточнотиморскому лидеру позволили выступить с речью в свою защиту, он полностью отказался от первоначального заявления и в итоге был приговорен к пожизненному заключению, замененному впоследствии на 20 лет тюрьмы. Гужмау приобрел ореол национального героя, некой фигуры, сочетавшей в себе черты Нельсона Манделы и Эрнесто Че Гевары. На Восточном Тиморе его стали уважительно называть «Maun Boot» («Большой Брат»).

Забегая вперед, отметим, что на третий год заключения Гужмау удалось установить контакт с Восточным Тимором и на протяжении последующих шести лет руководить сопротивлением из тюрьмы. В немалой степени этому способствовали относительно комфорт-

ные условия заключения, установленные индонезийскими властями под влиянием публичного ореола, сотворенного вокруг него мировыми СМИ. Имя Гужмау превратилось в популярный бренд «узника совести», широко используемый реальными и мнимыми поборниками прав человека во многих странах. После же отставки Сухарто в мае 1998 г. режим содержания Гужмау под стражей в корне изменился. «Большого Брата» перевели в отдельное бунгало, он получил в свое распоряжение импровизированный информационный центр, на средства международных организаций содержал небольшой штат помощников и секретарей. Одна из них, австралийка Кирсти Сорд, в 1999 г. вышла замуж за Гужмау [Cristalis, 2009, p. 103–104].

После пленения главнокомандующего фактическое руководство Фалинтил перешло под главенство Жозе Антониу да Кошта (Мау Хуну), хотя Шанана сохранял пост главнокомандующего. Два месяца спустя Мау Хуну попал в плен и его пост занял Нину Кониш Сантана. После его смерти в 1998 г. на посту командующего его сменил Жозе Мария Вашунсилуш (Таур Матан Руак), впоследствии возглавивший вооруженные силы независимого Восточного Тимора.

Официальная версия, гласившая, что операция на Восточном Тиморе была «не вторжением или войной, а лишь помощью индонезийских добровольцев антифретилиновским силам в гражданской войне, разразившейся в бывшей португальской колонии», неожиданно для Джакарты в декабре 1993 г. была опровергнута. Это сделал не кто иной, как генерал Тео Шафеи, новый командующий войсками на острове. Встретившись в Дили с индонезийскими журналистами, он поведал, что армии изначально противостояло 17 тыс. вооруженных фретилиновцев. В период 1975–1978 гг. усилия направлялись в основном на то, чтобы «выкурить» бойцов Фалинтил из малых и средних городов — муниципальных центров, считавшихся опорными пунктами повстанцев. В результате партизаны были отброшены в горные районы. В 1978–1980 гг. перед индонезийской армией была поставлена задача занять контролируемые Фалинтил деревни, а в 1981–1983 гг. полностью покончить с разрозненными отрядами повстанцев [Tapol Bulletin, April 1993].

Что подвигло генерала на откровенность? Как отмечал издававшийся в Лондоне бюллетень индонезийской эмиграции «Тапол», Шафеи и другие офицеры, долгое время участвовавшие в боевых операциях, решили, что их подвиги на поле брани не получили на родине достойной оценки. Завеса секретности, окружавшая восточнотиморскую кампанию, сделала погибших и получивших ранения индонезийских военнослужащих «безымянными героями». Кроме того,

открыв реальную картину, Шафеи и другие генералы как бы делали заявку на участие в дальнейшем решении проблемы Восточного Тимора.

Нет веских оснований не доверять источникам, утверждавшим, что, несмотря на заверения администрации Вашингтона о прекращении военных поставок Индонезии в конце 1975 г., на практике они продолжались с прежней интенсивностью.

Индонезийской армии, на 90% оснащенной американским оружием, поставлялась, в частности, предназначенная для антиповстанческих операций авиационная техника, которая ранее широко применялась в ходе вьетнамской войны. Судя по заявлению представителя государственного департамента США Олдрича, на слушаниях в одном из сенатских подкомитетов в середине 1977 г. по поводу военных поставок Индонезии США задолго до этого де-факто признали включение Восточного Тимора в состав Индонезии [Chomski N., Herman E. S., 1980, p. 148–149].

По понятным причинам ни Шафеи, ни другие генералы не упоминали, что начиная с 1977 г. индонезийское командование использовало тактику «окружения», когда мирное население сгонялось в «стратегические деревни», дабы таким образом лишить партизан источников продовольствия и возможности набора новых бойцов. По некоторым данным, в такие «деревни» попало до 300 тыс. человек [Schwarz A., 1999, p. 205].

Помимо этого индонезийские военные, ожесточенные непрекращающимися вооруженными стычками с повстанцами, пытались выселить их семьи на остров Атауру, чтобы лишить партизан моральной и материальной поддержки. В 1985 г. по приказу командования индонезийской армии труда было переселено на длительный срок 4,5 тыс. членов семей партизан. Индонезийские генералы утверждали, что остров представлял собой не концентрационный лагерь, а «изоляционную зону», куда доставлялись семьи сторонников Фретилин для «обеспечения их же собственной безопасности». Губернатор Восточного Тимора Мариу Каррашкалау заявлял, что люди на острове не удерживались против их воли, но им не позволяли покидать его до тех пор, пока военные власти не объявят, что их деревням не угрожает Фретилин. Губернатор добавил также, что якобы «жители Восточного Тимора завидуют тем, кто живет на Атауру и пользуется там привилегиями» [Урляпов И. В., 2001, с. 34].

Применялась также упомянутая выше тактика «частокола из человеческих ног». Особое значение получили операции спецподразделений сухопутных сил, нацеленные на разрушение партизанской

инфраструктуры и ликвидацию лидеров сопротивления. При их проведении известность получил зять президента Сухарто полковник Правобо Субианто. Впервые он «прославился» в конце 1978 г., когда его подразделению удалось обнаружить и уничтожить главный штаб Фалинтил.

Надо заметить, что начало кампании оказалось неудачным для индонезийской армии. Отсутствие единоначалия, низкий уровень подготовки сил вторжения привели к большим потерям: погибло свыше 1800 военнослужащих и вчетверо больше оказалось тяжелораненых.

Войсковые и специальные операции индонезийской армии привели к трагическим последствиям. Если, согласно португальской статистике, население колонии в 1974 г. составляло 653 тысяч, то по переписи 1981 г. число жителей упало до 553 тысяч. По мнению Джеймса Данна, члена австралийской правительственной миссии на острове в 1974–1975 гг., посетившего в 1977 г. Португалию для опроса беженцев с Восточного Тимора, лишь с декабря 1975 г. по январь 1977 г. на этой территории погибло от 50 до 100 тыс. местных жителей. А по данным австралийских правозащитных организаций, за пять лет индонезийской оккупации население сократилось вдвое, составив всего 330 тысяч. Индонезийская сторона, по понятным причинам, отвергала эти данные, утверждая, что переписью не были охвачены примерно 50–60 тысяч жителей, укрывшихся в горных районах от боевых действий. Помимо этого, около 20 тысяч жителей выехали с острова, главным образом в Австралию и Португалию. Впрочем, общая точка зрения состояла в том, что наибольшее число людей стали жертвами голода и эпидемий, возникших в условиях развязанной войны, а остальные стали следствием прямого насилия. Парадокс состоял в том, что приводимые официальной Джакартой данные о населении 27-й провинции весьма разнились между собой [Far Eastern Economic Review, 06.02.1981, p. 16–17].

По-прежнему предпочитая силовое решение конфликта, военный истеблишмент Индонезии должен был, тем не менее, дать вразумительное объяснение живучести движения сопротивления на Восточном Тиморе. Когда отпало утверждение, что на Восточном Тиморе армия ведет борьбу с коммунистами, отсутствие стабильности обстановки стали объяснять главным образом междоусобной борьбой за власть лидеров местных кланов. В доказательство приводили пример трех семейств: Рамуш-Орта, Каррашкалау и Алкатири. Они претерпели внутренний раскол и члены их разошлись по разные стороны баррикад. Например, старший брат Жозе Рамуша-Орты

перешел в стан сторонников интеграции с Индонезией, Жоау, младший сын губернатора Мариу Каррашкалау, эмигрировал в Австралию и возглавлял там отделение партии УДТ в изгнании. Младший брат Мари Алкатири, видного деятеля Фретилин, встал во главе проиндонезийской молодежной организации в Дили. В доказательство раскола восточнотиморской верхушки индонезийцы приводили то, что ряд видных деятелей сопротивления, оказавшись в плену, с легкостью отказывались от прежних политических убеждений и якобы изъявляли готовность сотрудничать с оккупационными войсками [Saldanha J. M., 1993, p. 40].

Толкование официальными кругами Индонезии событий на Восточном Тиморе имело явной целью не допустить признания национально-освободительного характера движения сопротивления, его массовости. Джакартские эксперты по психологической войне утверждали, что на Восточном Тиморе дух национализма просто не мог укорениться, поскольку бывшая колония находилась в тотальной изоляции от внешнего мира, а сам по себе инициированный португальцами процесс деколонизации оказался совершенно несостоятельным.

При этом индонезийское правительство в полной мере не учитывало того, что на будущих лидеров Фретилин оказала сильное влияние борьба африканских колоний Португалии, особенно Мозамбика, за национальное освобождение. К тому же за годы оккупации индонезийские военные власти по части «воспитания» политического самосознания восточнотиморцев достигли того, чего не было при колонизаторах.

Социально-экономическое положение в годы оккупационного режима

Политика оккупационных властей строилась на апробированной веками методике «кнута и пряника». Новообретенной провинции Индонезии присвоили специальный статус, действовавший до 1988 г. В Джакарте для координации плана развития Восточного Тимора был создан в министерстве внутренних дел межведомственный секретариат, а также его филиал в Дили. Программа социально-экономического развития состояла из трех частей. На первом «восстановительном» этапе (1976–1977) предусматривалось развитие социальной и коммуникационной инфраструктур, реорганизация местных органов самоуправления. На втором этапе, «консолидации»

(1977–1978), имелось в виду продолжение развития инфраструктуры, поощрение частного предпринимательства. Третий этап отводился на «стабилизацию» (1978–1979) — повышение эффективности работы системы местного управления, подготовку включения провинции в общенациональный пятилетний план развития на 1979–1984 гг. В течение этих трех этапов, по официальным данным, было подготовлено или переквалифицировано около 10 тыс. служащих нового поколения, в том числе переведенных из других провинций. Переподготовку прошли также чиновники бывшей колониальной администрации [East Timor Develops, 1985, p. 14].

До 1988 г. провинция финансировалась по особой статье министерства внутренних дел, а затем из бюджета различных правительственных ведомств. Джакарта обеспечивала около 90% расходной части провинциального бюджета, тогда как поступления из местных источников оставались в два раза ниже, чем в среднем по Индонезии.

Между тем за счет поступлений из централизованных источников, субсидий и средств под конкретные проекты обеспечивались довольно высокие темпы хозяйственного роста — 8,5–10% (1983–1993), главным образом благодаря инвестициям в развитие транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, строительство. И это было вполне закономерно, поскольку Восточному Тимору пришлось начинать хозяйственное восстановление практически с нуля. Следует вспомнить, что в первые недели вторжения индонезийская армия действовала по принципу «после нас хоть потоп». Были разграблены и сожжены административные здания, отделения банков, магазины и лавки местных торговцев, контролировавших значительную часть рынка провинции.

И все же прекращение военной фазы со временем начало приносить ощутимые позитивные плоды. Развернулось широкое строительство дорог с твердым покрытием, мостов, восстановление водоснабжения и электрических сетей. В 1979–1980 финансовом году было построено почти 5 тыс. новых зданий, в том числе более четырех тысяч жилых домов. Все это в лучшую сторону отличало ситуацию от той, которая существовала при португальцах.

К 1996 г. в провинции действовало 62 детских сада, 736 начальных и около 150 средних школ второй и третьей ступени. Большинство детей младшего школьного возраста сели за парты.

Было подготовлено четыре тысячи учителей. По инициативе губернатора провинции Мариу Каррашкалау многие восточнотиморцы направлялись на учебу в Индонезию. Они возвращались на ро-

дину с хорошим знанием индонезийского языка и перспективой сделать профессиональную карьеру. Вместе с тем в Индонезии они выяснили, что далеко не все местные граждане поддерживают режим Сухарто и оккупацию Восточного Тимора. В индонезийских вузах возникли группы восточнотиморских студентов — решительных сторонников независимости. Именно в Индонезии они познакомлись или сами выступили авторами получившей широкое распространение иронического прочтения аббревиатуры Timtim — Восточный Тимор, гласившей — Timor Ingin Merdeka Tapi Indonesia Menolak, т. е. «Тимор стремится к независимости, но Индонезия препятствует этому».

Позитивные перемены произошли в сфере здравоохранения. Были открыты десять госпиталей и 354 муниципальных и сельских медицинских центра, в которых было занято 185 врачей и более 1000 медицинских сестер. По международным стандартам, уровень медицинского обслуживания хотя и отличался от его состояния в соседних провинциях Восточной Индонезии в лучшую сторону, оставался низким: малярия, дизентерия оставались главными причинами высокой смертности [Barlow С., June 2000, p. 23].

Начались мероприятия, направленные на рост аграрного производства, дававшего около 30% ВВП провинции. Индонезийские власти продолжали политику португальской администрации по освоению угодий на южном побережье. В аграрном секторе было создано несколько исследовательских центров, занятых разработкой и внедрением более совершенных методов сельскохозяйственного производства. В результате комплексных мер в 1979–1984 гг. удалось увеличить производство риса с 16,5 тыс. до 33,5 тыс. т [Barlow С., June 2000, p. 23–25].

На Восточный Тимор начала поступать небольшая иностранная гуманитарная помощь. В конце 90-х годов Австралия ежегодно выделяла 4 млн. долл. на восстановление системы водоснабжения и развития сельских районов. На аналогичные проекты Канада предоставляла 1,5 млн. долл., а США занялись модернизацией производства кофе. Все названные проекты, безусловно, много значили для подъема хозяйства Восточного Тимора. Помощь имела и определенное политическое значение, поскольку благодаря присутствию в провинции западных представителей часть местного населения была защищена от произвола индонезийских военных.

Однако в провинции практически не действовал ни национальный, ни иностранный капитал. Исключение составляла одна отрасль хозяйства — производство кофе, ставшее основой экономики Вос-

точного Тимора. От военных действий лишь незначительно пострадал расположенный к юго-западу от Дили основной ареал плантаций, где производился самый экологически чистый в мире кофе, пользовавшийся повышенным спросом на мировом рынке. Высокое качество тиморского кофе объяснялась просто: у местных производителей не было средств на закупку минеральных удобрений и пестицидов.

Вторгшиеся в бывшую португальскую колонию индонезийские войска сразу же установили полный контроль над отраслью, приносившей наибольшую прибыль. Монопольное право на закупку, обработку и экспорт кофе получила полувоенная компания «Denok», которой покровительствовал генерал Бени Мурдани. Местные крестьяне — производители, в принудительном порядке объединенные в кооперативные организации по индонезийскому образцу, были обязаны продавать кофе компании по фиксированно низким ценам. Монопольное положение «Denok» продолжалось до 1994 г., т. е. до опалы Мурдани, а затем компания перешла в руки фирмы «Citra Inkopindo Persada», принадлежавшей дочери Сухарто Сити Хардианти Рукмана. Она установила контроль над половиной восточнотиморского производства и наладила экспорт кофе в США, Австралию и Новую Зеландию. Его реализацией на рынке США занялась американская кооперативная организация «National Cooperative Business Organization», вступившая в картельные отношения с «Citra Inkopindo Persada». Американцы также взяли на себя технический контроль на месте за качеством обработки кофе. В дальнейшем на сцене появился американский кофейный гигант — корпорация «Starbucks», начавшая закупать львиную долю продукции.

Вместе с тем, благодаря мерам, проводимым Джакартой для социально-экономического развития 27-й провинции, доход на душу населения вырос до 200 долл. США, т. е. в пять раз по сравнению с серединой 70-х годов. На Восточном Тиморе увеличилось число сторонников интеграции территории в состав Индонезии. Жители порой сравнивали свое новое материальное положение с уровнем благосостояния при португальцах и зачастую приходили к выводу, что при индонезийцах им стало жить гораздо лучше. Джакарте удалось увеличить число сторонников вхождения Восточного Тимора в состав Индонезии приблизительно до 15–17% населения территории [Урляпов И. В., 2001, с. 32].

Несмотря на некоторый прогресс, провинция оставалась одним из самых бедных регионов страны, в котором душевой доход составлял лишь половину среднего уровня по Индонезии. Почти во всех

административных центрах, включая Дили, более половины населения жили за чертой абсолютной бедности. Массовые масштабы приобрела безработица — одна из самых острых проблем Восточного Тимора. Реализации проектов социально-экономического развития мешал паралич местной гражданской администрации. Крупные чиновники — местные уроженцы выступали лишь как номинальные фигуры, а реальная власть принадлежала индонезийским военным, возглавлявшим административную власть.

Центральное правительство Джакарты и индонезийские власти на Восточном Тиморе взяли курс на искоренение влияния португальской культуры, подчеркивая, что ее нельзя идентифицировать с самобытной культурой восточнотиморцев, так же как «абсурдно ставить знак равенства между духовными ценностями индонезийской нации и голландских колонизаторов». Было отвергнуто требование Лиссабона сохранить в соответствии с желанием местного населения португальский язык как обязательный предмет программы средней школы. Вместо этого было введено преподавание индонезийского языка как государственного и языка *тетум* как регионального по образцу других провинций страны. Обостренное внимание властей к культурно-языковым проблемам объяснялось достаточно просто, а именно растущей тягой местной молодежи ко всему португальскому — одной из форм протеста против индонезийской оккупации.

Уже на начальных стадиях «интеграции» Восточного Тимора в состав Индонезии обозначился резкий сдвиг в религиозной ориентации местного населения, отмеченный массовым переходом в католичество. Например, по сравнению с 1974 г., когда католиками считали себя 31% восточнотиморцев (приверженцами анимизма и других примитивных верований — 69%, ислама — 0,04%), к 1992 г. католики на Восточном Тиморе составляли около 90%, анимисты — 6%, мусульмане — около 4% [Saldanha J. M., 1993, p. 21].

Значительный рост числа приверженцев римско-католической церкви объяснялся не столько активностью прозелитической деятельности миссионерских орденов, сколько стремлением местного населения, анимистов в своей массе, обрести в лице Ватикана хотя бы минимальную защиту от разгула насилия, захлестнувшего остров. Что касается увеличения числа сторонников ислама, то это было достигнуто исключительно за счет переселенцев из других провинций Индонезии.

К католической церкви, в особенности к ордену салезианцев — монашеской конгрегации, которая вела на Восточном Тиморе актив-

ную пасторскую и миссионерскую миссию, потянулись местные этнические китайцы. По традиции, они старались держаться подальше от политики, что в годы начавшейся оккупации стало недостижимой мечтой. В первые же дни вторжения было убито до 2 тысяч местных жителей, из них 700 китайцев. В полосе территории, простиравшейся от Дили до границы с Западным Тимором, индонезийские солдаты развернули «джихад против коммунистов» и охоту на китайцев, что живо напоминало картину событий в Индонезии в 1965–1966 гг. [Cristalis I., 2009, p. 30–31].

Подавляющее большинство китайцев, ставших жертвами насилия, относились к категории граждан, которые поначалу восприняли индонезийскую аннексию лишь как очередной неприятный политический эпизод, препятствие для успешного бизнеса. В изменившихся коренным образом условиях предпринимателям китайского происхождения и их семьям щедро пришлось платить за собственную жизнь как индонезийской армии и спецслужбам, так и подпольной сети Фалинтил.

Не сложились отношения индонезийской военной администрации с местной католической церковью. Назначенный епископом в 1975 г. Мартинью да Кошта Лопеш, первый коренной уроженец Восточного Тимора, прибегнул к неоднократным обращениям к мировому сообществу и католическому миру с призывами оказать помощь в ликвидации голода, возникшего в результате политики индонезийских оккупационных властей. Однако его обращения не возымели отклика в высших католических кругах, в том числе в Ватикане, хотя папский престол официально не признал включение Восточного Тимора в состав Индонезии. В 1989 г. по настоянию генерала Мурдани, католика по вероисповеданию, проведенного соответствующую работу с папским нунцием, аккредитованным в Джакарте, «неудобного» священнослужителя заменили епископом Карлушем Фелипе Шименешем Белу, также уроженцем Восточного Тимора. Индонезийские спецслужбы считали его «безвредным». Однако молодой епископ оказался из другой когорты. В феврале 1989 г. он обратился к Генеральному секретарю ООН с воззванием поддержать проведение референдума о самоопределении Восточного Тимора [Barlow C., June 2000, p. 25].

В октябре 1989 г. Индонезию посетил папа римский Иоанн Павел II, проведя четыре часа в Восточном Тиморе. И хотя понтифик всячески избегал касаться политических проблем, подчеркивая исключительно пасторский характер своего визита, в Джакарте расценили его как знак позитивного изменения отношения в мире к ан-

нексии Восточного Тимора. В этой связи губернатор провинции Каррашкалау заявил: «В течение 450 лет колониального владычества Португалии никто из римских пап не посещал Восточный Тимор, а за 13 лет интеграции с Индонезией настоятель святого престола все-таки приехал» [Темро, 21.10.1989]. Тем не менее, отслуженная папой месса собрала около 100 тыс. человек, а после богослужения и проповеди в Дили состоялись молодежные демонстрации с ясно выраженной антииндонезийской направленностью.

Вместе с тем, не располагая ненасильственными средствами противодействовать растущему авторитету местной католической церкви, индонезийские специалисты психологической войны попытались оторвать местных иерархов от западноевропейских корней и создать гибрид католической доктрины с местными традиционными религиозно-культурными представлениями и ценностями. Параллельно постоянным рефреном звучали напоминания о жестокое подавлении португальцами неоднократных выступлений восточнотиморцев, в частности восстания в 1959 г. Предпринимались попытки обратить известные христианские заповеди на искоренение того, что в Джакарте называли «политической культурой разжигания гражданской войны», т. е. против движения за независимость Восточного Тимора. Центром подготовки подобных разработок по части психологической борьбы был Институт национальной обороны, «мозговой центр» вооруженных сил Индонезии. В этом направлении он работал во взаимодействии с созданной в 1994 г. Ассоциацией индонезийско-португальской дружбы, возглавляемой Сити Хардианти Рукманой.

В октябре 1996 г. в пропагандистских целях и в как свидетельство того, что индонезийская «родина-мать» приняла католиков-восточнотиморцев в свое лоно, на мысе Фатукама в бухте Дили по решению джакартского правительства была возведена статуя Иисуса Христа. Она в основных чертах напоминала знаменитую статую Христа Спасителя в Рио-де-Жанейро, ликом была обращена в сторону Джакарты и имела символическую высоту 27 метров, по числу провинций страны, включая Восточный Тимор [Chesterman S., 2001, p. 5].

Однако власти Джакарты не могли полностью игнорировать критику в свой адрес со стороны ООН и многих неправительственных организаций и принимали меры к тому, чтобы затушевать остроту проблемы. В 1989 г., по совету нового министра иностранных дел Али Алатаса, Сухарто принял решение об отмене режима фактической изоляции провинции от внешнего мира, со следующего

года населению разрешили передвигаться без специальных пропусков. На остров был разрешен допуск журналистов. В конце 1989 г. командующий оккупационными войсками генерал Мульяди, сторонник жесткой линии, был заменен генералом Вароу, пообещавшим смягчить оккупационный режим. По его приказу были ликвидированы многие блокпосты, освобождена часть политзаключенных, сокращена практика применения пыток. Военнослужащих стали шире привлекать к строительству гражданских объектов, укреплялась дисциплина в расквартированных в провинции частях.

Али Алатас начал диалог с Португалией при посредничестве офиса Генерального секретаря ООН. В 1991 г. португальская парламентская делегация получила приглашение посетить Индонезию. Сам министр исходил из того, что Джакарте следует скорее освободиться от бремени восточнотиморской проблемы и сконцентрироваться на решении более актуальных региональных вопросов, таких как, например, проблема Камбоджи. Доверившись заверениям военных, что все спокойно на восточнотиморском фронте, Алатас взял на себя смелость пригласить португальскую делегацию посетить провинцию и лично ознакомиться с ситуацией на месте [Schwarz A., 1999, p. 211].

Все это, однако, не входило в планы «ястребов-генералов». В рамках подготовки к приезду португальских парламентариев индонезийские спецслужбы сформировали особые отряды «черных ниндзя» («эскадроны смерти») с целью запугивания местного населения и нагнетания напряженности. Ключевую роль в их организации приписывали Правобо Субианто, за три года участия в восточнотиморской кампании сумевшего дослужиться до генеральского звания. «Эскадроны смерти» формировались главным образом из членов партии Аподети.

Как и планировалось, в свое время прогремел заблаговременно подготовленный взрыв. Утром 12 ноября 1991 г. индонезийские войска расстреляли в Дили процессию, направлявшуюся из церкви на кладбище Санта-Круж на похороны одного из представителей местной молодежи, убитого силами безопасности. Демонстранты несли флаги движения сопротивления и лозунги с призывами к национальной независимости. Погибло свыше 100 участников процессии, хотя с их стороны не было попыток спровоцировать индонезийских военных на столкновение. На кадрах, заснятых на месте событий австралийскими телеоператорами, отчетливо видно, как индонезийские солдаты вели настоящую охоту на беззащитных людей, пытавшихся укрыться за каменными надгробьями кладбища.

Событие стало кульминацией напряженности, в которой пребывала столица провинции в предшествующие недели [Inside Indonesia, December 1991, p. 1–5].

Помимо срыва визита португальской парламентской делегации, операция имела также внутривластную подоплеку, а конкретно — «подсидеть» генерала Вароу, слишком мягкого с точки зрения джакартских «ястребов». Расправа на кладбище Санта-Круж стала также удобным предлогом для президента Сухарто ослабить позиции министра обороны Мурдани, оставшегося даже после отставки с поста командующего вооруженными силами в 1988 г. наиболее опасным политическим соперником главы государства. После событий в Дили с Восточного Тимора были отозваны генерал Вароу — протеже Мурдани, а также генерал Синтонг Панджаитан, главный соперник родственника семейства Сухарто генерала Висмойо Аримунандара в борьбе за пост начальника штаба вооруженных сил [Schwarz A., 1999, p. 211].

Касаясь закулисной схватки в верхнем эшелоне военно-политической элиты Джакарты, Адам Шварц, четыре года проработавший в Индонезии корреспондентом еженедельника *Far Eastern Economic Review*, писал, что терявший власть Мурдани якобы дал указание индонезийской иммиграционной службе не препятствовать выезду из страны иностранных журналистов, находившихся в Дили 12 ноября 1991 г. В результате экстренное сообщение о «бойне на кладбище Санта-Круж» стремительно облетело мировые СМИ, что весьма затруднило начавшуюся зарубежную поездку Сухарто [Schwarz A., 1999, p. 345–346].

В сентябре 1992 г. с поста губернатора Восточного Тимора был снят Мариу Каррашкалау, место которого занял ярый противник Фретилин Абилиу Суареш, один из лидеров Аподети и сторонник жесткой линии. Он был назначен в результате поддержки со стороны Правобо Субианто, окончательно разошедшегося во мнениях с бывшим губернатором относительно методов умиротворения провинции. Последнего настолько шокировал исключительно жестокий подход зятя главы государства, что он осмелился просить Джакарту отозвать его с Восточного Тимора. Наряду с этим назначенный на свой пост бывший губернатор попытался наладить более или менее бесперебойное функционирование провинциальной экономики неоднократно пытался также поднять вопрос о коррупции в органах местной военно-гражданской администрации. В отместку его обвинили в симпатиях к сепаратистам, а Правобо категорически настоял на удалении Каррашкалау из Дили.

Сменивший Вароу генерал Тео Шафеи немедленно сделал заявление, что армия займет еще более жесткую линию по отношению к «подрывным элементам», после чего последовала волна новых арестов. Однако новый командующий положил конец террористической деятельности «эскадронов смерти», за спиной которых стояли индонезийские спецслужбы.

Факторы выживания движения сопротивления и формирования национальной идентичности

В начале 90-х годов, когда движение сопротивления переживало критический момент, Национальный совет сопротивления маубери (НССМ) создал подпольный фронт, ставший глубоко законспирированной организацией, в которой даже члены его руководства располагали минимальной информацией друг о друге, не существовало устава и инструкций, не велась письменная документация. Тем не менее, фронту удалось превратиться в разветвленную дееспособную структуру, позволившую не только продолжить вооруженную борьбу в труднодоступной местности, но и распространить ее на населенные пункты.

В крайне неблагоприятных условиях насильственного сгона сельского населения в «образцовые деревни» фронт сумел опереться на старост деревень, небольших поселений и хуторов — «шефы алдейя», повсеместно создать «ячейки народного сопротивления». Их руководители назначались командирами Фалинтил по согласованию с вождями традиционных общин. Таким образом, Фалинтил сумел воссоздать базу массовой поддержки и материального снабжения, а носители традиционной власти получали дополнительные полномочия, укрепив свою легитимность, в то время как общины обрели дополнительную защиту со стороны партизан в духе вековых традиций. Старосты-руководители подпольных ячеек взяли на себя ответственность по заготовке продовольствия и предметов первой необходимости, доставляемых партизанам через сеть специальных связных — «эстафадаш». В целом в течение последнего десятилетия оккупации постепенно сложилась теневая система власти движения сопротивления на местах. В светлое время суток старосты формально выступали в качестве представителей индонезийской администрации, а с наступлением сумерек становились уполномоченными подпольного фронта.

Джакарта явно просчиталась, недооценив живучесть институтов традиционной власти в Восточном Тиморе и пойдя на перенос

на местную почву индонезийской системы территориально-административного управления. В сущности, оказалось, что оккупация укрепила изначальные основы традиционного общества Восточного Тимора: подавляющая часть местной элиты осталась вне созданной оккупационным режимом властной вертикали и ответом стало усиление процессов формирования собственной национальной идентичности.

Как отмечал в своей автобиографии Жозе Рамуш-Орта, объединяющими факторами восточнотиморского общества выступали три элемента: движение сопротивления, язык тетум и католическая церковь. [Ramos-Horta, p. 205].

Потребность в тетуме как средстве национального общения особенно остро проявилась в период осуществления индонезийской армией тактики «частокола из человеческих ног». Партизаны, в основном «фираку», не понимали языка жителей центральных районов и не смогли установить необходимые контакты, дабы своевременно реагировать на надвигавшиеся опасности. В результате как повстанцы, так и гражданское население несли тяжелые потери.

Говоря особо о роли католической церкви, он отмечал, что в ее объятия восточнотиморцев толкала принятая в Индонезии официальная идеологическая доктрина Панчасила, в соответствии с которой в стране разрешались пять религий: ислам, католицизм, протестантство, буддизм и индуизм. Анимизм и атеизм были объявлены вне закона. Таким образом, для жителей Восточного Тимора единственной альтернативой оставалась католическая религия.

Ответом на введение оккупационного режима явилось массовое строительство на общественных началах сельских церквей — «капел», представлявших собой крытый пальмовыми листьями традиционный общинный дом из бамбуковых жердей, увенчанный крестом. Однако для местных крестьян и плантационных рабочих, теснейшим образом связанных с миром анимистических верований, «капелы» являлись скорее не местом исполнения католических обрядов, а островками «небесного спасения» от произвола индонезийской армии.

Другой феномен состоял в массовом приливе верующих к католической церкви как социальному институту. Затронув этот вопрос, Басилиу ду Нашименту, епископ восточной епархии с центром в Баукау, в беседе с голландской журналисткой Иреной Кристалис в ноябре 1998 г. без экивоков разъяснил, что люди обратились к церкви не столько по причине углубления религиозного сознания, сколько для подтверждения собственной национальной идентичности.

По словам приора, христианство для восточнотиморцев явилось одним из шансов подтвердить, что они не являются индонезийцами. По мнению епископа, проработавшего свыше 20 лет в Португалии и Франции и вернувшегося на родину в 1994 г., в реальности католическая вера легла лишь тонким слоем на многовековой массив аниимистических представлений [Cristalis, p. 63].

Одним из наглядных примеров самобытности местной версии католицизма служила, в частности, подпольная организация Движение Святого Антония, созданная семинаристами Дили и названная в честь популярного в народе небесного покровителя Восточного Тимора. В 1988 г. она планировала посредством магии сбить самолет президента Сухарто, посетившего 27-ю провинцию.

Так или иначе, многократный рост числа прихожан значительно способствовал укреплению авторитета римско-католической церкви в Восточном Тиморе и ее значимости в глазах Ватикана. Одновременно твердая позиция защиты прав и жизней растущего числа верующих, занятая восточнотиморским клиром, специфический характер местного католицизма, в котором христианские догматы причудливо переплелись с традиционными культурами и мистической практикой, а ладанки с ликом богородицы соседствовали с амулетами с зубами крокодила — все это создало основу сотрудничества церкви и движения национального освобождения.

В практическом плане Фалинтил и подпольный фронт пошли на союз, испытывая в действительности «кровную» заинтересованность во взаимодействии с церковью, служители которой имелись во всех более или менее крупных населенных пунктах, обладали относительной свободой передвижения, несмотря на законы военного времени. Зачастую священнослужители выполняли задачи разведки и сбора информации, выполняли функции поставщиков продовольствия и медикаментов.

Не меньшее значение представляли каналы выхода местного клира, непосредственно подчиненного Ватикану, во внешний мир, в том числе на восточнотиморскую диаспору. Контакты с религиозными кругами открывали возможность расширить деятельность подпольного фронта в молодежной среде Дили и ряде других городов, со студентами — выходцами из Восточного Тимора, обучавшимися в индонезийских вузах.

В конечном итоге под эгидой Национального совета тиморского сопротивления (НСТС) сложился тройственный альянс в лице Фалинтил и подпольного фронта, значительной части традиционной элиты и католической церкви. Этот союз позволил движению сопро-

тивления выжить в условиях сменявших друг друга карательных операций индонезийской армии и разведки, информационной блокады. Важнейшим следствием возникновения союза стало то, что он явился реальной базой укрепления самосознания активной части восточнотиморского общества и последующего формирования национальной идентичности.

Живой иллюстрацией слияния трех начал в освободительном движении являлась колоритная фигура Фохорай Боота («Большого питона»), христианское имя — Корнелиу Гама, командира партизанского отряда «Саграда фамилия» (Святое семейство), в зону ответственности которого входил центральный оперативный район острова. «Большой питон» следовал по стопам своего легендарного деда — лиурая, знаменитого воина, благодаря могучему магическому дару выходявшего победителем из сражений.

С первых дней создания Фалинтил он, имея опыт службы в колониальной армии, вступил в ряды вооруженного сопротивления. В отряде наряду с командирскими функциями он выступал в качестве «католического шамана», под его началом в канун очередной операции приносился в жертву петух, по внутренностям которого определялся возможный исход дела [Cristalis, p. 184]. С достаточной вероятностью можно утверждать, что название отряда было выбрано неслучайно. В переводе с португальского оно означало «ума лирик», т. е. традиционная община, а Фохорай Боот одновременно выступал в ипостасях лиурая и дато, т. е. сочетал в себе светскую и духовную власть.

Забегая вперед, следует отметить, что авторитет Фохорай Боота возрос настолько, что в день провозглашения восстановления независимости 20 мая 2002 г. ему поручили подъем национального флага Демократической Республики Тимор-Лешти, а также открытие торжественного парада подразделений Фалинтил.

В фигуру национального масштаба превратился Таур Матан Руак (Орлиным взором охватывающий окрестности), христианское имя — Жозе Мария Вашинселуш, выходец из воинственного рода макассаев, населявшего склоны сакральной горы Матебиан. Первоначально возглавлял операции в восточном секторе, а затем по всей стране. В 1996 г. Таур стал заместителем начальника штаба, а с марта 1998 г. — заместителем командующего Фалинтил. После пленения Шананы Гужмау выступил фактическим лидером вооруженного крыла сил национального освобождения.

ГЛАВА VI

ДИНАМИКА ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ВОКРУГ Восточного Тимора

После 1982 г., когда по решению Генеральной Ассамблеи ООН восточнотиморский вопрос был передан к рассмотрению на переговорах между Лиссабоном и Джакартой под эгидой Генерального секретаря, ситуация в целом оставалась без особых перемен. Начавшиеся в июле 1983 г. переговоры проходили обычно за закрытыми дверями между постоянными представителями двух стран в Нью-Йорке без заранее согласованной повестки дня. В индонезийской прессе промелькнуло сообщение о том, что в 1986 г. Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр якобы предлагал принять компромиссный вариант решения проблемы. Это предложение обсуждалось на встрече представителей двух стран. Первым шагом в этом направлении предполагалось обменяться дипломатическими миссиями. Однако португальское правительство отвергло такой вариант [Suara Karya, 08.02.1995]. Между министрами иностранных дел Индонезии и Португалии состоялось девять раундов переговоров, не давших практических результатов из-за диаметрально противоположных позиций сторон. Не претерпела изменений и точка зрения ООН, по-прежнему считавшая Португалию стороной, осуществляющей управление территорией.

Со временем, тем не менее, подход Лиссабона к проблеме Восточного Тимора стал меняться. До середины 80-х годов Португалия занимала позицию выжидания и перед вступлением в Европейское сообщество зондировала позиции будущих партнеров по проблемам, интересующих Лиссабон, но затем ее голос заметно окреп. Лиссабонская дипломатия инициировала широкое обсуждение пробле-

мы Восточного Тимора на европейских и международных форумах различного уровня, включая Четвертый Комитет ООН по политическим вопросам и проблемам деколонизации.

«Бойня в Дили» обозначила поворотный момент в развитии политико-дипломатической ситуации вокруг Восточного Тимора. Португальская дипломатия, представители Фретилин в эмиграции, международные правозащитные организации воспользовались этой трагедией, чтобы придать проблеме самое широкое звучание в мире. Они решительно отвергли утверждения Джакарты, что расстрел являлся «следствием несчастного случая», доказывая, по словам Рамуша-Орты, «что произошедшие события явились лишь последним за 16-летнюю историю свидетельством грубого и систематического нарушения прав человека на Восточном Тиморе. События отразили идеологию насилия, глубоко укоренившуюся в политической культуре индонезийских военных, в которой сила — инструмент политики, а насилие — средство принуждения к лояльности и покорности» [Schwarz A., 1999, p. 220].

Индонезийские власти обвинили в кровопролитии политических противников: «Подрывное движение Фретилин, оказавшись в тупике, переориентировалось на ведение партизанской войны в городских условиях. Ни центральное индонезийское правительство, ни местные власти не отдавали приказа открывать огонь, а человеческие жертвы появились в результате трагического стечения обстоятельств» [Umum A., 1992, p. 7].

В течение второй половины ноября 1991 г. сначала министры иностранных дел стран ЕС, а затем Европарламент выступили с резким осуждением «варварской расправы с жертвами незаконной оккупации Индонезией Восточного Тимора». В начале декабря ЕС принял решение пересмотреть вопросы торгово-экономического сотрудничества с Джакартой, а Дания и Нидерланды — вдобавок полностью приостановить экономическую помощь. С осуждением действий индонезийских военных властей выступили обе палаты Конгресса США, причем в резолюции Сената содержался призыв пересмотреть в сторону снижения программу финансирования переподготовки высших офицеров индонезийской армии. Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр объявил о плане направить на Восточный Тимор «полностью независимую миссию для беспристрастного расследования событий» [Inside Indonesia, December 1991, p. 9].

В феврале 1992 г. по инициативе 24 государств Комиссия ООН по правам человека, расценив доводы Джакарты как неубедительные, рассмотрела ситуацию на Восточном Тиморе и приняла болез-

ненную для Индонезии резолюцию, в которой содержались резкие обвинения в нарушении прав человека Джакартой. В августе того же года Лиссабон блокировал подписание нового соглашения об экономическом сотрудничестве между ЕС и АСЕАН, увязав это с восточнотиморским вопросом.

Острая полемика между Португалией и Индонезией не ослабевала. Лиссабон настаивал, что идеальным путем урегулирования затянувшегося конфликта стал бы референдум о самоопределении территории под международным контролем. Глава внешнеполитического ведомства Португалии Дуран Баррошу заявил в 1992 г., что хотя процесс проведенной португальскими властями деколонизации Восточного Тимора страдал серьезными изъянами, Лиссабон будет и впредь поддерживать право бывшей колонии на самоопределение как принцип, не подлежащий обсуждению. Министр подчеркнул также, что Португалия не имеет ничего против индонезийского народа и его культуры, но не питает уважения к жесткой диктатуре, стоящей у власти в Джакарте.

«Мы глубоко убеждены, что если бы не военное управление, народ Восточного Тимора выразил бы иное намерение, чем интеграция с Индонезией», заявил он [Schwarz A., 1999, p. 224–225]. В конце марта 1993 г. Комиссия ООН по правам человека вновь обсудила восточнотиморский вопрос и на сей раз к осуждению политики Джакарты присоединились США, ранее поддерживавшие дипломатию режима Сухарто.

В конце 1992 — начале 1993 г. министры иностранных дел Индонезии и Португалии провели несколько встреч, но и на этот раз не пришли к единому мнению по принципиальным вопросам. Удалось, однако, договориться о некоторых мерах, направленных на создание атмосферы взаимного доверия, как то: активизация контактов по дипломатической линии и обмен представителями СМИ. Не без труда, постепенно стала вырисовываться идея организации диалога между представителями различных групп восточнотиморцев, проживающих как в Индонезии, так и в эмиграции.

Индонезийская дипломатия, правда, изначально оговорила условия подобного диалога: он не должен затрагивать вопросы политического статуса Восточного Тимора и не может рассматриваться как часть официальных двусторонних переговоров, проходящих под патронажем ООН. Не желая упускать инициативу из рук, Джакарта организовала в конце 1993 и в октябре 1994 г. в Лондоне встречи восточнотиморских «интеграционалистов» и части диаспоры, стоявшей на позиции сотрудничества с Индонезией. Вторая встреча

завершилась подписанием декларации с призывом «открыть новую главу взаимодействия во имя достижения мира, стабильности и гармонии всестороннего развития Восточного Тимора» [Saldanha J. M., 1993, p. 21].

Неделю спустя министр иностранных дел Индонезии Али Алатаас имел в Нью-Йорке беседу с руководителем радикального крыла эмиграции — Жозе Луишем Гутеррешем, новым представителем Фретилин за рубежом, с Рамушем — Ортой и Жоау Каррашкалау. Стороны, однако, вновь разошлись во мнениях. Вернувшись на родину, глава индонезийского внешнеполитического ведомства рекомендовал президенту Сухарто отказаться от каких-либо контактов с эмигрантами-радикалами.

Тем временем движение сопротивления перешло к новым методам политической борьбы, приступив с середины 1993 г. к серии акций проникновения на территорию иностранных дипломатических представительств.

Началось с того, что небольшая группа восточнотиморских студентов попросила политического убежища в посольствах Швеции и Финляндии в Джакарте и после длительных переговоров с властями получила разрешение покинуть страну. Преследовалась цель привлечь внимание международной общественности к проблеме территории. В третью годовщину событий на кладбище Санта-Круж около 30 восточнотиморцев проникли на территорию посольства США и провели 12-дневную сидячую демонстрацию, которую широко освещали сотни иностранных журналистов, съехавшихся в индонезийскую столицу на встречу стран — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Участники акции потребовали освобождения Гужмау, обеспечения его участия в переговорах с индонезийскими властями, а также призывали президента США Билла Клинтона, участвовавшего в форуме, поддержать идею референдума о политическом будущем Восточного Тимора. Хотя хозяин Белого дома отказался встретиться с демонстрантами, американцы добились для них гарантий беспрепятственного выезда в Португалию. Параллельно с событиями в Джакарте массовые выступления прошли в Дили и других городах Восточного Тимора.

Трудно судить, входила ли восточнотиморская проблема в предварительный перечень тем бесед лидеров стран АТЭС с президентом Индонезии, но она была затронута американским президентом, а также премьер-министрами Канады и Японии. Однако Сухарто наотрез отказался обсуждать возможности предоставления 27-й про-

винции какого-то автономного статуса, а тем более права на самоопределение.

В июне 1995 г. в окрестностях Зальцбурга в Австрии состоялась, уже под эгидой ООН, третья встреча восточнотиморцев, на этот раз как сторонников независимости, так и последователей курса интеграции. Джакарта выразила недовольство, что Генеральный секретарь ООН не согласовал с индонезийской стороной список участников диалога, пригласив на него ряд радикальных диссидентов, таких как Рамуш-Орта. Тем не менее, Сухарто и его окружение надеялись, что встреча выльется в склоку, в итоге которой участники окончательно размежуются и на этом дело закончится.

Результаты диалога, тем не менее, стали для властей Индонезии весьма неприятным сюрпризом. Встреча приняла декларацию с призывом к продолжению обмена мнениями и со временем организации постоянного форума, параллельно официальным индонезийско-португальским переговорам. В документе содержалась также ссылка на резолюцию ООН от 1982 г., предусматривающую активное посредничество этой международной организации в урегулировании восточнотиморской проблемы. Дипломатическое ведомство Индонезии явно было обескуражено тем, что направленные им в Австрию делегаты оказались не столь послушными, как это предполагалось. Али Алатасу не оставалось ничего другого, как на очередной встрече со своим португальским коллегой Баррошу, состоявшейся в июле 1995 г., дать согласие на следующую встречу тиморцев. Правда, он поставил условием не обсуждать вопрос политического статуса Восточного Тимора [Far Eastern Economic Review, 20.07.1995].

Межтимоорский диалог стартовал на фоне развития неблагоприятной обстановки в провинции. В начале 1995 г. к югу от Дили произошел очередной трагический инцидент: от рук индонезийских военных погибло несколько жителей, заподозренных в принадлежности к движению сопротивления. По горячим следам трагедии Комиссия ООН по правам человека приняла новую жесткую резолюцию. Действия военных подверглись также критике со стороны Национальной комиссии по правам человека (уникальный случай в Индонезии), с выводами которой скрепя сердце пришлось согласиться армейскому командованию. Вместе с тем не удалось провести сходную резолюцию в заседавшей в Женеве Подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите прав национальных меньшинств, несмотря на настойчивое лоббирование объединенными усилиями восточнотиморской эмиграции, представителей

самопровозглашенной «Республики Южно-Молуккских островов», организации «Свободная Папуа», добивавшейся отделения от Индонезии, а также ряда азиатских и международных неправительственных организаций.

В сентябре-октябре 1995 г. по городам провинции снова прокатилась волна выступлений, направленных теперь против этнических бугийцев — мусульман, известных своей предприимчивостью выходцев с Южного Сулавеси, которые монополизировали многие сферы торговли и доходы которых намного превышали заработки обычного коренного жителя территории. Дело в том, что после отмены в начале 1989 г. режима изоляции Восточного Тимора сюда началась широкая миграция уроженцев других провинций, поощряемая властями. Почти две тысячи бугийцев и других уроженцев Сулавеси были в экстренном порядке эвакуированы на родной остров. Тем самым удалось разрядить атмосферу, в которой и без того сложная политическая проблема грозила приобрести к тому же черты межэтнического и межконфессионального конфликта.

С сентября 1995 г. возобновились акции проникновения на территорию иностранных посольств — на этот раз представительств Австралии, Великобритании, России, Франции и Японии. Последним из этих демаршей стал захват посольства Испании в ноябре 1996 г., во время демонстрации восточнотиморцев в индонезийской столице по случаю 5-й годовщины ноябрьских событий в Дили. Нападавшие не блокировали работу посольств и не брали членов дипломатических миссий и их семей в заложники. Как и прежде, основной задачей акций было привлечь внимание зарубежных парламентариев и правозащитных организаций к тупиковой ситуации в решении восточнотиморской проблемы. Со своей стороны, индонезийские официальные власти, как и ранее, обвинили Лиссабон в провоцировании выступлений против интеграции.

В начале 1995 г. в очередной раз позицию Индонезии по рассматриваемой проблеме пространно изложил председатель восточнотиморской провинциальной ассамблеи Антониу Фрейташ Парада. Поводом к его выступлению стали начавшиеся по просьбе Португалии слушания в Международном суде в Гааге вопроса о правомочности соглашения о разграничении континентального шельфа Тиморского моря, заключенного в 1991 г. между Индонезией и Австралией. Спикер ассамблеи заявил, что, бросив на произвол судьбы колонию, оказавшуюся на грани гражданской войны, Португалия безвозвратно утратила право на административное управление Восточным Тимором. Она не имеет юридических полномочий

представлять интересы восточнотиморского населения и не может претендовать на возмещение ущерба, нанесенного в результате нарушений прав человека, так как нарушала эти права в неизмеримо большей степени во время колониального правления. Португалия потеряла право выступать в Гаагском суде от имени населения Восточного Тимора, она ответственна за материальный и моральный ущерб, человеческие жертвы, понесенные территорией начиная с 1975 г. Парада обратился также к депутатам Европарламента с призывом убедить Лиссабон, аннулировать данное обращение [Suara Karya, 18.02.1995].

Как бы подводя итог затянувшемуся на долгие годы «диалогу глухих», высокопоставленный чиновник Департамента иностранных дел Индонезии Хассан Вираюда, впоследствии министр иностранных дел страны, подчеркнул в августе 1995 г., что «вопрос деколонизации или самоопределения народа Восточного Тимора в политическом и юридическом отношении решен окончательно» [Suara Karya, 18.02.1995]. Видимо, неслучайно два последующих раунда индонезийско-португальских переговоров в Лондоне в январе и Женеве в июне 1996 г. вновь провалились, хотя индонезийская дипломатия возлагала надежды на смягчение позиции Лиссабона в связи с прошедшими в Португалии всеобщими выборами.

Во время прошедшего в марте 1996 г. в Бангкоке саммита Азия — Европа состоялась десятиминутная беседа президента Сухарто и португальского премьера Антониу Гуттереша. Этого времени, однако, хватило, чтобы индонезийскому лидеру было предложено освободить Гужмау, приговоренного к пожизненному тюремному заключению, и его соратников, а также пойти на меры обеспечения прав человека на Восточном Тиморе. Как встречный шаг Лиссабон выразил готовность обменяться с Джакартой «миссиями связи» из числа дипломатов третьих стран, что стало бы, по мнению португальцев, первым осязаемым действием, направленным на нормализацию двусторонних отношений. Однако Сухарто уклонился от прямого ответа [Citra Indonesia, March 1996, p. 21].

Болезненным и неожиданным ударом по международному престижу Индонезии оказалось присуждение в октябре 1996 г. Нобелевской премии мира епископу Карлошу Шименешу Белу и Жозе Рамушу-Орте за деятельность, направленную на мирное и справедливое урегулирование конфликта на Восточном Тиморе. Оба они при этом обошли таких видных номинантов, как президент США Билл Клинтон, американский дипломат Ричард Холбрук, сыгравший важную миротворческую роль в Боснии, и российский правозащит-

ник Сергей Ковалев. По словам председателя Нобелевского комитета Ф. Сейрстеда, «вынося такое решение, мы хотим привлечь внимание мира к затянувшемуся конфликту» [Независимая газета, 12.10.1996].

Реакция официальных кругов Джакарты была резко негативной. В соответствующем заявлении выражалось «крайнее удивление и сожаление» по поводу решения Нобелевского комитета. Сухарто, посетивший Дили в середине октября 1996 г., в связи с запланированным торжественным открытием статуи Иисуса Христа, весьма холодно пообщался с епископом Белу, уклонившись от обсуждения с ним ситуации в провинции. Единственным высокопоставленным индонезийским представителем, поздравившим главу восточнотиморской католической церкви с престижной наградой, оказался присутствовавший на церемонии командующий вооруженными силами Индонезии генерал Фейсал Танджунг.

На первых порах недовольство властей позицией епископа ограничивалось определенными рамками, но после данного в середине октября того же года интервью германскому журналу «Шпигель» тон официальных лиц в корне изменился. Поскольку Белу, в частности, заявил, что «индонезийские солдаты растоптали нашу независимость, уничтожили нашу культуру и обращаются с нами, как с собаками или рабами», во властных структурах Джакарты прозвучало требование вызвать иерарха для дачи разъяснений в комиссию по вопросам безопасности парламента. Это не было сделано лишь в силу высокого морального авторитета епископа. Зато в полной мере досталось Рамушу-Орте. Его в который раз обвинили в том, что он «замаскировавшийся коммунист», что за время долгой эмиграции оторвался от восточнотиморских реалий и что, кроме того, якобы есть факты, свидетельствующие о расходовании им казенных средств не по прямому назначению [The Indonesian Times, 09.11.1996].

После присуждения Нобелевских премий мира двум деятелям Восточного Тимора проблема как таковая приобрела новый ракурс. Во имя укрепления «асановской солидарности» Джакарта с удвоенной энергией потребовала от стран — партнеров по Ассоциации закрыть въезд на их территорию эмигрантов движения сопротивления или запретить мероприятия, связанные с проблемой Восточного Тимора. По «настоятельной рекомендации» Индонезии в октябре 1996 г. власти Филиппин отказали во въезде Рамушу-Орте, получившему приглашение местных неправительственных организаций на форум, задуманный в противовес проходившему одновременно саммиту АТЭС. В конце 1996 г. малайзийские власти

потребовали от инициаторов отменить проведение очередной Азиатско-Тихоокеанской встречи, посвященной проблеме Восточного Тимора, а молодежная организация правящей партии ОМНО сделала все возможное, чтобы сорвать ее [Far Eastern Economic Review, 20.07.1998].

В ноябре 1996 г. на саммите стран АСЕАН в Джакарте лидеры Ассоциации полностью поддержали позицию Индонезии относительно Восточного Тимора и в то же время в дипломатичной форме осудили «попытки Португалии внести в экономическое взаимодействие АСЕАН — Евросоюз вопросы, прямо не затрагивающие данную область и способные отрицательно сказаться на трансрегиональном сотрудничестве, нанести ущерб переговорам под патронажем Генерального секретаря ООН» [Far Eastern Economic Review, 20.07.1998, p. 17].

В процесс урегулирования проблемы Восточного Тимора в рамках ООН попытался вмешаться президент Южно-Африканской Республики Нельсон Мандела, видный деятель Движения неприсоединения. Во время визита в Джакарту в июле 1997 г. он настоял на встрече с находившимся в заключении Гужмау, а затем посетил Лиссабон, где встречался с португальским президентом Сампайю и Рамушем-Ортой. В письме, адресованном Сухарто по итогам своей челночной поездки, Мандела предложил индонезийскому президенту освободить восточнотиморского лидера и других политзаключенных в качестве первого шага к нормализации отношений между Джакартой и Лиссабоном, а также к началу между ними полноценного двустороннего диалога.

Реакция индонезийского руководства оказалась весьма сдержанной. Однако в его позиции появились новые нюансы, а именно оно перестало отвергать возможность обсуждения темы предоставления Восточному Тимору автономии. Оставался, однако, открытым вопрос о пределах автономии, а также о том, с кем из восточнотиморских представителей вести переговоры по этому поводу.

В начале мая 1998 г. в интервью корреспонденту австралийского таблоида левосоциалистического толка «Green Left» Мари Алкатири обрисовал картину международных позиций движения национального освобождения Восточного Тимора. Он заявил, что выжить ему, особенно в течение последнего десятилетия, удалось благодаря поддержке африканских, в первую очередь португалоязычных государств. По словам лидера восточнотиморской эмиграции, в 1975–1986 гг. международная деятельность сил сопротивления опиралась на жизненно важную помощь этих стран, в особенности Мозамби-

ка. «В тот период большая часть мирового сообщества не верила, что нам удастся выстоять в течение 20 лет. Даже симпатизировавшие нам призывали быть реалистами, указывая, что у Восточного Тимора, крохотной страны с небольшим населением, нет шансов устоять перед крупной региональной державой. В ту пору лишь африканские страны верили и помогали нам», подчеркнул Алкатири.

Говоря о текущем положении, он отметил, что в последнее время усилилась поддержка со стороны Португалии и некоторых членов Евросоюза. Что же касается США и Великобритании, то они пришли к пониманию неспособности Индонезии добиться превращения незаконной оккупации в свершившийся факт, осознанию необходимости поиска политического решения проблемы. Однако пока Вашингтон и Лондон остаются союзниками режима Сухарто [East Timor Will Be Free, 06.05.1998].

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОГО ТИМОРА ПОСЛЕ ПРАВЛЕНИЯ СУХАРТО

К середине 90-х годов на Восточном Тиморе индонезийской военной машине не удалось полностью подавить движение сопротивления Фалинтил, хотя его вооруженные отряды насчитывали на тот момент не более 500–700 бойцов. Сухарто и его ближайшее окружение продолжали упорно следовать убеждению, что предоставление даже ограниченной автономии Восточному Тимору, а тем более права на самоопределение вызовет цепную реакцию обвального нарастания центробежных тенденций в других частях Индонезии, начиная с Аче на северо-западе до Ириан Джая на крайнем востоке, что станет прологом краха территориальной целостности государства-архипелага.

Гражданская политическая элита все же допускала возможность предоставления провинции статуса некоторой автономии, но военная верхушка начисто отвергала подобную возможность, делая по-прежнему упор на силовом варианте решение проблемы.

Индонезийская армия установила практически полный контроль над всеми аспектами жизни восточнотиморцев и продолжала карательные акции против населения 27-й провинции. Казалось, судьба Восточного Тимора была решена окончательно. Однако дальнейшие события показали, что это не так. 21 мая 1998 г. президент Сухарто ушел в отставку.

Хорошо знакомый с индонезийской политической кухней американский журналист Адам Шварц дал драматическую картину последних часов пребывания Сухарто у власти. Незадолго до полуночи 20 мая государственный секретарь (начальник президентской канцелярии) Саадилах Мурсджид на минуту остановился перед дверью офиса главы государства с заготовленным текстом проекта заявле-

ния президента об обстановке. Как набожный человек, он мысленно помолился, чтобы собраться с духом. Войдя в кабинет, Мурсджид на вопрос Сухарто: «Кто здесь?», помедлив, ответил: «Никого, только вы и я». После длительной паузы Сухарто тяжело вздохнул и, наконец, произнес: «Вот и все. Игра сыграна» [Schwarz A., 1999, p. 308].

На следующее утро на краткой церемонии в президентском дворце Сухарто объявил о своей отставке. По конституции полномочия главы государства переходили к вице-президенту Бархануддину Юсуфу Хабиби. Занимавший этот пост всего два с половиной месяца, Хабиби произнес свою первую речь в качестве третьего по счету президента Индонезии. Он призвал страну двигаться вперед по пути реформ, обратился за поддержкой к обществу. Командующий вооруженными силами генерал Виранто, в марте занявший также пост министра обороны, со своей стороны, заявил, что армия полна решимости защищать как Сухарто, так и Хабиби [Schwarz A., 1999, p. 309].

Между тем еще два месяца назад казалось ничто не предвещает такого оборота событий. 10 марта 1998 г. Сухарто единогласно был переизбран президентом на седьмой срок. В инаугурационной речи президент заявил о намерении оставаться на этом посту полностью положенный пятилетний срок. Переизбрание вроде бы свидетельствовало, что он по-прежнему контролирует все уровни гражданской и военной власти, несмотря на нарастание экономических неурядиц и признаки недовольства в обществе проводимой властями политики, обозначившиеся в ходе всеобщих выборов 1997 г. Казалось, что Сухарто сделал очередной хитроумный ход, выбрав на роль второго лица в государстве Хабиби, который не пользовался популярностью в высших кругах политической элиты, а это означало, что вокруг него не будет группироваться оппозиция.

Однако ход событий начал выходить из-под контроля престарелого президента. Их хронология выглядела так:

12 мая. Четыре студента университета Трисакти в Джакарте были убиты силами безопасности во время мирной демонстрации, проходившей под лозунгом реформ.

14 мая. В Джакарте начались массовые беспорядки, в которых приняло участие свыше тысячи человек, в основном деклассированные элементы. Были разграблены и сожжены сотни магазинов, лавок, отделений банков и зданий государственных учреждений.

18 мая. Несколько сотен студентов заняли здание парламента, потребовав от депутатов не поддерживать Сухарто и его ближайшее окружение. В тот же день председатель парламента посетил пре-

зидента и призвал его во имя сохранения национального единства уйти в отставку.

19 мая. Сухарто после встречи с лидерами мусульманских партий заявил о намерении провести перестановки в правительстве. Он выразил согласие уйти в отставку после новых всеобщих выборов, но не определил сроки их проведения.

20 мая. Четырнадцать министров, представляющих экономический блок, отказались войти в состав нового кабинета.

21 мая. Сухарто подал в отставку [The Fall of Suharto, 1999, p. 242–244].

Победа противников Сухарто, возглавляемых студенчеством, объяснялось тем, что выступавших поддерживала немалая часть верхов и средних городских слоев. Требования протестовавших, что особенно важно, получили молчаливое одобрение руководства вооруженных сил, прежде всего генерала Виранто. Не было большим секретом и то, что вожаки индонезийского студенчества пользовались моральной и материальной поддержкой со стороны влиятельных кругов Запада, считавших, что «Сухарто засиделся в президентском кресле».

Тяжелейший социально-экономический кризис, грозивший перечеркнуть все достижения эпохи «нового порядка» в Индонезии, заставил третьего президента страны внимательно присмотреться к проблеме Восточного Тимора. Теперь ее стали рассматривать в ином ракурсе: не как прямую угрозу территориальной целостности республики, а скорее как тяжелое ярмо на ее шее, мешающее выбраться из трясины финансовых и хозяйственных потрясений. Смещение приоритетов в политике обозначилось уже в июне 1998 г., когда Хабиби как пробный шар выдвинул идею предоставления Восточному Тимору особой автономии, при которой провинциальным властям передавались основные сферы управления, кроме обороны, внешней и макроэкономической политики. Условием, однако, являлось, что местное население и международное сообщество окончательно признают Восточный Тимор 27-й провинцией Индонезии. Фретилин и другие сторонники независимости сразу же отвергли это предложение [Smith A., 2000, p. 13].

В условиях меняющегося политического климата, в начале июня 1998 г. в Дили состоялось первое легальное собрание, на котором обсуждалось будущее провинции. Собралось около 3000 человек, среди которых были представители всех противостоящих сторон. Однако когда губернатор Восточного Тимора Суареш высказался за то, чтобы территория оставалась неотъемлемой частью Индонезии, он был

освистан собравшимися [Forrester G., May R. J., 1999, p. 81]. В конце июня того же года прошла встреча Хабиби с епископом Карлушем Белу. Глава Индонезии пообещал, что индонезийские войска будут постепенно выводиться с Восточного Тимора [Straits Times, 26.06.1998]. В сентябре Джакарта договорилась с Лиссабоном начать переговоры о предоставлении автономии провинции. Стороны согласились также восстановить дипломатические отношения.

Двадцать седьмого января 1999 г. Хабиби после заседания кабинета министров выступил с сенсационным заявлением. Он сказал, что если население Восточного Тимора отвергнет план особой автономии, то ему будет позволено избрать свой собственный путь. Президент также заявил о готовности поставить вопрос о выходе Восточного Тимора из состава Индонезии на рассмотрение Народного консультативного конгресса, высшего законодательного органа республики.

На заседании правительства Хабиби высказал мнение, что субсидировать автономию провинции, стремящуюся к независимости, и бесполезно и слишком дорого. К собравшимся министрам он обратился с риторическим вопросом: зачем нам проблема, которая усугубляет «другие проблемы»? Его точка зрения неожиданно получила поддержку абсолютного большинства министров. Представители экономических ведомств, видимо, были рады избавиться от лишней финансовой обузы. Министры-мусульмане были не против оставить за бортом 600 тысяч восточнотиморских католиков. Генерал Виранто готов был согласиться с президентом при условии, что на армию не возложат вину за насилие, содеянное в годы оккупации. Возможно, генерал рассчитывал, что затея президента провалится и тем самым будут сведены к минимуму шансы Хабиби быть переизбранным на выборах в 1999 г. На этот счет у Виранто имелись личные планы. С возражениями выступил лишь министр иностранных дел Али Алатаас, назвавший предполагаемую акцию опрометчивой и чреватой большими рисками, в частности имея в виду неподготовленность к независимости жителей провинции [Woolcotte R., 08.03.2003].

Таким образом, после многолетнего кровопролития и бесчисленного количества копий, сломанных в дипломатических баталиях, освоение Восточного Тимора оказался вдруг слишком обременительной затеей для верхушки джакартской элиты.

Но этим ли объяснялась в действительности политика Хабиби? Дело в том, что в конце декабря 1998 г. он получил личное послание от премьер-министра Австралии Джона Говарда, который предлагал Индонезии предоставить автономию Восточному Тимору, с тем что-

бы спустя некоторое время, возможно лет через десять, провести плебисцит о самоопределении территории. В послании подчеркивалось, что в наибольшей степени интересам и Австралии, и Индонезии, и Восточного Тимора отвечало бы, чтобы территория осталась частью Индонезии. В сущности, предложение австралийского премьера повторяло формулу Матиньонского соглашения (июнь 1988 г.) и Нумейского договора (апрель 1998 г.) между Францией и Новой Каледонией, по которым референдум об окончательном статусе этой французской заморской территории откладывался на неопределенный срок.

Инициатива Говарда не была случайной. К концу 1998 г. в Канберре признали, что сохранение статус-кво на северных рубежах Австралии невозможно, тем более что началась активизация Португалии, ООН и ее специализированных организаций на восточно-тиморском направлении. Правящие круги Австралии с тревогой восприняли перспективу, что достижение соглашения под эгидой ООН о будущем Восточного Тимора грозило оставить за бортом как стратегические интересы Канберры, так и поставить под угрозу, что представляло не меньшую важность, возможность доступа к нефтегазовым ресурсам Тиморского моря.

На протяжении 1998 г. вопрос о развитии обстановки в Индонезии в целом и на Восточном Тиморе в частности стал ключевой темой совещаний в Комитете национальной безопасности правительства Австралии. К началу следующего года министерство обороны разработало несколько сценариев реагирования на развитие обстановки в Индонезии. Было получено указание о готовности к проведению операции на Восточном Тиморе либо участвуя в действиях ООН, либо в коалиции с другими державами. В марте 1999 г. по распоряжению Комитета национальной безопасности в Северной Австралии были приведены в повышенную готовность подразделения быстрого реагирования численностью три тысячи человек [O'Connor P., 02.11.2009, p. 3].

Нельзя не отметить, что согласование решения давалось трудно. Например, австралийское военное ведомство считало президента Хабиби политически слабой фигурой и не было уверено, что он держит под контролем вооруженные силы, а также сомневалось, что индонезийские генералы отдадут Восточный Тимор без боя.

Однако министерство иностранных дел и торговли Австралии придерживалось твердой уверенности, что не может быть и речи о направлении на Восточный Тимор австралийского контингента. Возглавлявший названное ведомство Эштон Калверт считал, что это

приведет к длительной вовлеченности Канберры в рискованное дело обеспечения стабильности на Восточном Тиморе. В числе других аргументов он приводил возможность военного переворота в Джакарте. При всех расхождениях во взглядах, генералы и дипломаты сходились в одном: ни при каких обстоятельствах австралийские военные не должны были оказаться на Восточном Тиморе без официального согласия Джакарты [Sydney Morning Herald, 08.05.2004].

Однако в Джакарте прозвучавшее в декабре 1998 г. обращение Говарда расценили чуть ли не как ультимативное требование проведения референдума. Здесь опасались, что как бы долго ни продлился срок статуса автономии, результатом любого волеизъявления местного населения станет разрыв Восточного Тимора с Индонезией. Придя в крайнее негодование от такого «коварного» шага со стороны близкого союзника, Хабиби отверг предложение Канберры. Президент решил ответить упреждающим ударом: если западные державы настаивают, чтобы Индонезия распрощалась с Восточным Тимором, она сама пойдет на проведение референдума.

Но при том, что новый президент выражал принципиальную готовность найти окончательное решение проблемы, все же открытым оставался вопрос, готово ли руководство вооруженных сил уважать такой подход? Были сведения, что в начале 1999 г. в верхнем эшелоне военного руководства обсуждалась возможность вывода войск с Восточного Тимора. Представители индонезийской армии встречались с уполномоченными Национального совета тиморского сопротивления (НСТС) и обсуждали условия вывода, настаивая на гарантиях обеспечения безопасности остающихся сторонников интеграции. Со своей стороны, НСТС заявил, что не подпишет соглашение, если Индонезия намеревается оставить после себя вооруженную до зубов милицию.

Одновременно аналитики военной разведки докладывали, что за продолжение интеграции с Индонезией выскажется незначительное число восточнотиморцев — по самым оптимистическим оценкам — около 20% населения, другие 20% твердо выскажутся за независимость. Следовательно, необходимо употребить все возможные рычаги, дабы перетянуть на свою сторону хотя бы часть колеблющегося большинства. На худой конец, армия была готова согласиться на солидное меньшинство «интеграционистов», чтобы сохранить собственное лицо и обеспечить своей клиентуре на острове достойную роль в дальнейшем политическом раскладе сил. Однако, отдавая себе отчет в том, что легальными средствами армия не добьется желаемых целей, военная верхушка Индонезии обрати-

лась к знакомому средству — методам запугивания и террора. Уже во второй половине 1998 г. проиндонезийская милиция начала «накачивать мускулатуру», особенно после заявления Хабиби от 27 января 1999 г. Неизвестно, знал ли об этом Али Алатас, но в конце февраля он выступил с опровержением сообщений о поставках ей оружия [Indonesia in Transition, 2000, p. 93].

Силы сопротивления Восточного Тимора сдержанно приветствовали заявление Хабиби. С одной стороны, Рамуш-Орта, официальный представитель НСТС, одобрительно отозвался об этом, оговорившись, правда, что следует дождаться веских доказательств искренности намерений Джакарты. С другой стороны, лидеры Национального совета незамедлительно приступили к организации пропагандистской кампании в провинции, в частности, студенты Университета Восточного Тимора в Дили выступили с инициативой «социализировать» предложения Хабиби, отправившись в отдаленные деревни агитировать за независимость.

Тем временем в марте 1999 г. под эгидой ООН возобновились переговоры между Джакартой и Лиссабоном. Была достигнута договоренность относительно порядка голосования на предложенном референдуме. 5 мая 1999 г. в Нью-Йорке представители ООН, Португалии и Индонезии подписали «Соглашение по вопросу о Восточном Тиморе», а также «Соглашение об основных положениях открытого волеизъявления восточнотиморцев посредством прямого голосования». В переводе с дипломатического языка это означало лишь одно: проведение прямого референдума о дальнейшей судьбе территории. В соглашении предусматривалось, что если восточнотиморцы отвергнут автономию, Индонезия юридически оформит возвращение провинции к положению, существовавшему на 17 июня 1976 г., когда Восточный Тимор был формально включен в состав республики. По соглашениям, Лиссабон должен был выступить с инициативой в ООН исключения Восточного Тимора из списка самоуправляющихся территорий, а также снятия вопроса о Восточном Тиморе из повестки дня Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Следом Совет Безопасности официально создал Миссию ООН в Восточном Тиморе (МООНВТ) с целью организации и мониторинга процесса волеизъявления населения территории.

В начале июня 1999 г. решением Хабиби была создана особая комиссия по проведению референдума во главе с министром-координатором по вопросам политики и безопасности Фейсалом Тан-джунгом. В ее состав вошли генерал Виранто, Али Алатас, министр юстиции Мулады, министр — глава государственного секретариа-

та Акбар Танджунг, а также начальник БАКИН генерал-лейтенант З.А. Маулали. По заявлению Мулади, комиссия будет тщательно следить за прозрачностью и безопасностью проведения плебисцита. С этой целью предусматривалось разоружение Фалинтил и формирований проиндонезийской милиции, отвод частей оккупационной армии из сельских районов.

В действительности комиссия стала ширмой, за которой в недрах индонезийского военного истеблишмента и его разведывательных служб разрабатывался совершенно иной многовариантный план действий, предусматривавший несколько сценариев. На случай провала попыток срыва референдума предусматривался вариант насильственных провокационных действий против легальной восточнотиморской оппозиции, в том числе епископа Карлуша Беллу, а также представителей ООН. Целью этих действий ставилась задача создания атмосферы гражданской войны, а конкретно — выманить Фалинтил в города с тем, чтобы навсегда совместно с вооруженной милицией покончить с повстанцами. При фиаско этого сценария следовало перейти к тактике «выжженной земли» — террору против населения и уничтожению объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры. Еще в начале июля 1999 г. сведения о существовании подобного плана просочились в джакартскую прессу, но категорически были опровергнуты на официальном уровне [Lowry, Bob. East Timor..., p. 100].

Под общим руководством Виранто непосредственное осуществление операции возлагалось на генерал-майора Адама Дамири, командующего военным округом Удаяна со штаб-квартирой в Денпасаре, Бали. На месте возглавлять ее поручалось полковнику Тону Сутарману, командующему армейскими силами на Восточном Тиморе, генерал-майору Заки Анвару Макариму, главе военной разведки БАИС, и генерал-майору Шафри Шамсуддину, заместителю начальника общего штаба индонезийской национальной армии (TNI).

Из указанной «троицы» Шафри, карьера которого была неразрывно связана с силами специального назначения сухопутной армии (Korpassus), имел самый богатый опыт в восточнотиморских делах. В составе сил вторжения в декабре 1975 г. он участвовал в операции «Seroja», а затем служил в разведке спецназа на острове. Закончив в США курсы борьбы с терроризмом и действий в условиях конфликтов малой интенсивности, Шафри руководил расстрелом мирной демонстрации на кладбище Санта-Круж в Дили в ноябре 1991 г., а затем стажировался в Австралии. [Sjafrie Sjamsuddin's History..., September 2011].

На практике была применена заранее выработанная тактика «выжженной земли», когда основная ставка делалась на использование полувоенных формирований восточнотиморских «интеграционистов», раскручивание нового витка гражданской войны. При прямой поддержке армии эти формирования развязали широко-масштабную кампанию террора против сторонников независимости, безуспешно попытались спровоцировать столкновения с Фалинтил. Уже в начале апреля 1999 г. произошла «бойня в Ликисе»: проиндонезийская милиция при содействии армии расстреляла сторонников независимости, укрывшихся в церкви этого небольшого городка на северном побережье провинции. Погром в Ликисе, во время которого погибло около 60 человек, вызвал широкий резонанс в мире. Был вынужден отреагировать даже президент США Клинтон, в личном послании призвавший Хабиби взять под контроль деятельность интеграционистской милиции. Между тем, как известно, по соглашению от 5 мая 1999 г. на индонезийскую армию и полицию возлагалась ответственность за поддержание общественного порядка, а также определялся их нейтралитет в ходе референдума. Всего же к началу референдума в августе 1999 г. погибло более пяти тысяч человек, десятки тысяч оказались беженцами [Smith A., 2000, p. 14–15].

Еще в конце июня в докладе Генерального секретаря ООН содержался вывод, что продолжающиеся акты насилия со стороны интеграционистов препятствуют своевременному проведению референдума и нормальной деятельности МООНБТ.

В мире с трудом верили, что правительство Джакарты действительно пойдет на проведение плебисцита. Слишком сильным было противодействие влиятельной части военного и гражданского истеблишмента, считавшего, что проведение референдума под иностранным контролем оскорбляет национальное достоинство. Против референдума выступили Абдурахман Вахид, лидер крупнейшей мусульманской партии «Нахдатул Улама», и Мегавати Сукарнопутри, стоявшая во главе ведущей светской Демократической партии борьбы (ДПИБ) — главные соперники Хабиби на предстоявших в октябре 1999 г. президентских выборах.

Вахид, известный под уважительным прозвищем Гус Дур, опасался, что референдум вызовет ожесточенную реакцию со стороны индонезийских военных и их клиентуры на Восточном Тиморе. Он полагал, что не следовало торопиться с плебисцитом, надо было отложить его на несколько лет, пока в Джакарте не сформируется прочная демократическая власть. Его вывела из равновесия реак-

ция на события на Восточном Тиморе, последовавшая за границей, особенно в Австралии. По его ощущению, правительство Говарда не смогло понять, что Индонезия находилась в критической точке перехода от авторитарного режима к демократии, а лидеры движения реформ не в состоянии были контролировать ситуацию на острове [Barton G., p. 280].

В середине февраля 1999 г. ДПИБ собрала грандиозный по количеству участников митинг на джакартском стадионе Сенаян в знак протеста против планов предоставления независимости Восточному Тимору. Выступая на нем, Мегавати заявила: «Наших восточнотиморских братьев отнесли к категории национального бремени. Для меня они такие же братья, как жители других провинций». Выступление стало реакцией на прозвучавшее несколькими днями ранее заявления Хабиби, что проблема Восточного Тимора превратилась в бремя и Народному консультативному конгрессу (НKK) следует предоставить ему независимость до начала следующего года. В интервью, данном сразу после окончания митинга Квик Киан Ги, главный советник Мегавати, обрушился с ожесточенной критикой в адрес президента, заявив что «если полностью обезумевший Хабиби поставит этот вопрос в НKK, то первым же пунктом в повестке дня станет вопрос об его отстранении от власти ... Восточный Тимор — это национальная проблема, а не вопросом бюджетного бремени» [Symonde, p. , 24.02.1999].

Реакция Мегавати и ее сторонников отражала настроения значительной части индонезийских верхов, опасавшихся, что начало «свободного плавания» Восточного Тимора вызовет цепную реакцию развала унитарного государства, в первую очередь отделение Аче и Ириан Джая, где десятилетиями продолжалось сепаратистское движение. Ее поддерживала значительная часть военного истеблишмента, включая двух бывших командующих вооруженными силами — генералов Три Сутрисно и Эди Судраджата. Вице-председателем ДПИБ был генерал Тео Шафи, руководивший операциями на Восточном Тиморе в 1992 г., именно в тот период, когда был схвачен Шанана Гужмау.

25 августа 1999 г., за пять дней до начала референдума, Национальный совет тиморского сопротивления обнародовал «дорожную карту» будущего развития страны:

- национальное примирение и единство;
- воссоздание Восточного Тимора;
- ориентация на создание рыночной экономики;
- социально-экономический прогресс территории;

- финансовая политика в интересах стимулирования развития;
- поощрение притока инвестиций; создание эффективного аппарата государственного управления;
- развитие системы образования и профессионального обучения;
- налаживание отношений с АСЕАН и Индонезией;
- развитие отношений с Португалией и содружеством португалоязычных государств;
- стимулирование многосторонних международных связей;
- придание официального статуса Фалинтил и превращение их в национальную армию;
- всеобщая амнистия коллаборационистов;
- обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны;
- проведение переговоров с Индонезией с целью устранения политических разногласий и создание новых отношений между двумя государствами [Out of the Ashes, p. 223].

Программа была принята, несмотря на существенные разногласия как между основными участниками НСТС — Фретилин и УДТ, так и между различными фракциями непосредственно внутри Фронта. Стержневыми пунктами программы были: достижение национального единства, воссоздание социально-экономических основ, налаживание широкого международного сотрудничества.

Несмотря на огромные трудности, референдум состоялся 30 августа 1999 г. Восточнотиморцы должны были ответить на два вопроса: согласны ли они на особый автономный статус провинции в рамках унитарной Республики Индонезия или не согласны на автономию, т. е. к выходу из состава Индонезии. Особая автономия предполагала, что местная администрация получит в свое распоряжение всю сферу управления, за исключением определения внешней политики, обеспечения внешней безопасности, апелляционного судопроизводства, финансов и налогов. Под провинциальный контроль предусматривалось передать природные ресурсы, за исключением тех, которые имеют «стратегическое значение» для центрального правительства. Джакарта должна была продолжать финансирование бюджета провинции (110 млн долл. США в 1998 г.), а местные власти получить право на привлечение внешней помощи. В индонезийской столице полагали, что продолжение централизованного финансирования, покрывавшего до 90% расходов провинции, явится одним из наиболее весомых аргументов в пользу автономного статуса [Smith A., 2000, p. 16].

Общая смета проведения референдума оценивалась в 52,5 млн долл. США, а средства складывались из взносов членов ООН. Около трети всей суммы выделила Австралия. Средства поступили также от Португалии, Японии, Новой Зеландии, Норвегии и Финляндии.

Невзирая на продолжавшиеся акты насилия проиндонезийской милиции и других военизированных групп, референдум прошел успешно. В нем приняли участие 98% зарегистрированных избирателей. Против автономии проголосовало 78,5% участников референдума. Не помогли ни активная агитация за автономию губернатора провинции Суареша, ни угрозы предводителя созданного в 1992 г. индонезийской военной разведкой формирования «Айтарак» («Ключка») Эурику Гутерреша, обещавшего «превратить всю провинцию в море огня», если восточнотиморцы проголосуют за независимость [Out of the Ashes, 2000, p. 223].

Сразу же после плебисцита по провинции прокатилась новая волна насилия, принудившая членов МООНВТ в начале сентября покинуть остров. Вновь с полной очевидностью стало ясно, что индонезийская армия и спецслужбы не только потворствуют действиям так называемых отрядов «милиции», но и руководят ими.

В итоге практически парализованной оказалась транспортная инфраструктура Восточного Тимора, около половины населения покинуло свои дома. Примерно 250 тысяч восточнотиморцев было насильственно переселены на индонезийскую часть острова. В январе 2000 г. Международная комиссия по расследованию положения на Восточном Тиморе, созданная Верховным комиссариатом ООН по правам человека, установила, что между индонезийской армией и военизированной милицией существует прямое взаимодействие. Комиссия пришла также к заключению, что волна насилия, прокатившаяся после референдума, «приобрела форму кровавой мести» в виде массовых казней, сексуального надругательства, уничтожения от 60 до 80% общественной и частной собственности, паралича системы здравоохранения и образования, насильственного перемещения тысяч людей на Западный Тимор. Все это было спланировано, чтобы создать впечатление об остром гражданском конфликте в провинции. Комиссия пришла также к заключению, что к подобной практике правительство и вооруженные силы Индонезии прибегали неоднократно. Теперь же они стремились преподать наглядный урок другим движениям за независимость на территории страны, в первую очередь Движению Свободный Аче на севере Суматры [Smith A. 2000, p. 18].

Восточнотиморская проблема оказалась в фокусе внимания саммита форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), собравшегося в Окленде в начале сентября 1999 г. Хотя Хабиби демонстративно отменил свое участие во встрече, премьер-министр Австралии Говард призвал собравшихся лидеров, в особенности президента США Клинтона, к незамедлительному вмешательству в решение проблемы [Indonesia in Transition, 2000, p. 102].

Теря возможность игнорировать нараставшее международное давление, правительство Джакарты в начале сентября 1999 г. пошло на введение чрезвычайного положения в провинции с целью восстановления правопорядка и безопасности. Однако этот шаг встретил скептическое отношение в мире.

11 сентября Совет Безопасности ООН собрался на важнейшее для дальнейшей судьбы Восточного Тимора заседание, посвященное создавшейся обстановке на территории. С этого момента события пошли в нарастающем темпе. Представители Португалии и Бразилии выступили за принятие самых решительных мер. На следующий день Хабиби пришлось согласиться на размещение миротворческих сил ООН на Восточном Тиморе. Встретившись с Кофи Аннаном и членами Совета Безопасности, Али Алатас известил о безоговорочном согласии Джакарты на ввод международных сил под флагом ООН. 14 сентября Великобритания внесла проект соответствующей резолюции, а на следующий день, после многочасовой дискуссии, Совет Безопасности принял окончательное решение о незамедлительной отправке на остров многонациональных сил. Представители России и Китая настояли на такой формулировке, что решение было принято в соответствии с обращением Индонезии. Дипломатия Пекина, ранее придерживавшаяся линии невмешательства во внутренние дела Индонезии, согласилась на миротворческую операцию под впечатлением происшедших в мае на Восточном Тиморе антикитайских погромов [Indonesia in Transition, 2000, p. 125].

При всей неоспоримой важности роли ООН и при том факте, что ход событий на Восточном Тиморе во многом зависел от расстановки сил в правящей верхушке Индонезии, все же ключевую роль в принуждении Хабиби к капитуляции и согласию на «гуманитарную интервенцию» на Восточный Тимор сыграла администрация Вашингтона. В самом начале сентября 1999 г. президент США Клинтон публично пригрозил «обрушить» индонезийскую экономику, если Джакарта не согласится на ввод на остров международных сил. Он пообещал мобилизовать всю мощь США, задействовать

ресурсы Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка. В индонезийскую столицу был направлен командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Дэннис Блэр, повторивший угрозу на встрече с Хабиби и Виранто. В преддверии запланированной высадки миротворцев в индонезийской столице побывал министр обороны США Уильям Коэн, заявивший Хабиби и Виранто, что Вашингтон рассчитывает на сотрудничество индонезийских властей с силами ООН. В противном случае индонезийской армии «придется иметь дело с американской морской пехотой» [O'Connor P., 02.11.2009].

Двадцатого сентября 1999 г. на Восточном Тиморе высадились 7500 миротворцев, костяк которых составляли австралийские военнослужащие подразделений быстрого развертывания. Контингентом командовал австралийский генерал Питер Косгроув. Миротворцы, получившие вполне четкие инструкции в чрезвычайных обстоятельствах открывать огонь, не встретили, однако, никакого сопротивления.

Возвращаясь назад, отметим, что в апреле 1999 г., когда Говарду не удалось добиться от Хабиби согласия на ввод международных сил, в структуре министерства обороны Австралии было создано специальное подразделение, занимавшееся отслеживанием ситуации на острове и разработкой предложений по возможному реагированию. Не далее как в мае 1999 г. началось оперативное планирование военной операции: на первом этапе — для оказания всесторонней поддержки плебисцита о самоопределении, затем — для эвакуации австралийского и международного персонала, а на финальной стадии — на случай возникновения непредвиденных ситуаций. Еще за пять дней до объявления результатов референдума, министр обороны Джон Мур посетил подразделения, развернутые в районе Дарвина в Северной Австралии, объявив, что вскоре им предстоит оказаться на Восточном Тиморе. Обо всех этих событиях подробно рассказал бывший главный редактор газеты «Australian» Пол Келли в своей монументальной книге «Марш патриотов: борьба за современную Австралию», опубликованной в 2009 г. [Kelly P., 2009].

В октябре 1999 г. Народный консультативный конгресс Индонезии на внеочередной сессии единогласно одобрил итоги референдума на Восточном Тиморе, а в конце того же месяца последний индонезийский представитель покинул бывшую 27-ю провинцию.

Потеря Восточного Тимора, появление иностранных войск, пусть даже под флагом миротворцев, на одном из островов государства-архипелага вызвали новую вспышку националистических на-

строений в политически активной части индонезийского общества. Усилились требования вернуться к реальному, а не формальному следованию принципам «активной и независимой» внешней политики, провозглашенных «отцами-основателями» Республики. Накапливались антиавстралийские настроения в связи с ролью, сыгранной Канберрой в восточнотиморском кризисе. Среди прочего, индонезийцы обвинили сотрудников австралийских спецслужб, действовавших в составе МООНВТ, в скрытой поддержке сторонников независимости. В середине сентября 1999 г. индонезийский парламент денонсировал двустороннее соглашение о военном сотрудничестве, подписанное в конце 1995 г. Повсеместным явлением стали демонстрации у стен австралийского посольства в Джакарте.

На почве событий вокруг Восточного Тимора между Австралией и Индонезией необычно пышно расцвела практика перекрестного шпионажа, прежде всего электронной разведки и вербовки агентыры. Джакартские резидентуры Австралийской секретной разведывательной службы (ASIS), подчиненной внешнеполитическому ведомству, и военной разведки (Defence Intelligence Organization — DIO) постоянно держали в поле пристального внимания высший эшелон командования вооруженных сил Индонезии, усилили перехват телефонных разговоров и радиосообщений. В сентябре 1999 г. в ходе подготовки отправки на Восточный Тимор австралийского воинского контингента местные спецслужбы провели зачистку индонезийской агентурной сети как среди восточнотиморских беженцев, так и завербованных австралийских граждан. Среди двух тысяч беженцев были выявлены лица, имевшие непосредственное отношение к индонезийской военной разведке.

Со своей стороны, спецслужбы соседней страны также активно занимались прослушиванием гражданских и военных телекоммуникационных сетей Австралии. По данным некоторых местных печатных изданий, индонезийским агентом являлся один из высокопоставленных чиновников в Канберре. По признанию генерала Хендроприйоно, шефа Государственного разведывательного управления Индонезии (БИН), взаимная слежка шла полным ходом, и эта практика считалась вполне нормальным явлением [The Age, 15.11.2004].

Под влиянием националистических настроений в обществе избранный в октябре 1999 г. новым президентом Индонезии Абдулрахман Вахид заявил в инаугурационной речи, что одной из своих задач ставит восстановление международного авторитета страны. Новый глава государства подчеркнул также, что Джакарта будет защищать

свою территориальную целостность. «Мы не позволим другим странам выносить суждения о наших внутренних делах», заявил Вахид [Tesoro J. M., 2000, p. 40].

В феврале 2000 г. государственный секретариат Индонезии опубликовал развернутую внешнеполитическую доктрину Джакарты. В документе отмечалось, что в современных международных отношениях провозглашаемый Соединенными Штатами «демократический мир», пропагандируемые Великобританией «этическая внешняя политика» и «гуманитарная интервенция» отражают стремление этих держав вмешиваться в суверенные дела других стран. Далее в нем говорилось, что Индонезия отвергает подобную политику, в особенности в части, касающейся проблемы Восточного Тимора и прав человека. Главными задачами внешней политики были названы сохранение территориальной целостности и национального единства страны, а отделение Восточного Тимора рассматривалось как исключение [Indonesia's New Foreign Policy, February 2000, p. 16–18].

Одновременно в Джакарте заявили, что не позволят повторения восточнотиморского сценария в Аче, районе наивысшей напряженности на территории Республики. Как отметила Деви Фортуна Анвар, советник нового президента по внешней политике, «если сегодня Восточный Тимор не пожелал оставаться частью Индонезии, то завтра по этому пути пойдут северосуматранцы, затем жители Западной Суматры, а послезавтра сунданцы и яванцы. В конце концов, на месте Индонезии возникнет сорок различных республик» [International Herald Tribune, 23.08.1999].

Противоречивую реакцию события на Восточном Тиморе вызвали в странах АСЕАН. Сингапур, Таиланд и Филиппины поддержали решение о направлении миротворческих сил, сначала резко против выступила Малайзия. В Куала-Лумпуре превалировала точка зрения, что референдум о самоопределении провинции был навязан Джакарте извне, а сроки его проведения были на руку сторонникам сепаратизма. Одновременно в малайзийских исламских кругах, как проправительственных, так и особенно в оппозиционных, открыто утверждали, что в максимальном ослаблении Индонезии, самого крупного мусульманского государства в мире, были прямо заинтересованы США и «силы международного сионизма» [Урляпов И. В., Урляпов В. Ф., 2005, с. 141].

Малайзийцы возражали, чтобы Австралия возглавила международные миротворческие силы на Восточном Тиморе. По мнению премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, неслучайно во главе сил ООН оказалась Австралия, якобы заинтересованная в развале

Индонезии. Он довольно прозрачно намекнул, что в среднесрочной перспективе Канберра не возражала бы против формирования собственной зоны влияния в составе Восточного Тимора, Ириан Джая и Молуккских островов, т. е. районов с преобладающим христианским населением [Mann R., 2000, p. 58–59].

Куала-Лумпур полагал, что в любом случае миротворческими силами должны командовать представители АСЕАН и асеановский контингент должен составлять их костяк. Когда же в конце сентября 1999 г. австралийцы высадились на острове, в Малайзии была развернута кампания, участники которой утверждали, что акция лишь усилит напряженность в бывшей индонезийской провинции и в конце концов приведет лишь к гуманитарной катастрофе. Министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар охарактеризовал обращение ООН к Австралии за миротворческими услугами как «не самое мудрое решение». Широкое хождение в Малайзии получило мнение, что австралийское присутствие на Восточном Тиморе, санкционированное Вашингтоном, было не чем иным, как восстановлением в завуалированной форме колониального господства Запада в одной из частей Юго-Восточной Азии. Из малайзийской столицы прозвучало предупреждение, что Канберре не следует брать на себя функции «регионального полицейского» — суррогата американской роли [Business Times, 17.09.1999].

Однако головную боль лидеров Малайзии вызывали в основном не реальные или мнимые великодержавные планы Австралии, а глубокие опасения, что отделение Восточного Тимора окажет сильный демонстративный эффект на соседей Индонезии, подстегнет внутренние сепаратистские настроения. В Малайзии, ближайшей соседке Индонезии, в данном случае опасались за судьбу Саравака и Сабанга, не так давно вошедших в федеративное государство.

Пока в Индонезии и некоторых соседних странах судили и рядили о целесообразности и эффективности международной миротворческой акции, в конце октября 1999 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о создании Временной администрации ООН на Восточном Тиморе (ВА ООН ВТ). Ее возглавил бразильский дипломат Серхиу Виейра ди Меллу. На эту администрацию были возложены задачи законодательной и исполнительной власти на территории до обретения Восточным Тимором независимости. Незадолго до этого в Дили триумфально вернулся Шанана Гужмау, освобожденный после заключения и последующего домашнего ареста, а также стали возвращаться члены заграничной миссии Фретилин, базировавшейся в Мозамбике.

Переходным правительством под председательством уполномоченного Генерального секретаря ООН стала Национальная консультативная комиссия, в которую вошли представители Национального совета тиморского сопротивления (НСТС), католической церкви, а также части интеграционистов. Созданы были также два отраслевых комитета по экономике и гражданской службе.

Временной администрации ООН и зарождавшейся местной власти предстояло решить гигантскую по масштабам задачу — начать восстановление и строительство нового государства практически с нулевого цикла. Ее грандиозность обрисовал Серхиу ди Меллу, выступивший в конце июня 2000 г. в Институте дипломатии и международных отношений Малайзии в Куала-Лумпуре. Он охарактеризовал положение на Восточном Тиморе как «коматозное». Очерчивая насущные задачи деятельности Временной администрации, в числе основных он назвал налаживание конструктивных контактов с проиндонезийскими силами (интеграционистами), установление доверительных отношений с правительством Джакарты, создание на Восточном Тиморе демократических институтов самоуправления и, наконец, закладка основ экономического восстановления.

Глава Временной администрации остановился на вопросе отношений с властями Индонезии. Он отметил, что не возникает абсолютно никаких разногласий с президентом Вахидом, подписан меморандум с индонезийской генеральной прокуратурой о тесном сотрудничестве в расследовании военных преступлений, совершенных в период оккупации. Однако дело осложняется отсутствием судебного органа по типу Международного трибунала по бывшей Югославии. Некоторые трения возникли с внешнеполитическим ведомством Индонезии, полагавшим, что ВА ООН ВТ получила слишком большие полномочия, а Индонезия фактически отстранена от участия в процессе стабилизации на острове. Не устраивало Джакарту и то, что граждане страны могут оказаться под международным судом.

Остановившись на состоянии политической системы Восточного Тимора, ди Меллу оценил его как безотрадное. По его мнению, необходимо отложить все разговоры о принятии временной конституции и положения о политических партиях. Лишь в марте — апреле 2001 г. при благоприятном развитии обстановки можно будет вернуться к этим вопросам, а всеобщие выборы провести в конце 2001 — начале 2002 г. После этого ООН будет готова передать власть законно избранному правительству.

Относительно перспектив хозяйственного восстановления Восточного Тимора эмиссар ООН сказал, что, пользуясь предоставленными полномочиями, Временная администрация приняла ряд решений о развитии частного (включая иностранное) предпринимательства, нормализации банковской сферы, меры по самообеспечению населения продовольствием, наращивании производства кофе. Он отметил, что началось составление кадастра земельных угодий, на значительную часть из которых выявилось несколько претендентов — индонезийских компаний, бывших португальских владельцев, а также местных племенных вождей. В январе 2000 г. ВА ООН ВТ подписала с Австралией соглашение о разработке нефтегазовых месторождений на шельфе Тиморского моря. Однако дальнейшее экономическое выживание территории, по словам ди Меллу, будет зависеть от налаживания партнерских связей с Индонезией, Австралией, странами АСЕАН, членами Южно-Тихоокеанского форума, португалоговорящими государствами и мировым сообществом в целом [The Star, 23.04.2000].

Таким образом, по логике главы ВА ООН ВТ, для лидеров нарождающегося государства задачей насущной важности стало налаживание самого широкого международного сотрудничества. Но начинать, в любом случае, приходилось с Индонезии, тем более что из Джакарты стали поступать явные сигналы к примирению.

Важным шагом был состоявшийся в начале марта 2000 г. визит Вахида в Дили. Выступив на митинге и возложив венки на кладбище Санта-Круж и могилы индонезийских солдат, Гус Дур от себя лично выразил сожаление по поводу злодеяний, совершенных на Восточном Тиморе, от имени Индонезии принес извинения за беды и страдания, принесенные его страной.

Находясь в Дили, президент заявил, что питает теплые чувства к Шанане Гужмау, высказался за установление добрых отношений между Индонезией и Восточным Тимором.

В подписанном от имени правительства Индонезии и ВА ООН ВТ совместном коммюнике был зафиксирован перечень подлежащих рассмотрению неотложных вопросов:

- репатриация и расселение восточнотиморских беженцев, оказавшихся на Западном Тиморе;
- определение пределов взаимодействия в правовой сфере, включая обеспечение прав человека;
- делимитация сухопутной и морской границ, создание пограничных переходов и транзитного коридора между Окусси и основной территорией Восточного Тимора;

- урегулирование взаимных финансовых претензий, включая обеспечение доступа резидентов Восточного Тимора к счетам в индонезийских банках;
- выплата пенсий бывшим местным служащим индонезийской администрации, а также определение общего объема их вкладов в индонезийские пенсионные фонды по состоянию на август 1999 года;
- продолжение обучения восточнотиморских студентов в вузах Индонезии;
- разработка торгового режима, обеспечивающего двусторонние коммерческие связи и восстановление торговых отношений в целом;
- достижение соглашения о развитии авиационного и телекоммуникационного сообщения;
- восстановление архивных и иных данных, имеющих отношение к правам собственности, статистическим и иным документам [East Timor Development Challenges..., 2001, p. 84].

Между генеральной прокуратурой Индонезии и ВА ООН ВТ было также достигнуто соглашение о проведении совместного расследования причастности некоторых высших индонезийских офицеров к разгону насилия в провинции в ходе и после референдума в августе 1999 г.

Пока между Восточным Тимором и Индонезией завязывались двусторонние контакты на официальном уровне, в недрах «мозговых трестов» Джакарты примеряли к бывшей провинции возможные модели дальнейшего развития, соответствующие потенциалу небольшого государства и приемлемые для Индонезии.

По мнению исполнительного директора Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Хади Сусастро (он же — экономический советник президента Вахида и член Национального экономического совета при главе государства), более всего для развития Восточного Тимора напрашивалась «брунейская модель», базирующаяся на крупных доходах от добычи нефти и газа. Она годилась бы в случае, если властям Дили удалось перезаключить соглашение о добыче углеводородного сырья на шельфе Тиморского моря. В конце 1999 г. корпорация «Phillips Petroleum» и ее партнеры согласились инвестировать 1,4 млрд долл. в разработку месторождения Баю-Ундан (Bayu-Undan). К тому времени корпорация эксплуатировала меньшее по мощности месторождение Эланг (Elang) и отчисляла ВА ООН ВТ природную ренту и подоходные налоги на том же уровне, как прежде Индонезии, и тогда ежегодное производство Баю-Ун-

дан оценивалось из расчета 400 млн баррелей нефти и 3,4 млрд куб. футов природного газа. Рента и налоги могли принести Восточному Тимору около 1 млрд долл.

Мари Алкатири, министр экономики переходной национальной администрации Восточного Тимора, подсчитал, что поступления от нефтегазовой отрасли способны вчетверо увеличить подушевой доход населения, поднять его к 2009 г. до 1 тысячи долларов США. По оценкам Всемирного банка, такие финансовые поступления обеспечивали бы ежегодный экономический рост на уровне 15% в течение данного периода [East Timor Development Challenges..., 2001, p. 88].

Хади Суастро подсчитал, что если приплюсовать к нефтегазовым доходам поступления от экспорта кофе, главного товара местного производства, и развитие сферы международного туризма, то бывшая 27-я провинция обеспечит себе ежегодный доход на душу населения в размере 1250 долл., т. е. в семь раз больше, чем в Индонезии. При таком сценарии Дили не потребуются какие-то особые отношения с Индонезией. Более того, индонезийцы в массовом порядке потянутся на заработки в «богатый» Восточный Тимор [Hadi Soesastro, 2001, p. 89].

Хади Суастро рассматривал также «сингапурскую модель», экономику города-государства — центра финансовых услуг и транспортных коммуникаций всей Юго-Восточной Азии. Однако у нового государства на Восточном Тиморе не было тех преимуществ стратегического положения, как у Сингапура или Объединенных Арабских Эмиратов. Дили вряд ли мог бы составить конкуренцию Дарвину в Северной Австралии, Макассару и Сурабае в Индонезии.

Изучалась также «модель Макао» как экономика регионально-центра развлечений. Однако для реализации что-то подобного требовались и соответствующая инфраструктура и внутренняя стабильность, гарантирующая безопасность потенциальной клиентуре [Hadi Soesastro, 2001, p. 89].

Таким образом, ни сингапурская модель, ни вариант Макао явно не подходили для Восточного Тимора, который не располагал ни крупными первоначальными финансовыми средствами для инвестиций, ни квалифицированной рабочей силой, ни хотя бы минимальными условиями для развития сферы услуг и развлечений.

В результате, с точки зрения и Хади Суастро и других влиятельных лиц в политических верхах Джакарты, оптимальным представлялся путь вложения средств в развитие транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, аграрного производства,

образования и здравоохранения, мелкого предпринимательства. При такой модели экономики Восточного Тимора Индонезия могла принять участие в его восстановлении и дальнейшем развитии силами национального частного капитала при поддержке правительства Джакарты.

Однако для налаживания полнокровного двустороннего сотрудничества необходимо было сделать первые шаги в политической сфере. В феврале 2001 г. между Индонезией и ВА ООН ВТ была достигнута договоренность о рамках военно-политического сотрудничества, в первую очередь это касалось обеспечения безопасности границ и лагерей беженцев на Западном Тиморе. Был создан смешанный пограничный комитет.

В поддержку политики нормализации отношений между Индонезией и Восточным Тимором высказались Португалия и Австралия.

Португальский министр иностранных дел Хайме Гама заявил, что восстановление Восточного Тимора потребует содействия Индонезии. Бывший губернатор провинции Мариу Каррашкулау, вернувшийся к политической деятельности, выразил убеждение, что у Дили нет иного выбора, как идти на укрепление связей с ближайшими соседями. В том же ключе высказался бывший австралийский посол в Джакарте Ричард Уолкотт [East Timor. Development Challenges..., 2001, p. 85].

Мусма Муса Аббас, глава индонезийской делегации на заседании группы стран — доноров Восточного Тимора, состоявшемся в середине 2000 г. в Лиссабоне, подтвердил намерение Джакарты придавать первостепенную важность продвижению взаимной торговли и инвестиций, а также развитию сотрудничества в социальной и культурной областях. Ранее, со своей стороны, Серхиу ди Меллу подчеркивал, что Восточный Тимор хозяйственными узами привязан к Индонезии, а Западный Тимор, Сурабая и Денпасар остаются его главными торговыми партнерами [The Jakarta Post, 07.01].

Президент Абдурахман Вахид пытался придать проблеме восстановления Восточного Тимора региональное измерение. На саммите глав государств — членов АСЕАН в Сингапуре в ноябре 2000 г. он предложил создать Форум стран западной части Тихого океана, включающий в себя Индонезию, Восточный Тимор, Австралию, Новую Зеландию, Папуа–Новую Гвинею и Филиппины. Форум предполагалось использовать для регулярных консультаций на высшем уровне. Однако идея с самого начала оказалась недостаточно продуманной и продержалась на поверхности ровно столько, сколько Гус Дур занимал президентский дворец в Джакарте.

Несмотря на важность первых внешнеполитических инициатив лидеров нового государства, основные события происходили внутри Восточного Тимора.

Дальнейший ход политического развития страны во многом определил состоявшийся в конце августа 2000 г. в Дили съезд НСТС. Впервые он собрал вместе вернувшихся на родину лидеров эмиграции, бывших заключенных индонезийских тюрем, партизанских командиров и подпольщиков внутреннего сопротивления. На съезде в полной мере вскрылись существовавшие втуне глубокие политико-идейные расхождения и борьба амбиций. «Большой Брат» Шана на Гужмау и его сторонники обвинили вождей эмиграции из числа Фретилин в непонимании новых реалий и ретроградстве, непомерном стремлении к власти в ущерб партнерам по НСТС, причем в переломный момент, когда особенно остро ощущалась потребность в национальном единстве. В свою очередь, представители Фретилин обвинили Гужмау в вождизме, попытках авторитарными методами руководить НСТС, двусмысленности дальнейших намерений.

В итоге делегаты Фретилин покинули форум, после чего Национальный совет начал рассыпаться на глазах. Из НСТС вышел ветеран Фретилин, первый председатель Фронта Шавьер ду Амарал, возродивший Социал-демократическую ассоциацию Тимора. Вслед за расколом УДТ Жоау Каррашкалау остался лидером партии, а его брат Мариу создал новую Социал-демократическую партию. В июне 2001 г. Гужмау объявил о роспуске НСТС. Недавним союзникам и попутчикам, таким образом, представилась возможность самостоятельно участвовать в будущих всеобщих выборах. Главное же заключалось в том, что оказалась погребенной идея широкого единого национального фронта, способного повести Восточный Тимор по пути самостоятельного развития.

Ровно через год, т. е. два года спустя после референдума об автономии, 30 августа 2001 г., под эгидой ВА ООН ВТ состоялись выборы в Конституционную ассамблею страны. В выборах приняли участие 16 партий и объединений, из которых лишь пять имели опыт политической борьбы, остальные были образованы непосредственно перед выборами. Как и ожидалось, убедительную победу одержал Фретилин, завоевавший 55 из 88 депутатских мест [New Straits Times, 10.09.2001].

На основе волеизъявления населения было сформировано переходное правительство, которое возглавил генеральный секретарь Фретилин Алкатири, ветеран партии, прошедший свыше 20 лет в эмиграции в Мозамбике. Он получил также портфель министра фи-

нансов. Министерство иностранных дел возглавил Рамуш-Орта. Всего Фретилин получил девять постов в новом кабинете, УДТ — два, остальные портфели были распределены между независимыми деятелями и беспартийными технократами.

Двенадцатого апреля 2002 г., Шанана Гужмау был избран первым президентом Восточного Тимора.

Двадцатого мая 2002 г. в годовщину создания Тиморской социал-демократической ассоциации, предтечи Фретилин, было провозглашено восстановление независимости Демократической Республики Тимор–Лоросае (Тимор-Лешти). На языке тетум «loro'sae» — восток, та сторона горизонта, где восходит солнце. По-португальски «leste» (произносится «лешти») — восточный. При провозглашении независимости оба названия страны были равнозначными, но со временем закрепилось лишь португальское название.

В день восстановления независимого Восточного Тимора новое государство признала Российская Федерация. В результате этого акта окончательного самоопределения выиграла и Португалия. Демократическая Республика Тимор-Лешти стала восьмым португалоязычным государством на политической карте мира, наряду с Бразилией, Анголой, Мозамбиком, Гвинеей-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи и самой Португалией.

В конце сентября 2002 г. республика стала 191-м членом Организации Объединенных Наций.

II. ТИМОР-ЛЕШТИ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

После восстановления суверенитета в мае 2002 года, доминирующее положение в системе государственной власти Демократической Республики Тимор-Лешти твердо занял Фретилин. Одна из старейших политических партий, сыгравшая ведущую роль в борьбе против индонезийской аннексии, завоевала абсолютное большинство мест в Конституционной ассамблее, выборы в которую состоялись в августе 2001 г. под эгидой ВА ООН. Вскоре ассамблея была преобразована в Национальный парламент. Его возглавил председатель Фронта Франсишку «Лу Оло» Гутерреш. Первым премьер-министром стал генеральный секретарь Фретилин Мари Алкатири.

Между тем правящая партия так и не консолидировалась, не стала монолитной силой. Верхний эшелон руководства Фронта состоял из партийных кадров с различным образовательным уровнем, идеологической ориентацией и опытом участия в освободительном движении. За годы вооруженного сопротивления Фретилин понес колоссальные для небольшой по численности партии людские потери.

Еще в середине 90-х годов на базе подпольной сети Фретилин в Индонезии возникла самостоятельная Социалистическая партия Тимора (СПТ), заявившая о своей приверженности учению марксизма-ленинизма и концепции построения бесклассового общества. В лидеры партии выдвинулся Авелину да Силва Коэлью, штудировавший основы международного права в одном из джакартских университетов. Он выступил в 1994 г. как один из главных организаторов серии прорывов на территорию иностранных дипломатических представительств в индонезийской столице, провел почти два года в стенах австрийского посольства, затем был депортирован за границу.

Ведущее положение в партии занял «мозамбикский блок», представители восточнотиморской политической эмиграции и зарубежной диаспоры, группировавшиеся вокруг заграничной миссии Фретилин в странах Африки во главе с Алкатири. На первом этапе эта группа находилась под политико-идеологическим влиянием Фронта освобождения Мозамбика (Фрелимо), провозгласившего себя «авангардной марксистско-ленинской партией», что отразилось в программных документах Фронта.

Далее следовали представители восточнотиморской диаспоры в Португалии и Австралии. Здесь ведущую роль играл сподвижник Алкатири Эстанислау да Силва, постоянно курсировавший между Мозамбиком, Португалией и Австралией. В 1994 г. он был назначен постоянным представителем Фретилин на «зеленом континенте», а в 1998 г. выступил главным организатором национальной партийной конференции, проведенной в Сиднее.

Верхний эшелон замыкали полевые командиры Фалинтил, уцелевшие в годы индонезийской оккупации. Большинство из них, за исключением «Лу Оло» Гутерреша, оказались на третьестепенных ролях при формировании институтов государственного управления ввиду низкого образовательного уровня и непрофессионализма. По понятным причинам, участники внутреннего сопротивления выражали крайнее недовольство отведенным им положением, что продемонстрировали уличные манифестации в Дили уже в первый год независимости.

В то время существовали, по крайней мере, три ветеранские организации: две созданные в рамках Фалинтил и одна, находившаяся под патронажем президента Гужмау. Особняком стояла организация ветеранов и вдов, созданная полевым командиром Корнелиу Гама, весьма колоритной фигурой движения сопротивления, более известным по кличке «Fobogai boot» («Большой питон»). Хотя сключенный им в 1998 г. отряд «Sagrada Familia» («Святое семейство») формально входил в состав Фалинтил, в действительности это было полубандитское анархическое образование, ко всему прочему, прибегавшее к традиционной магии в борьбе с индонезийской армией [Cristalis I., 2009, p. 182–185].

Брожением в рядах ветеранов попытался воспользоваться Рожериу Лобату, стоявший у истоков создания Фалинтил и в 1975 г. ставший первым министром обороны Демократического Восточного Тимора. Однако позднее за границей в полной мере выявились скрытые черты его характера: честолюбие, авантюризм и склонность к легкой наживе. В 1978 г. он каким-то образом связался с «красными кхме-

рами» и в том же году оказался причастным к покушению на Рамуша-Орту и других лидеров восточнотиморской эмиграции. В 1983 г. в Анголе Рожериу попал в тюрьму за нарушение дипломатического статуса, а именно за контрабанду алмазов и поставку проституток. Вернувшись на родину, он путем интриг пытался прорваться в верхний эшелон власти молодой республики, претендуя на пост министра обороны. Предоставив портфель министра внутренних дел амбициозному политику, Алкатири сделал явную ошибку, недооценив его аппетиты. Рожериу пошел на то, что из собственного кармана оплачивал манифестации ветеранов в свою поддержку [Cristalis I., 2009, p. 288–289].

«Мозамбикский блок», или «Фретилин — Мапуту» (по названию столицы Мозамбика), получивший около половины министерских портфелей, определил политическое лицо первого кабинета, сформированного Алкатири. Эстанислау да Сильва, член Национальной политической комиссии (Политбюро), стал вице-премьером и министром сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства; Рожериу Лобату возглавил министерство внутренних дел; Мадалена Боавида получила портфель министра планирования и финансов, Ана Песоа — министра внутренней администрации. Государственным министром обороны был назначен Роки Родригеш [East Timor, 2007, p. 128].

Однако этому партийному блоку не удалось сохранить монолитность. Из него выделилась фракция «Муданса» («Реформы»), возглавляемая Луишем Гутеррешем, бывшим послом эмигрантского правительства Фретилин в Анголе, Мозамбике и ООН. В правительстве ему достался пост заместителя министра иностранных дел. Формально фракция выступила против принципа демократического централизма как организационной основы Фронта. Фактически ее амбициозные члены преследовали в основном личные карьеристские интересы. На партийном съезде в апреле 2006 г. Луиш Гутерреш попытался бросить вызов Алкатири на выборах руководящих органов, но потерпел поражение, не получив поддержки низовых организаций.

Опираясь на парламентское большинство, руководство Фретилин попыталось юридически закрепить ведущее положение партии на политической арене Тимор-Лешти. К этому его побудили, с одной стороны, отказ оппозиционных партий признать легитимность результатов выборов в 2001 г., с другой — то, что Фретилин в 2005 г. уверенно победил на выборах в местные органы власти, завоевав большинство в 31 из 32 муниципалитетов. В начале 2006 г. парламент принял закон о внутренней безопасности, предоставивший

властям рычаги контроля над оппозицией, закон о свободе демонстраций, установивший запрет на обсуждение темы легитимности правительства и акции протеста перед государственными учреждениями, а также уголовный кодекс, предусматривавший наказание за оскорбление должностных лиц [A Year of Turmoil, September 2007, p. 18].

Экономическая и социальная политика кабинета Алкатири

Для Демократической Республики Тимор-Лешти, пережившей длительный период борьбы за независимость, находящейся на крайне низком уровне развития (в 2003 г. ВВП — 338 млн долл., ВВП на душу населения — 470 долл.), вопросом жизни и смерти было привлечение зарубежной финансовой помощи. Достаточно сказать, что в 2001 г. поступления из внутренних источников обеспечивали лишь немногим более 8% бюджета территории в размере 305 млн долл. [Урляпов И. В., Урляпов В. Ф., 2005, с. 151]. А между тем восстановление разрушенной транспортной инфраструктуры и коммунального хозяйства, налаживание систем образования и здравоохранения, создание гражданской администрации были на начальном этапе приоритетными задачами на пути строительства стабильного молодого государства.

По инициативе ООН было принято решение об оказании Восточному Тимору в целях гуманитарной помощи и поддержки социально-экономического восстановления. Собравшиеся в декабре 1999 г. в Токио представители международных финансовых организаций и стран-доноров договорились о выделении ВА ООН ВТ 520 млн долл. На Токийской встрече было также решено создать Трастовый фонд Восточного Тимора (ТФВТ) с капиталом в 177 млн долл. под управлением Всемирного банка и Азиатского банка развития. В фонд вошли 12 государств-доноров и Европейская комиссия. К началу мая 2003 г. ТФВТ реализовал 122 млн и, как предполагалось, завершит свое существование к концу 2005 г. [Democratic Republic of Timor Leste, July 2003, p. 32].

Играя ключевую роль в ТФВТ, Всемирный банк взял на себя безвозмездное финансирование программ в сферах социального обеспечения (в особенности здравоохранения и образования), сельского хозяйства, развития частного предпринимательства и экономического потенциала в целом. На эти нужды было выделено 133 млн долл.,

из которых 70 млн. были реализованы к маю 2003 г. Годом ранее по линии Всемирного банка было выделено 5 млн долл. на создание основ административно-управленческой системы. Банк продолжал координировать мобилизацию помощи со стороны стран-доноров, выступая сопредседателем (совместно с ООН) на проводимых дважды в год конференциях восточнотиморских доноров, а после провозглашения независимости — совместно с правительством Тимора-Лешти в декабре 2002 г. и 2003 г.

Азиатский банк развития, со своей стороны, в рамках ТФВТ предоставил безвозмездную помощь в размере 53 млн долл. на восстановление и развитие инфраструктуры в сельской местности (дороги и энергоснабжение), портового хозяйства, коммунальных служб. Параллельно с деятельностью в рамках ТФВТ банк выделил техническую помощь на сумму 8,7 млн долл., предназначенную на оценку и анализ экономического положения, восстановление мелкого предпринимательства [Democratic Republic of Timor Leste, July 223, p. 33].

Важнейшим направлением внешней помощи Тимору-Лешти была поддержка его бюджета. Проблема состояла в том, что внутренние резервы пополнения его доходной части оставались весьма скудными. Только дефицит внешней торговли составлял в 2002 г. 180 млн долл. Однако правительство Дили приняло принципиальное решение избегать привлечения внешних займов и кредитов, в том числе и на льготных условиях, хотя имело такую возможность в соответствии с Программой развития ООН. (В середине 2002 г. Восточный Тимор вступил во Всемирный банк, Международный валютный фонд и Азиатский банк развития.)

На встрече в Дили в мае 2002 г. доноры обязались предоставить 81 млн долл. на поддержку бюджета на период до 2004/2005 финансового года, когда, как ожидалось, начнут поступать доходы от добычи нефти и газа в Тиморском море. Они обещали также выделить на указанный период безвозмездную помощь — 280 млн долл. [Democratic Republic of Timor Leste, July 2003, p. 6].

Разрабатывая планы национального экономического развития, кабинет Алкатири возлагал надежды главным образом на пополнение государственной казны за счет доходов от добычи углеводородного сырья. В октябре 2000 г. были получены первые доходы — 3 млн долл. Дальнейшие отчисления иностранных компаний — операторов составляли следующую картину: в 2000/2001 финансовом году — 13,1 млн долл., в 2001/2002—10,8 млн долл., в 2002/2003 году — 26,7 млн. Эти поступления от выплаты налогов и природной ренты

начали формировать примерно четверть текущего государственного бюджета [Democratic Republic of Timor Leste: Selected Issues, July 2003, p. 25].

Однако дополнительные средства предназначались не для текущих расходов, а для формирования специального инвестиционного фонда. По расчетам, процентные отчисления от реинвестирования обеспечат республике доходы на ближайшие 30 лет, пока не будут исчерпаны запасы нефти и газа. К концу 2006/2007 года предполагалось аккумулировать не менее 100 млн долл. на счетах Фонда, имея также в виду, что поступления будут расти по мере того как в Тиморском море будут вступать в строй новые мощности. Всего же начиная с 2004 г. в течение 20 лет Восточный Тимор планировал получить 3,6 млрд долл. США от нефтегазовых доходов [The La'o Hamatuk Bulletin, August 2003, p. 11].

Уже на начальном этапе работы Временной администрации ООН в Восточном Тиморе она столкнулась с проблемой налаживания денежного обращения на территории бывшей индонезийской провинции. Вначале рассматривалась идея создать центральный банк и ввести национальную валюту, но для этого не имелось ни реальной материальной базы, ни профессиональных кадров. В августе 1999 г., после того как население Восточного Тимора единодушно высказалось на референдуме за независимость, Португалия пообещала на первых порах финансировать администрацию Дили, а также позволить хождение португальского эскудо в качестве временной валюты. Однако это обещание не было реализовано.

Несостоявшимся оказался также план сохранить индонезийскую рупию как платежное средство, хотя на Восточном Тиморе в хождении оставалось значительное количество этой валюты (не менее 20 млн в пересчете на доллары США). Это объяснялось, во-первых, неуклонным падением курса рупии из-за финансово-экономического кризиса в Индонезии, во-вторых, опасениями того, что манипулирование рупией станет одним из способов «мести» Джакарты за потерю 27-й провинции [New Straits Times, 18.05.2001].

В создавшихся условиях наиболее приемлемым решением оказалась «долларизация» экономики. И действительно, в валюте США поступала зарубежная помощь, фактически велась, пусть небольшая по объему, внешняя торговля, стали поступать зарубежные инвестиции. Для восстановления и стабилизации хозяйственного положения требовалось, чтобы американский доллар не загонялся на «черный рынок», а беспрепятственно циркулировал как законное средство денежного обращения.

В связи с этим, по рекомендации Международного валютного фонда и по решению ВА ООН ВТ в январе 2000 г. доллар США получил статус законной денежной единицы Восточного Тимора, хотя это встретило недовольство местных неправительственных организаций левой националистической ориентации. Хождение других валют, включая индонезийскую рупию и австралийский доллар, запрещалось под угрозой крупных штрафов. Весной 2003 г. в обращение была запущена мелкая разменная монета «сентавуш», получившая право параллельного хождения с американским центом.

В конце 2001 г. на Восточном Тиморе начало действовать Управление по банкам и платежам, прототип центрального банка страны. В его функции входили мониторинг общеэкономической ситуации, сбор и анализ статистических данных, изучение конкретных вопросов (например, конъюнктуры рынков кофе и нефти), участие в консультациях с международными финансовыми институтами.

Сразу после провозглашения независимости парламент Тимора-Лешти принял План национального развития, рассчитанный на пятилетний срок (2002–2007) и определявший стратегию и задачи хозяйственной стабилизации и роста страны.

План предусматривал обеспечение в среднесрочной перспективе темпа ежегодного экономического роста в размере пяти процентов, а также сокращение вдвое к 2015 г. категории граждан, живущих за чертой абсолютной бедности. По местным стандартам, к ним относилось 40% городского и 46% сельского населения. Черта бедности определялась в 0,55 долл. США в день на душу населения.

Ввиду важности аграрного сектора, продукция которого давала четверть ВВП страны, план предусматривал комплекс мер, касающихся его развития: строительство новых ирригационных систем, внедрение современных методов производства за счет роста использования минеральных удобрений и новых сортов семян, расширение услуг маркетинга и кредитования крестьянских хозяйств.

Обращая внимание на особую важность участия частного сектора в развитии экономики, составители плана предусмотрели необходимость создания соответствующей юридической базы. В перечень неотложных мер включалась разработка и утверждение соответствующих законодательных актов: о землевладении, о статусе компаний, банкротстве, банках и страховании. Указывалось на особую значимость привлечения иностранного капитала, особенно в развитие туризма, обрабатывающей промышленности и сферы услуг.

Экономика должна была строиться на базе рыночных отношений, либеральных торгового и инвестиционного режимов. Не до-

пускалось административное вмешательство в дела частного предпринимательства, за исключением случаев, когда его активность не способствует хозяйственному росту и борьбе с крайней бедностью.

Фундаментальным условием создания современного государства и рыночной экономики признавалось формирование соответствующей административной системы. С этой целью предлагалось сосредоточить внимание на подготовке квалифицированных управленческих кадров, построении эффективной юридической системы, укреплении системы образования, овладении молодежью предпринимательскими техническими и профессиональными навыками, особенно с учетом того, что ежегодно на рынок труда Восточного Тимора выходит 15–20 тыс. молодых людей.

Поддержание макроэкономической стабильности провозглашалось в плане краеугольным камнем хозяйственной стратегии. Решение этой задачи будет особенно важно в среднесрочной перспективе, когда Тимор-Лешти начнет получать значительные доходы от нефти и газа. Стабильность его национального хозяйства определялась в плане как средство повышения конкурентоспособности.

На начальной стадии (2002/2003 г.) предусматривалось разработать планы основной деятельности всех ведущих министерств. Требовалось принять базовый закон о землевладении, приступить к разработке законодательства о лизинге и продаже государственной собственности, а также до середины 2003 г. представить в правительство проекты основополагающих юридических документов об инвестициях, статусе компаний, банкротстве и страховании.

По существу план представлял собой не столько программу конкретных мер с указанием контрольных показателей и временных рамок их реализации, сколько декларацию о намерениях. И это вполне объяснимо, поскольку правительство молодой республики было крайне ограничено в собственных финансовых средствах и не могло с уверенностью прогнозировать размер внешних поступлений в доходную часть бюджета. По этой причине, видимо, составители плана не считали целесообразным вводить в него количественные и временные показатели.

Для успешного запуска механизма социально-экономического развития требовалось решить проблему беженцев, вольно или невольно оказавшихся на Западном Тиморе в период разгула террора, проводимого проиндонезийской милицией. Среди беженцев было немало квалифицированных специалистов, особенно в сфере образования и здравоохранения, в которых остро нуждалась республи-

ка. И хотя к 2000 г. на Восточный Тимор вернулось около 150 тыс. человек, в индонезийской части острова по-прежнему находилось примерно 90–100 тыс. беженцев, многие из которых желали вернуться. Для решения этой проблемы требовалась добрая воля Джакарты, а также обстановка стабильности и безопасности на восточной части Тимора.

Одной из центральных проблем, требовавших решения, являлся вопрос о земле. Традиционная система землевладения строилась на основе коллективной (клановой или родовой) собственности и закрепляла право крестьянина обрабатывать землю, пользоваться плодами своего труда, но не владеть землей.

Запрещалось продавать или передавать землю не членам клана. В случае смерти или выхода кого-либо из клана, надел передавался другому сородичу. Во время оккупации индонезийские власти ввели в провинции свои законы, применение которых привело к многочисленным земельным конфликтам и зачастую к отчуждению клановых владений в пользу переселенцев с других островов и индонезийских частных компаний. Перед властями Тимора-Леште отныне встала сложная задача разработать новое законодательство, в котором оптимально сочетались бы традиционный и современный подходы к землевладению и землепользованию. От этого во многом будут зависеть отношения между властями молодой республики и местными клановыми вождями и крестьянством в целом, иными словами, будет зависеть внутренняя стабильность в государстве.

В начале 2003 г. правительство ДРТЛ было вынуждено принять дополнительный план среднесрочных мероприятий («дорожная карта»). Таким образом оно отреагировало на происшедшие в начале декабря 2002 г. в Дили волнения среди безработных, студентов и ветеранов освободительной борьбы, выдвинувших требования улучшения своего социального положения. В частности, ветераны выражали крайнее недовольство по поводу того, что власти забыли их заслуги в завоевании независимости. Стражи правопорядка открыли огонь по участникам манифестаций.

В «дорожную карту» была включена программа стабилизации, предусматривавшая меры укрепления системы правосудия и органов правопорядка. Также предполагалось осуществить ряд мер по расширению занятости среди молодежи и ветеранов. Одновременно «программа стабилизации» была призвана продемонстрировать перед зарубежными донорами намерение Дили в сфере социально-экономического развития по-прежнему привлекать дополнительную финансовую помощь.

По общему признанию, главным достижением правительства Алкатири явилось создание в августе 2005 г. национального Нефтяного фонда. Образованный по рекомендации МВФ, после продолжительных международных и внутривосточных консультаций, он был призван аккумулировать доходы от добычи углеводородного сырья. Фонд мыслился в качестве основы устойчивого социально-экономического развития при жизни нынешнего и будущих поколений восточнотиморцев. Предполагалось также, что он поможет избежать западни «сырьевого проклятия», т. е. ситуации, при которой нефтегазовые доходы превращаются в препятствие хозяйственного прогресса, становятся причиной роста коррупции и возникновения гражданских конфликтов, как, например, в Анголе и Нигерии.

Управление Нефтяным фондом было возложено на министерство планирования и финансов, а расходование накопленного капитала строго ограничивалось рамками государственного бюджета, утверждаемого парламентом.

Практическая деятельность Фонда стартовала в сентябре 2005 г., когда правительство перевело на его счета первые 205 млн долл. США. В конце 2006 г. его активы достигли около 1 млрд. долл. В бюджет средства Фонда начали отчисляться в 2005/2006 финансовом году (60 млн долл., или 42% предусматриваемых ассигнований). В следующем году отчисления составили 279 млн долл., или около 70% бюджетных средств. Иными словами, Нефтяной фонд превратился на практике в главный инструмент финансово-экономической политики молодого государства [Timor-Leste Petroleum Fund, 2007].

Основным источником поступлений в Фонд были отчисления международных нефтегазовых компаний, добывавших природный газ на месторождении Баю-Ундан, прежде всего американской «Copoco Phillips». Полученное сырье транспортировалось по трубопроводу для сжижения на предприятие частной австралийской компании «Woodside» в Дарвине в Северной Австралии.

Между тем, согласно прогнозам специалистов, Баю-Ундан должно было истощиться к 2020 г. В связи с такой перспективой, а также ввиду динамики мировых цен и растущего спроса на энергоносители Китая, правительство Алкатири активизировало переговоры с иностранными компаниями об освоении других месторождений — «Greater Sunrise», а также строительстве завода по сжижению газа. Восточнотиморская сторона предложила строить предприятие на своей территории, рассчитывая, что это позволит существенно увеличить доходы казны и создать много новых рабочих мест. Со своей стороны, австралийцы добивались увеличения мощностей пред-

приятия в Дарвине, а также выдвинули грандиозный план строительства плавучего завода. До конца пребывания у власти правительства Алкатири стороны так и не пришли к согласию по этому вопросу.

С помощью Кубы правительство Фретилин приступило к проведению кампании ликвидации неграмотности и созданию новой системы здравоохранения. После визита премьер-министра в Гавану в конце 2005 г. на Восточный Тимор прибыла группа кубинских специалистов в области народного образования. С их помощью республика приступила к реализации программы борьбы с неграмотностью. Планировалось добиться к 2015 г. полного решения этой проблемы по методике, разработанной Институтом грамотности Кубы. Одновременно при содействии Кубы были предприняты практические меры, нацеленные на налаживание системы здравоохранения. В страну приехали 230 кубинских врачей, около 700 восточнотиморцев были направлены на обучение на Кубу, другие 100 человек под руководством кубинцев приступили к изучению медицины непосредственно на родине [Урляпов В. Ф., с. 3].

Развитие внутривосточнотиморской ситуации

На политической обстановке в стране негативно сказывалась конфронтация между руководством Фретилин и президентом Гужмау, окруженным ореолом национального героя, «Нельсоном Манделой» Восточного Тимора. На президентских выборах 2002 г. Алкатири призвал сторонников Фронта голосовать против кандидатуры Гужмау.

Как мы уже отмечали, противоречия возникли еще в середине 80-х годов при определении стратегии и тактики освободительной борьбы. Назначенный командующим Фалинтил, Гужмау обрушился с резкой критикой на руководство Фронта, обвинил его в грубых и непростительных ошибках. По его словам, ЦК Фретилин страдал «политическим инфантилизмом» и исповедовал «доктринерский марксизм».

Разногласия стали необратимыми в 1993 г., когда Гужмау, сидевший в индонезийской тюрьме, и Рамуш-Орта, министр иностранных дел эмигрантского правительства, выдвинули единый план урегулирования восточнотиморской проблемы. Он предусматривал автономию территории в составе Индонезии сроком на 10 лет с возможностью пролонгации до проведения референдума по поводу определения окончательного статуса Восточного Тимора.

Эмигрантское руководство Фретилин в изгнании отвергло предложенный план как противоречащий партийному лозунгу «независимость любой ценой» (на языке тетум : «*mate ka moris, ukun rasik a'an*»). Лидеры Фронта опасались, что в случае введения автономии индонезийские военные власти смогут подкупить часть движения сопротивления и тем самым цель независимости будет похоронена. Алкатири и да Сильва заявили, что в случае принятия «плана Гужмау — Рамуша-Орты» Восточный Тимор никогда не добьется суверенитета [East Timor, 2007, p. 8].

С момента обретения независимости обострились отношения между правительством Фретилин и верхушкой католической церкви. Местные иерархи выражали крайнее недовольство официальной политикой ограничения влияния церкви в социально-культурном отношении, в частности, в области системы образования. По некоторым данным, в начале 2005 г. и в дальнейшем ряд лиц, близких к церковным кругам, в том числе иностранные граждане, предлагали командующему Фалинтил — ФДТЛ бригадному генералу Тауру Матану Руаку совершить государственный переворот, но не нашли понимания [East Timor., 2007, p. 8].

Ясное размежевание наблюдалось в рядах вооруженных сил, сформированных преимущественно из бывших партизан. Одна часть во главе с командующим оставалась на позициях лояльности Гужмау. Другая поддерживала Гутерреша, известного по кличке Ола Олу. В ноябре 2005 г. в Дили был организован национальный диалог, призванный найти ответ на ключевые проблемы бывших партизан. Кроме 600 человек, принятых в состав Фалинтил — ФДТЛ, остальные 1200 считали, что власти недостаточно оценили их вклад в борьбу за независимость. Правительство пообещало принять программы социальной адаптации ветеранов, однако явно не спешило с ее реализацией.

В армейских рядах также шло размежевание и по линии этнической принадлежности состава «Фираку»: уроженцы восточных районов считали, что именно они несли основное бремя борьбы за независимость и понесли наибольшие жертвы, в то время как многие рекруты из западных районов — «калады» скомпрометировали себя коллаборационизмом с индонезийскими оккупационными силами. Выходцы из западных регионов выражали недовольство тем, что под предлогом их происхождения и бывшего послужного списка они подвергаются дискриминации при продвижении по службе и получении социальных льгот.

Помимо этого, напряженные отношения сложились между силами обороны (армией) и национальной полицией, состоявшей

в основном из бывших чиновников индонезийской администрации. К тому же за недолгие годы независимости за полицией уже прочно закрепилась репутация самого продажного силового ведомства.

К общему нарастанию внутренней оппозиции был причастен внешний фактор. Резкое недовольство курсом премьер-министра Алкатири высказывала Австралия. Консервативный кабинет Канберры не скрывал своего негативного отношения к действующему премьеру, к его неуступчивой позиции на переговорах по нефтегазовым проблемам, к стремлению Дили расширить круг иностранных партнеров по разработке углеводородного сырья, прежде всего за счет привлечения Китая. Лишь в январе 2006 г. с большим трудом удалось достигнуть компромиссного соглашения по газоносному месторождению «Greater Sunrise». Однако вопрос о лимитации морской границы между двумя странами по-прежнему остался открытым. Австралийцам удалось навязать пункт соглашения, по которому стороны отказывались от посредничества международных юридических институтов для урегулирования спорных вопросов.

В результате восточнотиморский премьер и его кабинет оказались в фокусе недовольства и внутренней оппозиции, и мощного государства — соседа по региону. При этом позиция президента Гужмау, властные полномочия которого ограничивались конституцией, но который обладал огромным авторитетом среди населения, приобретала растущую антиправительственную направленность. Идеологические разногласия постепенно угасали, но зародившийся ранее антагонизм между Гужмау и Алкатири так и не был преодолен.

Острейшим оставалось социально-экономическое положение. Нерешенным и потенциально взрывоопасным был вопрос о собственности на землю и другую недвижимость. При португальцах земельные сертификаты получали в основном лишь те, кто сотрудничал с колониальной администрацией. Так подрывалась власть традиционных правителей. В годы оккупации был введен новый земельный кодекс, регулировавший как право землевладения, так и право землепользования. Однако и в том и в другом случае, как правило, большинство местных землевладельцев не получили официальных документов. К 1999 г. ими владели лишь 15 тыс. собственников. Многие архивы сгорели во время пожаров в Дили, часть была вывезена индонезийцами. Нередко, когда беженцы, укрывавшиеся в горах, возвращались в столицу, они занимали дома, бро-

шенные индонезийскими чиновниками. Значительная часть недвижимой собственности коренных жителей, бежавших на Западный Тимор, оказалась в руках мигрантов из других районов восточной части острова.

Столицу захлестнула волна безработной молодежи из сельской местности. Городское население, которое не превышало ранее 100 тысяч, включая индонезийцев, выросло до 170 тысяч к началу 2000 г. Сотни молодых людей пополняли ряды оставшихся не у дел подпольных ячеек, составлявших базу партизанской войны в городах. В Дили и Баукау, втором по величине городе, они переродились в гангстерские банды, выступавшие под вывеской школ традиционных единоборств, но занимавшиеся вымогательством и рэкетом, терроризируя прежде всего местных предпринимателей — этнических китайцев. Население нарекло расплодившиеся криминальные банды «второй милицией», имея в виду прошлые бесчинства проиндонезийских полувоенных формирований [Cristalis I., 2009, p. 279].

Образование Демократической Республики Тимор-Лешти не означало, что миссия ООН на острове полностью завершена. Решением Совета Безопасности вместо ВА ООН ВТ в мае 2002 г. была утверждена миссия ООН по поддержке Восточного Тимора (М ООН ПВТ), сначала на 12-месячный срок. На нее были возложены задачи содействия в обеспечении экономической стабильности, формировании демократических институтов власти, охране внутреннего правопорядка и законности, обеспечении внешней безопасности и пограничного контроля. Для выполнения перечисленных задач Миссия получила в свое распоряжение значительный персонал: 100 гражданских сотрудников, 1250 полицейских, около 5 тыс. военнослужащих и 120 наблюдателей из различных стран. Как и прежде, костяк военного контингента Миссии составили военнослужащие Австралии, Португалии, Новой Зеландии и Республики Корея. Россия была представлена двумя военными наблюдателями [Доклад Генерального секретаря..., 06.12.2002, с. 14].

Политический кризис 2006 года

Политический кризис перешел в свою открытую стадию, когда часть военнослужащих Фалинтил — ФДТЛ и национальной полиции выступили против правительства. В начале февраля 2006 г. солдаты и полицейские числом около 590 человек, в основном «калады»,

объявили забастовку и покинули казармы в знак протеста против игнорирования правительством их требований о восстановлении справедливости. Во главе протестующих встал лейтенант военной полиции Гаштау Сансилья. Взбунтовавшиеся уроженцы западных районов направили петицию президенту с требованием прекратить якобы имевшуюся по отношению к ним дискриминацию, прежде всего по части карьерного роста и социального обеспечения. Пообещав разобрататься с жалобами, президент дал указание подателям петиции вернуться в казармы.

После консультаций между премьер-министром, министром обороны и командующим Фалинтил — ФДТЛ, забастовщикам был отдан приказ вернуться по месту службы. Когда же они отказались, то были уволены за дезертирство. Увольнению подверглось около 600 человек (из общей численности вооруженных сил в 1400 военнослужащих). Решение властей, поддержанное военными советниками ООН, лишь подлило масла в огонь. С точки зрения закона, правительство действовало вполне обоснованно. Однако с политической стороны, оно недооценило остроту общей политической ситуации.

В конце апреля уволенные военнослужащие, поддержанные безработной молодежью и членами многочисленных криминальных банд, вышли на марш протеста. Сначала шествие имело мирный характер, но затем оно переросло в бесчинства, начавшиеся с разгрома рынка, на котором в основном торговали «фираку». Демонстрации и акты насилия продолжались в следующие дни. 28 апреля были введены в действие лояльные правительству армейские силы, местами открывшие огонь по толпе. Было убито пять человек. В столице начались повальные погромы и поджоги, гражданское население, в основном выходцы из восточных районов, массово покидали город.

Всего в ходе событий погибло 30 человек, около 70 тыс. жителей Дили бежали из города. Большая часть их нашла убежище на относительно безопасной территории церквей и духовных семинарий в окрестностях столицы.

Премьер-министр Алкатири назвал начавшиеся выступления попыткой государственного переворота, направленного на блокирование деятельности демократических институтов власти. Заявление последовало вскоре после того как демонстранты, возглавляемые мятежными военнослужащими, обратились к президенту Гужмау с требованием в 48 часов отправить в отставку премьера и распустить Фалинтил — ФДТЛ. Тем временем к антиправительственным

силам присоединилось подразделение военной полиции под началом майора Алфреду Рейнаду, вскоре укrywшееся в горном массиве к юго-западу от столицы.

Следует отметить, что миротворческие силы ООН покинули остров еще в мае 2005 г., а оставшийся ограниченный полицейский контингент представительства ООН планировалось вывести в мае 2006 г., однако после событий сроки отъезда были продлены до середины года.

Между тем волна насилия продолжала нарастать. 24 мая власти страны официально обратились за помощью к правительствам Австралии, Новой Зеландии, Португалии и Малайзии. Уже на следующий день первый эшелон австралийских войск высадился в аэропорту Дили. Одновременно часть мятежников спустилась с окрестных гор и вступило в столкновение с лояльными властям подразделениями Фалинтил — ФДТЛ.

В течение трех дней австралийский контингент был увеличен до одной тысячи солдат и офицеров, а к концу месяца в Дили прибыло 120 военнослужащих португальской национальной республиканской гвардии.

Несмотря на присутствие миротворцев ООН, политическая ситуация на Восточном Тиморе приобретала все более драматический оборот. В конце мая президент Гужмау ввел в стране чрезвычайное положение. Как главнокомандующий вооруженными силами, он взял на себя единоличный контроль над армией и национальной полицией, а также координацию действий с международными силами. Были отправлены в отставку министр внутренних дел Рожериу Лобату и министр обороны Роки Родригеш. Место последнего занял Рамуш-Орта.

Невзирая на введение чрезвычайного положения, в столице продолжались массовые манифестации, главным образом, с требованиями отставки Алкатири. Причем акции проходили при явном попустительстве австралийских военнослужащих. Премьера обвиняли в том, что в сговоре с Рожериу Лобату он якобы незаконно вооружал своих сторонников из партии Фретилин и опирался на уголовные элементы.

В начале июня мятежный майор Рейнаду в интервью австралийской радиотелевизионной компании ABC назвал Алкатири «преступником, отдавшим приказ открыть огонь по безоружным демонстрантам». Глава правительства, по его словам, создал множество проблем для страны и поэтому должен уйти. Майор также заявил, что не сложит оружия, пока премьер не покинет занимаемый пост [The Age, 02.06.2006].

В конце июня против премьера открыто выступил президент Гужмау. Он выдвинул ультиматум, что подаст в отставку, если Алкатири не покинет свой пост. Однако премьер, в свою очередь, заявил, что откажется от мандата главы кабинета лишь при условии, если это будет санкционировано правящей партией. Руководство Фретилин подтвердило премьерские полномочия своего генерального секретаря. В качестве ответного действия в отставку подал Рамуш-Орта: по его мнению, действующее правительство потеряло способность эффективно функционировать. Под мощным давлением 26 июня Алкатири сложил с себя полномочия, а новым премьер-министром был назначен Рамуш-Орта, занявший по совместительству пост министра обороны. Удовлетворение по поводу отстранения премьера незамедлительно выразил глава австралийского кабинета Говард, подчеркнувший, что это — лишь «часть процесса выхода из возникшего сложного положения» [Урляпов В. Ф., с. 265].

После реорганизации кабинета Фретилин сумел на первых порах частично сохранить контроль над правительством. Рамуш-Орта стал лишь формальным премьер-министром. На короткий период кабинет фактически возглавил Этанислау да Силва, первый заместитель премьера, один из ведущих лидеров Фретилин и последовательный сторонник Алкатири. Но одновременно новым министром иностранных дел был назначен Жозе Луиш Гутерреш, глава реформаторской фракции «Муданса» в партии Фретилин.

По данным, ставшим позднее гласными благодаря «WikiLeaks», у Гужмау был план свержения правительства Алкатири. «Большой брат» детально обсуждал и согласовывал его с командующим австралийского контингента в Тиморе-Лешти бригадным генералом Миком Слейдером и другими старшими офицерами, давшими свое согласие. По указанным недавно обнародованным источникам, активную антиправительственную деятельность вели также настоятели двух католических епархий — епископы Нашименту и да Силва. Их вовлеченность в политическую борьбу была настолько несовместимой с пасторской миссией, что вызвала озабоченность Ватикана [Dorling, Philip, 22.09.2011].

По многим объективным признакам, в середине 2006 г. фактом политического развития ДРТЛ стал антиконституционный переворот. Вместе с тем цель, поставленная тандемом Гужмау — Рамуш-Орта, опиравшимся на полную поддержку Канберры, была достигнута лишь отчасти. Все указывало на то, что решающая схватка за власть еще впереди.

Тем временем в конце августа было сформировано новое представительство ООН — Интегрированная миссия ООН на Тиморе-Лешти (ИМ ООН ВТ). В ее состав вошли 1600 международных полицейских и 34 офицера связи. Мандатом миссии предусматривалось восстановление безопасности, оказание помощи в реорганизации местных силовых структур, обеспечение проведения свободных выборов, намеченных на следующий год. Несмотря на пожелание правительства Дили, чтобы действия миссии целиком проводились под эгидой ООН, австралийское командование отказалось переподчинить своих военнослужащих под контроль «голубых касок».

ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСЛЕ АНТИКОНСТИТУЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА

В условиях, сложившихся после антиконституционного переворота, Тимор-Лешти в 2007 г. вступил в очередной электоральный цикл. Он стартовал в первых числах апреля с выборов главы государства. Охрану избирательных участков обеспечивало свыше четырех тысяч местных и международных полицейских при поддержке воинских контингентов Австралии и Новой Зеландии.

На высший пост в государстве баллотировалось восемь кандидатов. Однако признанными фаворитами предвыборной гонки выступали два политических деятеля — заступавший на пост премьер-министра Рамуш-Орта, выступавший как независимый кандидат, но пользовавшийся поддержкой Гужмау и Канберры, а также спикер парламента Лу Оло Гутерреш, председатель Фретилин. В местном электорате первый претендент пользовался популярностью в Дили, второй — в сельской местности, особенно на востоке острова. Во втором туре победил Рамуш-Орта, собравший около 70% голосов, Гутерреш довольствовался 30%.

Кампания выборов сопровождалась жесткой полемикой между ведущими кандидатами. Рамуш-Орта обвинил Фретилин в том, что Фронт ведет против него «коммунистическую агитацию», допустил резкие выпады против Мозамбика, направившего советников в помощь избирательному штабу Гутерреша. Со своей стороны, лидер Фретилин отверг утверждения, что Фронт — партия коммунистического толка, напомнив, что в свое время режим Сухарто в Индонезии уже использовал этот ярлык для оправдания своей интервенции на Тимор. Он также обвинил соперника в «черной неблагодарности» по отношению к Мозамбику, напомнив, что в свое

время эта страна предоставила Рамушу-Орте и другим восточнотиморцам убежище, оказала помощь в организации борьбы за независимость. В частности, получение мозамбикского паспорта позволило ему развернуть активную дипломатическую деятельность на международной арене. Что касается консультантов из этой африканской страны, то они прибыли по приглашению Фретилин для подготовки партийных наблюдателей на выборах [Урляпов В. Ф., 2008, с. 266].

В конце июня были проведены вторые после 2001 г. всеобщие выборы, в которых приняли участие 14 политических партий. Половина из них преодолели 3%-ный барьер и провели своих депутатов в 65-местный парламент. Фретилин завоевал 29% голосов и 21 место. На втором месте оказался Национальный конгресс за реконструкцию Тимора (НКРТ) — объединение, созданное Гужмау с конкретным прицелом на выборы. Это название было выбрано неслучайно. Его аббревиатура на португальском языке в точности повторяла сокращенное название бывшего Национального совета тиморского сопротивления, пользовавшегося авторитетом среди местного электората. Говоря проще, не слишком грамотные сельские избиратели не сумели толком разобраться, кто стоит за знакомой аббревиатурой.

Президент сознательно затянул на полтора месяца проведение выборов, дабы дать новорожденному конгрессу время организационно оформиться. НКРТ получил около 24% голосов и 11 парламентских мест. За коалицию Тиморская социал-демократическая ассоциация (ТСДА) и Социал-демократическая партия (СДП), опирающиеся на западные районы, отдали голоса 16% избирателей, за Демократическую партию (ДП) — около 11%. Социал-демократы и демократы сумели привлечь на свою сторону полукриминальные группы типа «Sagrada Familia», «Five-Five», «Seven-Seven» и др. Опирающаяся на поддержку местной католической церкви Партия национального единства (ПНЕ) завоевала 5%.

Несмотря на сохранявшиеся ведущие позиции на политической арене, Фретилин в немалой степени утратил поддержку избирателей. На выборах 2001 г. ему удалось завоевать всего 57% голосов. Причины неудачи Фронта заключались, очевидно, как в разочаровании избирателей первыми итогами деятельности правительства Алкатири, так и в оказанном на электорат массированном пропагандистском прессинге, проведенном с помощью Канберры.

С другой стороны, тот факт, что вместе Фретилин и НКТР получили на выборах немногим более половины всех голосов, по существу означал, что реальными победителями выступили партии

второго порядка. За них проголосовала наиболее активная часть городского электората, потерявшая доверие к партиям-«тяжеловесам», которые пользовались административным ресурсом. По мнению многих избирателей, единственное существенное различие между Фретилин и НКТК состояло в методах «распила» Нефтяного фонда.

В итоге произошла рокировка высших должностных лиц государства: Гужмау и Рамуш-Орта поменялись местами. В парламенте возник «альянс парламентского большинства»: НКРТ — ТСДА — СД — ДП. В сформированном кабинете, получившем официальное название «IV конституционное правительство», премьер-министр Гужмау закрепил за собой также пост министра обороны и безопасности. Портфель вице-преьера получил лидер «Муданса» Жозе Луиш Гутерреш. Оставаясь в рядах Фретилин, на выборах он и его сторонники поддержали НКРТ, превратившись фактически в «тройного коня» Гужмау. Важные посты заняли представители Социал-демократической партии. Ее председатель Закариаш Албану да Силва возглавил министерство иностранных дел, глава парламентской фракции социал-демократов Жоау Гонсалвеш стал министром экономики и развития. Депутат партии в парламенте Люсия Лобату возглавила министерство юстиции. Важные должности заняли Пиреши, представители старинного семейного клана чиновников, в 1975 г. в полном составе эмигрировавшие в Австралию и установившие в годы эмиграции тесные контакты с властями штата Виктория. Бывшая видная активистка НКРТ Эмилия Пиреш получила приглашение занять важнейший пост министра финансов, а ее брат Алфреду стал государственным секретарем природных ресурсов, облеченным полномочиями вести переговоры по нефтегазовым вопросам.

Вместе с тем «неравный брак» партии Гужмау с мелкими партиями сразу же поставил под сомнение устойчивость сформированного правительства и его способность дать оптимальный ответ на многочисленные проблемы, стоящие перед страной. Еще до выборов на Восточном Тиморе возникли сомнения, насколько компетентным окажется Гужмау в новом качестве. В марте 2007 г. португальские СМИ процитировали его признание, что роль президента оказалась более трудной, чем руководителя движения сопротивления. В восточнотиморских условиях деятельность на посту премьера и парламентария представлялась гораздо более сложной [New Party Huge Gamble, 17.03.2007].

Руководство Фретилин объявило формирование правительства «альянса парламентского большинства» (АПБ) неконституционным актом, заявив о намерении бороться против него судебными мера-

ми, одновременно заявив о готовности прибегнуть к проведению кампании гражданского неповиновения. Однако спустя несколько дней лидеры Фронта заявили, что не станут добиваться в суде признания нелегитимности нового кабинета, а будут стремиться к решению проблемы политическими средствами и добиваться формирования правительства национального единства.

Тем временем Гужмау обнародовал широкообещающую программу своего правительства как нацеленную на стимулирование экономического роста и борьбу с бедностью. Для этого предполагалось широко привлечь средства, накопленные в Нефтяном фонде. Однако не уточнялось, в какие отрасли пойдут эти средства и насколько прозрачным предполагается контроль над их инвестированием.

«Двойное покушение»

Новый оборот политический кризис получил в начале 2008 г. В ответ на требование безоговорочно сдаться властям Алфреду Рейнаду, укрывавшийся по-прежнему в горах, распространил видеозапись своего разоблачительного заявления. В нем он обвинил Гужмау в том, что в начале 2006 г. тот подстрекал военнослужащих к выступлению, приведшему в конечном счете к отставке легитимного премьера.

Действительно, в марте 2006 г. Гужмау выступил по местному телевидению с явно подстрекательской речью, обвинив правительство Фретилин в коррупции и диктаторских замашках, в фаворитизме по отношению к выходцам из восточных районов. Его выступление, по сути дела, стало сигналом к взрыву возмущения в стране и послужило предлогом для ввода австралийских войск. Новый премьер фактически проигнорировал предъявленные обвинения, в то время как ушедший в оппозицию Алкатаги потребовал в парламенте подробных разъяснений, утверждая, что никогда не сомневался, что Гужмау стоял за кулисами или в первых рядах организаторов кризиса.

Дальнейшие события развивались еще более драматично. По официальной версии, на рассвете 11 февраля 2008 г. группа военнослужащих, возглавляемая Рейнаду, проникла в резиденцию Рамуша-Орты с целью его убийства или похищения. Смена караула, прибывшая в резиденцию, обнаружила там подозрительных вооруженных лиц и открыла огонь. В завязавшейся перестрелке Рейнаду и один из его сообщников были убиты. Услышав выстрелы, прези-

дент поспешил к резиденции, вблизи которой был обстрелян и получил два ранения. Нападавшие мятежники поспешно скрылись. Узнав о случившемся, премьер-министр Гужмау немедленно поспешил к месту событий в сопровождении вооруженного эскорта. По пути следования кортеж автомобилей подвергся обстрелу другой группой мятежников, возглавляемой Салсинья. Однако премьер не пострадал. Той же ночью раненый Рамуш-Орта был отправлен самолетом в госпиталь в Дарвин.

По неофициальной версии, Рейнаду продолжительное время гостил в резиденции президента для ведения переговоров. Услышав стрельбу, он выбежал из дома главы государства и был убит выстрелами в упор солдатами правительственных сил. Они же ранили и самого президента. Что касается покушения на Гужмау, то оно было от начала до конца инсценировкой [Урляпов В. Ф., 2008, с. 269].

Дополнительный свет на инцидент с «двойным покушением» пролил тот факт, что за неделю до этих событий Рамуш-Орта провел совещание с лидерами ведущих политических партий, представленных в парламенте. Он в принципе одобрил предложение Фретилин о проведении внеочередных всеобщих выборов в 2009 г. Очевидно, подобная перспектива не входила в планы действующего премьера.

Наряду с этим, в середине января глава государства договорился с Рейнаду, что тот будет помещен под домашний арест после добровольной сдачи в руки властей, а затем сразу же амнистирован президентом. Иными словами, заклятый противник премьер-министра получил бы возможность открыто обвинять Гужмау в подстрекательстве выступлений начала 2006 г. и фактически в состоявшемся антиконституционном перевороте.

Так или иначе, официальная трактовка «двойного покушения» дала основание властям ввести режим «усиленного чрезвычайного положения». Были арестованы свыше двухсот человек, включая парламентариев и журналистов.

Формирование кабинета «альянса парламентского большинства» во главе с Гужмау, получившего официальное название «IV конституционного правительства», не разрядило политической напряженности. Сразу же, не успев начаться, стало пробуксовывать официальное расследование «двойного покушения». В Дили продолжали циркулировать слухи, что Гужмау специально подставил майора Рейнаду под пули, опасаясь дальнейших разоблачений своей роли в инспирированном кризисе 2006 г.

В то же время, как отмечали некоторые австралийские периодические издания, ореол Гужмау как национального героя начал замет-

но тускнеть. Это было особенно заметно среди восточнотиморской молодежи. В этой среде появились суждения о проиндонезийских симпатиях действующего премьера, а также о коррумпированности и некомпетентности его правительства. Кроме того, ходили слухи, что в свое время Гужмау, будучи командующим Фалинтил, сотрудничал с индонезийской армией с целью нейтрализации более радикально настроенных руководителей партизанского движения [The Australian, 17.05.2008].

Следствием продолжавшейся политической нестабильности стал выход в мае 2008 г. из состава правительства Тиморской социал-демократической ассоциации (ТСДА), договорившейся с Фретилин о возможности формирования нового кабинета. В свою очередь, Фретилин призвал президента Рамуша-Орту провести досрочные выборы, либо поручить оппозиции сформировать новый кабинет министров. В конце мая руководство Фронта предложило свою программу выхода из кризиса, призвав, в сущности, создать правительство национального единства: выдвинуть кандидатуру будущего премьер-министра путем консенсуса парламентских партий, а министерские портфели распределить пропорционально числу партийных мест в национальной легислатуре.

Уйдя в оппозицию, руководство Фронта установило постоянный мониторинг обнародованных планов «правительства де-факто», как оно окрестило IV конституционный кабинет, направленных на коренную ревизию прежнего курса финансово-экономической политики. Фронт в штыки воспринял обнародованные в начале 2008 г. намерения нового премьера пересмотреть закон о деятельности Нефтяного фонда, активы которого к сентябрю 2007 г. достигли 1,8 млрд долл.

Фретилин осудил также планы правительства Гужмау создать на основе активов его «любимого детища» дополнительный фонд экономической стабилизации. Не возражая против необходимости адекватного ответа на резкое вздорожание импортируемого продовольствия и нефтепродуктов, Фронт выступил с обвинениями правительства в том, что дополнительные средства сверх установленной планки рефинансирования пойдут не на решение проблемы, а в партийную кассу НКРТ и карманы бизнесменов, связанных с новой правящей верхушкой. Лидеры Фретилин, последовательно выступая за поощрение мелкого сельскохозяйственного производителя и кооперации в аграрном секторе, раскритиковали планы продажи формально пустующих земель иностранным компаниям для налаживания производства биотоплива. Это, по словам оппонентов

правительства, помешает решению насущной проблемы — увеличению объема производства продовольственных культур в интересах удовлетворения насущных потребностей населения [Fretilin..., 23.05.2008].

Что касается попыток правительства АПБ реформировать силовые структуры, — а острейшая потребность в этом возникла после событий 2006 г., — то они были явно непродуманными. Правительство стремилось взять под контроль процесс реорганизации, но во властных структурах не были изжиты внутренние противоречия, и «перестройке» то и дело мешали амбиции отдельных «сильных личностей» и их взаимный антагонизм. Так и не началась чистка армейских рядов от ключевых фигур, ответственных за возникновение кризиса 2006 г. Генерал Таур Матан Руак, командующий Фалинтил — ФДТЛ, сохранил свой пост и даже приобрел большую популярность. Экс-министра обороны Роки Родригеша президент Рамуш-Орта назначил своим советником по реформированию силовых структур.

На Фалинтил — ФДТЛ не распространялась программа помощи ООН. Эта головная международная организация опасалась оказаться в лабиринте местных политических проблем и личностных отношений. ИМ ООН ТЛ всячески подчеркивала, что в ее функции входило лишь содействие, а не практическая реорганизация силовых структур Тимора-Лешти.

В фокусе перестройки оказались не вооруженные силы, а национальная полиция. Хотя Миссия ООН планировала передать свои полномочия местной полиции поэтапно, правительство настаивало на том, чтобы ускорить процесс. Выступая в парламенте в середине марта 2009 г., Рамуш-Орта заявил, что вскоре намерен учредить полномочный орган координации приоритетных мер обеспечения национальной безопасности, включая реформу силовых структур. Однако он ни словом не упомянул о решении Совета Безопасности ООН, определившем будущую роль и место армии и полиции в жизни Тимора-Лешти. Программа перестройки силовых структур готовилась келейно, с самого начала противоречила проекту свода законов о национальной безопасности, который предусматривал интеграцию, а не разделение силовых структур.

Фактически забуксовала реализация программы профессиональной подготовки полиции. С одной стороны, к ее осуществлению были привлечены представители около 40 стран, приехавших со своими различными концепциями и методами обучения. С другой — то что правительство не выражало ясного намерения наказать полицейских чинов, замешанных в серьезных преступлениях, совер-

шенных в 2006 г., мешало ИМ ООН ТЛ проводить в жизнь решение о деполитизации полицейской службы. К сентябрю 2009 г. Миссия ООН завершила переаттестацию 3200 сотрудников полиции, из которых 250 чинам были предъявлены обвинения в уголовных преступлениях, дисциплинарных и иных правонарушениях [United Nations. Report of the Secretary General..., 2 October 2009, p. 19].

По-прежнему внутреннюю жизнь лихорадило из-за соперничества между Фалинтил — ФДТЛ и Национальной полицией. Создание после событий февраля 2008 г. объединенного командования с подчинением полиции армейскому руководству принесло некоторые плоды. Однако одновременно участились нарушения прав человека. Политическое руководство страны рассчитывало, что проведение совместных операций поможет вооруженным силам и полиции преодолеть разногласия, позволит восстановить уважение общества к этим структурам. Тем не менее, это произвело противоположный эффект, лишь усилив взаимный антагонизм. Фалинтил — ФДТЛ, например, отказались передать полиции четырех солдат, приговоренных судом к тюремному заключению в связи с событиями мая 2006 г.

Не ушла в прошлое конфронтация между «фираку» и «калади». Вооруженные силы стали даже в большей степени ассоциироваться с восточными районами Баукау, Викеке и Лаутем. Со своей стороны, полиция потребовала, чтобы ее шефом стал уроженец западных районов. В марте 2009 г. на этот пост был назначен генеральный прокурор Тимора-Лешти Лонжиньеш Монтейру, родившийся на западе страны. Его назначение вызвало критику оппозиционного Фретилин и ряда общественных организаций, полагавших, что этот шаг был политически мотивированным и создавал дополнительные трудности в деле контроля над полицией.

В дополнение к перечисленным проблемам, тревогу вызывала растущая вовлеченность сил Миссии во внутренние перипетии сложной политической жизни Тимора-Лешти. В частности, в середине 2009 г. произошли стычки между жандармами португальской национальной гвардии и восточнотиморскими солдатами. Инцидент вызвал всплеск националистических чувств в политической и военной верхушке молодого государства, ощущавшей ущемление своей полноценности в условиях иностранного военного присутствия, даже под флагом ООН. Комментируя этот и последующие инциденты, генерал Таур Матан Руак заявил в августе 2009 г.: «Тимор-Лешти — это суверенное государство и не управляется Португалией. Поэтому португальским гвардейцам следу-

ет уважать существующие в стране законы». В другом заявлении он потребовал, чтобы иностранные войска скорее покинули Тимор-Лешти [Sahin S., p. 350].

Ввиду слабости национальной полиции росли амбиции командования вооруженных сил, видевшего себя центральной фигурой в деле обеспечения национальной безопасности. Это отразилось в проекте пакета законов. Кроме того, хотя за основу была взята концепция интегрированной системы силовых структур и управления кризисными ситуациями, — так и не были определены реальные и потенциальные угрозы безопасности граждан, общества и государства. В проекте так и не было четко прописано, кто же будет стоять во главе национального командования в случае возникновения реальной угрозы.

Что касается социально-экономической сферы, то здесь отмечался некоторый прогресс, связанный с преодолением последствий кризиса 2006 г. Достижения выразились в восстановлении общественного порядка, закрытии лагерей внутренних беженцев, выплате единовременных пособий домовладениям, пострадавшим в 2006 г., повышении пенсий ветеранам. В целом на внутреннем рынке не ощущалось нехватки таких основных товаров, как жидкое топливо и рис по субсидированным ценам. Укрепление правопорядка отразилось в результатах опроса общественного мнения, проведенного в конце 2008 г. Около 90% опрошенных заявили, что чувствуют себя в большей безопасности, чем в 2006 г.

Согласно данным Программы развития ООН, в целом к концу 2008 г. отмечался прирост ВВП в размере 12,8%, что дало основание правительству АПБ констатировать оздоровление экономики. Однако хозяйственный подъем обеспечивался в основном за счет нефтедолларов, формировавших львиную долю государственного бюджета. Так, например, в 2008 г. из 2,6 млрд долл. доходной части бюджета — 2,5 млрд поступило из Нефтяного фонда, в 2009 г. — соответственно 1,35 млрд и 1,25 млрд. К концу 2010 г. активы Фонда достигли 6,7 млрд долл. США [Timor-Leste. Human Development Report, p. 18].

По индексу «развития человеческого потенциала» ООН — ИРЧП (Human Development Index — HDI), интегральному показателю уровня жизни и сравнения между странами, составлявшему в 2010 г. 0,502, Тимор-Лешти из 169 стран занимал 120-е место, опережая Лаос, Камбоджу и Мьянму. Ему удалось выйти в число государств со средним уровнем жизни (от 0.500 до 0.799). Однако ИРЧП указывал скорее на потенциальные ресурсы государства, чем на реальный

уровень жизни его населения. С введением коэффициента распределения доходов среди разных категорий жителей (inequality-adjusted HDI), ИРЧП Тимора-Лешти опускался до отметки 0,334, т. е. он вновь оказывался в разряде стран с самыми низкими доходами, а именно, непосредственно вслед за государствами Индокитая [Timor-Leste. Human Development Report, p. 30–31].

За чертой абсолютной бедности (0,88 долл. США на человека в день) оставалось свыше 40% восточнотиморцев. Ежегодно на рынок труда выходили около 15 тыс. человек, число же новых рабочих мест не превышало 400. В частном секторе было занято около 8% населения. По показателю привлекательности для зарубежного бизнеса Тимор-Лешти занимал последнее место в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Экономический рост затронул лишь Дили и некоторые другие административные центры. В провинциальной глубинке не отмечалось заметного повышения благосостояния массы населения. Треть сельских жителей по-прежнему занимались натуральным хозяйством, систематически испытывая дефицит продуктов питания. Правительство АПБ фактически провалило свою программу приоритетного развития аграрного сектора, по-прежнему ориентируясь на сохранение в периферийных местностях традиционных структур власти в лице *chefe de sucos* и *chefe de aldeas*, т. е. сельских и околоточных старост.

В апреле — мае 2009 г. Дили взбудоражил политический скандал вокруг совместной деятельности министерства финансов и Всемирного банка, проводивших в жизнь программу создания основ управления государственными финансами. Внимание оппозиции и независимых СМИ привлекла непропорциональная численность иностранных консультантов, приглашенных в ведомство Эмили Пиреш — свыше 80 человек, а также «заоблачные» ставки оплаты их услуг. Труд гражданина США Фрэнсиса Сукарди, старшего советника министра финансов, в частности, оценивался в 425 тыс. долл. в год, австралийского юридического консультанта Родни Льюиса — в 342 тыс., другого австралийца Грехэма Даниеля — в 297 тыс. Инес Алмейда, имевшая двойное гражданство Тимора-Лешти и Австралии и возглавлявшая отдел связей с общественностью министерства, ежегодно зарабатывала около 220 тыс. долл. Для сравнения: министр Пиреш получала ежемесячную зарплату в 700 долл., заработная плата премьер-министра Гужмау составляла 100 тыс. плюс 500 долларов на представительские цели. Ознакомившись с этими цифрами, бывший австралийский министр иностранных дел Дау-

нер назвал гонорары за консультативные услуги Всемирного банка «непристойными».

Комментируя ставшие достоянием гласности данные, министр Пиреш заявила, что унаследовала от правительства Фретилин совершенно недееспособное министерство, которое она сумела поставить на ноги с помощью зарубежных высококвалифицированных специалистов, прежде работавших в Ираке и Афганистане. По ее словам, немалых трудов стоило привлечь их в Тимор-Лешти. Что касается стоимости услуг, то она подчеркнула, что этот вопрос решался самим Всемирным банком.

Резонанс от обнародованных данных оказался столь сильным, что в скандал оказался втянутым Гужмау, пытавшийся на первых порах защищать члена своего кабинета и сложившуюся практику привлечения консультативных услуг. Однако по мере того как стало известно, что под контрактами стояла подпись Пиреш, а Инес Алмейда и некоторые другие высокооплачиваемые сотрудники министерства — восточнотиморцы оказались ее протеже, премьер-министру пришлось распорядиться о разрыве контрактов с Всемирным банком [The Australian, 24.04.2009].

В мае 2010 г. Эмилия Пиреш вновь оказалась в центре общественного внимания. Выступая в парламенте, представитель фракции Фретилин Жозе Тейшейра обвинил Пиреш в предательстве идей национализма, неверии в возможность самостоятельного развития страны и готовности пойти на установление неокOLONиального протектората Австралии. Он привел выдержки из электронной переписки министра, в которой, среди прочего, говорилось о ее серьезных сомнениях относительно благополучного будущего Тимора-Лешти, о готовности поддержать тесную интеграцию с южным соседом, поскольку якобы «австралийцы лучше знают, как управлять страной, накормить население, построить дороги, научить читать и писать». Ради этой цели она выражала «готовность не называть себя восточнотиморкой». Тейшейра привел также факты, свидетельствовавшие о симпатиях Пиреш к мятежному майору Рейналду, организовавшему покушение на Рамуша-Орту, и потребовал провести расследование всех перечисленных фактов. И на этот раз запрос представителя оппозиции был спущен на тормозах парламентским большинством [Emilia Pires...].

В сентябре того же года политическую элиту Дили вновь потряс скандал: в отставку подал вице-премьер Мариу Каррашкалау. В заявлении, опубликованном в печати, он выдвинул длинный перечень обвинений в адрес Гужмау и его главного доверенного лица Агиу

Перейры, занимавшего пост государственного секретаря при совете министров. Прошедший «огонь, воду и медные трубы» политической борьбы, он заявил, подтвердив свои слова вескими аргументами, что под натиском политики неокOLONиализма, за которой безошибочно угадывалась Канберра, правительство избрало капитулянтский курс. От демарша Каррашкалау нельзя было просто отмахнуться или его проигнорировать: помимо личного авторитета, он приобрел внушительную популярность как борец с коррупцией. Сам Гужмау воздержался от прямого ответа, но поспешил отреагировать Перейра: он опубликовал данные Всемирного банка, якобы свидетельствовавшие о том, что правительство обеспечило «райскую жизнь» наименее обеспеченным слоям населения [East Timor's Ruling Elite..., 10.09.2010].

В самый разгар скандалов в политической элите La'o Namatok, институт мониторинга и анализа развития Тимора-Лешти, опубликовал лапидарное, но весьма красноречивое информационное сообщение, приуроченное к 10-й годовщине референдума о независимости. В нем были приведены статистические данные о крайне низкой эффективности внешней помощи. По его расчетам, за десятилетие с 1999 по 2009 г., стране была оказана финансовая и техническая помощь на 5,207 млн долл., из которых лишь 552 млн, или 10,6%, так или иначе было вложено в национальную экономику. Около 90% было израсходовано на деятельность пяти различных миссий ООН, оплату развертывания и содержания миротворческих контингентов, оказание консультативных, экспертных и иных услуг. Например, суммарные расходы на деятельность миссий ООН превысили 2,3 млрд долл., развертывание миротворческих сил обошлось в 750 млн. Взносы в Трастовый фонд составили 170 млн долл., из которых Дили досталось 34 млн. Правительство ДРТЛ получило лишь половину из 200-миллионной суммы поддержки странами-донорами государственного бюджета страны. И наконец, из 1,7 млрд на финансирование объектов двустороннего и многостороннего сотрудничества лишь 260 млн дошло до назначения. За тот же период страна заработала на углеводородном сырье 5,611 млн долл., плюс 287 млн на рефинансировании активов Нефтяного фонда.

На основе проведенного анализа Институт пришел к неутешительному выводу: стране не приходится полагаться на внешнюю помощь. Вместе с тем страна испытывала хронический дефицит во внешней торговле при одновременном быстром росте правительственных расходов. До поры позволяли держаться на плаву нефтедоллары. Но открытым оставался вопрос, как власти будут действо-

вать после 2023 г., когда истощатся запасы нефти и газа [How Much Money..., September 2009].

Новый электоральный цикл

В середине 2011 г. фактически стартовал новый избирательный цикл. В июле выступая на окружной конференции Фретилин в Дили, Алкатири призвал партийный актив решительно включиться в подготовку к очередному съезду, на котором будут определены стратегические задачи организации на предстоящих парламентских и президентских выборах. Главная задача — завоевать 60% голосов избирателей на всеобщих выборах 2012 г. Генеральный секретарь Фронта отметил, что партийные активисты в своей агитационной работе обязаны исходить из того факта, что современная история национального освобождения Тимора-Лешти была написана Фретилин, а другие партии и организации внесли в нее лишь ограниченный вклад. В то же время Фретилин не должен превращаться в некую касту, он будет открытым для сотрудничества со всеми силами, готовыми конструктивно участвовать в управлении государством [Alkatiri and Lu Olo..., 22.08.2011].

В августе Фретилин провел общенациональную кампанию по выборам председателя и генерального секретаря партии. Впервые они проходили на уровне низовых организаций по всей стране и охватили абсолютное большинство из 150 тысяч списочного состава Фронта. На высшие партийные посты были переизбраны Франшишку Ло Оло Гутерриш и Мари Алкатири.

Внутрипартийное голосование в Фретилин фактически стало первым настоящим смотром партийных рядов после своего рода «разведки боем», которой можно считать состоявшиеся в октябре 2009 г. выборы глав и членов сельских администраций. Тогда кандидаты Фретилин и его союзников получили около 70% голосов по всей стране и 64% в муниципалитете Дили. Победа оказалась настолько убедительной, что Алкатири призвал правительство уйти в отставку и назначить досрочные всеобщие выборы. Опасаясь, что подобные же результаты принесут городские муниципальные выборы, кабинет Гужмау провел через парламент решение отложить их на неопределенный срок.

В начале сентября 2011 г. в отставку ушел командующий Фалинтил — ФДТЛ генерал-майор Таур Матан Руак, заявивший о планах баллотироваться на президентских выборах. По предваритель-

ным прогнозам, помимо действующего главы государства Жозе Рамуша-Орты и Ло Оло Гутерреша, его вероятными соперниками могли стать спикер парламента Фернанду Ласама, а также заместитель премьер-министра Жозе Луиш Гутерреш. В списке потенциальных претендентов он возглавлял фракцию «Муданса», окончательно выделившуюся из Фретилин и ставшую самостоятельной партией под названием Фронт национального восстановления Тимора-Лешти — Муданса («Frente Mudansa»), заявившую о готовности выдвинуть своих кандидатов во всех избирательных округах в противовес Фретилин.

Для Таура предпочтительный путь к креслу главы государства сулил отказ от участия в предвыборной гонке Рамуша-Орты. Замеченный в признаках «звездной болезни», он неоднократно намекал на желание занять высокий пост в политических структурах глобального уровня, подобающий статусу нобелевского лауреата. При таком раскладе сил единственным реальным соперником генерала выступил бы Ло Оло Гутерреш, а бывший командующий получил бы полную поддержку «Большого брата», его партии НКРТ и ее партнеров по коалиционному правительству. По другому сценарию, если Рамуш-Орта все же пошел бы на второй срок, это значительно снижало бы шансы генерала. При таких обстоятельствах Гужмау вряд ли мог бы отказаться поддержать своего личного друга, генерала Таура. Гужмау был связан моральными обязательствами перед президентом, поддержавшим его в 2006 г. Оставался открытым вариант, по которому Фретилин в случае неудачи своего кандидата в первом туре решит отдать свои голоса в пользу Рамуша-Орты на следующем этапе, выбрав в таком случае «меньшее из двух зол».

Десятый год восстановления независимости (2012) был отмечен важными событиями в общественно-политической жизни страны. В апреле прошли президентские и парламентские выборы, завершившие очередной электоральный цикл, а 31 декабря 2012 г. истек мандат Интегрированной миссии ООН в Тиморе-Лешти (ИМ ООН ТЛ) и функции обеспечения внутренней безопасности были переданы местной национальной полиции. В стране осталось лишь несколько десятков представителей международных сил. К апрелю 2013 г. должен был завершиться полный вывод с острова Стабилизационных сил. Завершался 13-летний период фактического протектората ООН.

Предвыборную гонку, развернувшуюся в марте и в которой приняли участие 12 претендентов, т. е. вдвое больше, чем в 2007 г., возглавили действующий президент Рамуш-Орта, бывший коман-

дующий вооруженными силами Таур Матан Руак и председатель Фретилин Франсишку Лу Оло Гуттереш. За ними следовали лидер Демократической партии (ДП), спикер Национального парламента Фернанду Ласама ди Араужу и Рожериу Лобату, бывший министр внутренних дел, замешанный в беспорядках в 2006 г., который вернулся на родину из эмиграции незадолго до выборов. Небольшие шансы на победу были у действующего вице-премьера Жозе Лиуш Гуттереша.

Победили в первом туре кандидат Фретилин Гуттереш, получивший около 29% голосов, и Таур Матан Руак — 25%. С дистанции сошли Рамуш-Орта и Ласама, собравшие по 17%.

Во втором туре, прошедшем 16 апреля 2012 г., впереди оказался Таур Матан Руак, собравший свыше 61% голосов (Гуттереш — лишь около 39%).

Победа бывшего командующего была следствием нескольких факторов. Во-первых, генерал Таур выступил фактически в тандеме с действующим премьер-министром Шананой Гужмау, оказавшем ему поддержку материальными и кадровыми ресурсами де-факто правящей партии Национальный конгресс реконструкции Тимора (НКРТ). Во-вторых, Таур сумел заручиться содействием представителей сложившейся в годы освободительной борьбы власти на местах, как правило, опиравшейся на вождей традиционных общин. В-третьих, его кандидатуру поддержала местная католическая церковь. Кроме того, в избирательной кампании генерала были активно задействованы военнослужащие национальной армии, хотя это запрещалось законом. Но главным образом его победа объяснялась разочарованием активной части электората, прежде всего столичного, в поочередном правлении двух ветвей восточнотиморской элиты, соответственно представленной Фретилин и НКРТ. В глазах избирателей этот формально выступавший как независимый внепартийный кандидат представлялся альтернативой прежним неэффективным политикам. Вместе с тем отставной генерал сохранял героический ореол партизанского командира, два десятилетия сражавшегося против индонезийской оккупации.

Между тем, по конституции, президент обладал главным образом представительными функциями, но ему принадлежал решающий голос при назначении премьер-министра.

Седьмого июля 2012 г. прошли парламентские выборы, в которых приняла участие 21 политическая партия. По итогам голосования, НКРТ набрал около 37%, Фретилин — 30, ДП — 10 и Френте — Муданса — около 3% голосов избирателей. За бортом парламента

оказались 17 мелких партий и организаций, голоса которых (около 20% избирателей) не принимались в расчет при окончательном распределении парламентских мест. Итого в высшем законодательном органе Тимора-Лешти НКРТ получил 30 мест, Фретилин — 25, ДП — 8, ФМ — 2.

Выборы продемонстрировали упрочение позиций правящей партии, победившей в 9 из 13 округов. Фретилин незначительно расширил электоральную базу, в целом сохранив преимущество в восточных регионах и в своей цитадели — округе Мануфахи. Популярность ДП несколько упала из-за внутренней фракционной борьбы, однако партия сохранила возможности участвовать в коалиционном правительстве.

Критики Фретилин с левого фланга отметили, что эта некогда революционная организация скатилась на позиции либеральной демократии, малоотличимые от платформы НКР, и избирателям уже трудно было определить разницу между установками двух партий. Одновременно, поскольку некоторые низовые организации Фретилин избрали агрессивные методы предвыборной кампании, это отпугнуло часть электората, кровно заинтересованного в сохранении стабильности и гражданского мира, несмотря на очевидные факты коррупции и неэффективного правления правительства НКРТ и его партнеров.

Шанана Гужмау сформировал 5-й конституционный кабинет из представителей НКРТ, ДП и ФМ, сохранив за собой посты премьер-министра и министра обороны и безопасности. Заместителем премьера стал Ласама ди Араужу, председатель ДП. Лидер ФМ Жозе Гуттереш получил портфель министра иностранных дел и международного сотрудничества.

Вместе с тем, с точки зрения издающегося в Дили оппозиционного еженедельника «Темпо Semanal», хотя в новом составе правительства формально соблюдались конституционные нормы и процедуры, реально в руках «мельбурнской мафии», узкой группы восточнотиморских эмигрантов, проживавших в годы индонезийской оккупации в Австралии, оказались более действенные рычаги власти.

Речь идет, прежде всего, об Агиу Перейра, главе канцелярии правительства и пресс-секретаре кабинета, а также о брате и сестре Пиреш. В новом правительстве статус Перейры был поднят до уровня государственного министра, а Алфред Пиреш, некогда начинавший карьеру как подчиненный Перейры, получил пост министра нефти и минеральных ресурсов. Эмилия Пиреш вновь возгла-

вила министерство финансов [<http://temposemanaltimor.blogspot.ru/2012/11/the-emilia-and-alfredo-reres-hegemony-over-project.html>].

Реально именно эта «тройка», по мнению ряда местных аналитиков, сформировала новый кабинет. Хотя формально список нового правительства Гужмау — министров, их заместителей и государственных секретарей — подготовил для премьера генеральный секретарь НКРТ Дионисиу Бабу-Соареш, сам Гужмау вообще не видел этот документ. Он утвердил состав кабинета, предложенный Перейрой и его соратниками по «тройке». В сущности, стареющий, склонный к сибаритству Гужмау оказался в изоляции от собственной партии и правительства. А Бабу-Соареш, приложивший немало сил для победы Гужмау на выборах, в награду получил портфель министра юстиции [<http://temposemanaltimor.ru/2012/11/...>].

Со своей стороны, Институт «Лао Хаматук» пришел к выводу, что в итоге подвижек в правящей верхушке определенная группа чиновников по существу монополизировала государственную политику, касающуюся нефтегазового сектора экономики страны. Хотя авторы исследования прямо не называли состав этой группы, не составляло секрета, что под ней как раз подразумевалась «мельбурнская мафия» [South Coast Petroleum Infrastructure Project, September 26, 2012, p. 4–8].

Эта группировка установила более широкий контроль над ключевыми постами, ведающими распределением доходов от нефти и газа, основного национального богатства Тимора-Лешти. Они обеспечивали 75% ВВП Тимора-Лешти и 97% государственных расходов. По степени зависимости от нефтегазового сектора страна находилась на втором месте после Южного Судана [<http://loahamatuk.org/Oil/TasiMane.htm>].

«Тройка» расставила своих людей в Нефтяном фонде, куда поступали нефтегазовые доходы, Национальном управлении нефти («АНР») и национальной нефтяной компании «TimorGAP» («Timor Gas and Petroleum»), созданной в середине 2011 г.

Бывший аспирант Оклендского университета Франсишку да Кошта Монтейру занял кресло председателя совета директоров «TimorGAP». В начале 2000-х годов он работал под руководством Пиреша в канцелярии правительства. После назначения Пиреша государственным секретарем по природным ресурсам в 2007 г., Монтейру прервал учебу в Австралии, вернулся на родину и стал его советником. Он возглавлял правительственную группу по переговорам относительно месторождения «Greater Sunrise», а также представлял

ДРТЛ в смешанной с Австралией группе по зоне совместного развития нефтегазовых ресурсов Тиморского моря.

Возглавивший в 2008 г. Национальное управление нефти Гуалдину да Силва имел полномочия подписывать контракты с иностранными нефтяными компаниями. Управление контролировало все сферы, касающиеся добычи нефтегазового сырья, на материковой территории Тимора-Лешти и на континентальном шельфе, в том числе получение природной ренты (около 2 млрд долл. ежегодно) [<http://loahamatuk.blogspot.ru/2012/wading-deeper-into-swamp.html>].

В июне 2012 г. распоряжением премьер-министра да Силва и Монтейру были назначены соответственно и.о. председателя и членом Совещательного совета по инвестициям НФ. На своем новом посту он сменил австралийского гражданина Олгариу ди Кастру, заподозренного в незаконном самообогащении. Этот финансист благодаря тесным связям с Эмилией Пиреш занимал видное место среди элиты экспатов в Дили [The Age, 03.07.2012].

Первоочередной задачей «мельбурнской мафии» стало настойчивое лоббирование мегапроекта «Таси Мане», включенного в число приоритетных объектов Стратегического плана развития Тимор-Лешти на 2011–2030 гг. Проект предусматривал создание на южном побережье трех промышленных кластеров с современной транспортной инфраструктурой, в частности, предусматривалось строительство терминала по сжижению природного газа, работающего на базе месторождения «Greater Sunrise», нефтеперерабатывающего завода, крупной тепловой электростанции и глубоководного порта. В целом благодаря реализации проекта предполагалось сформировать становой хребет нефтегазовой промышленности ДРТЛ. Кураторование проекта было поручено Монтейру как главе «TimorGAP». К начальному проектированию объектов было привлечено около десятка иностранных компаний и до конца 2012 г. выделено из бюджета около 180 млн долл. [http://www.loahamatuk.org/Oil/TasiMane/11_tasi_Mane.html].

Проект «Таси Мане» безоговорочно поддержала министр финансов Эмилия Пиреш. Однако ее амбиции не ограничивались пределами Тимора-Лешти. Она фактически превратила в личный проект созданный в апреле 2010 г. форум g7+, объединивший развивающиеся страны, наиболее пострадавшие в результате иностранного вмешательства и внутренних конфликтов, которым требовалось особое международное содействие для дальнейшего национально-государственного строительства. Изначально возглавив этот между-

народный форум и фактически отстранив министра иностранных дел Закариаша Албану да Кошта, Пиреш, однако, рассматривала его лишь как трамплин к продвижению на более высокий пост в международных политических и финансовых структурах. В этом плане она готовилась соперничать с курировавшей страны третьего мира Сри Мульяни Индравати, бывшим министром финансов Индонезии, действующим исполнительным директором Всемирного банка. В середине 2012 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил Пиреш в состав «группы мудрейших» — консультантов ООН по проблемам глобального развития после завершения в 2015 г. программы «Цели развития тысячелетия». Кроме Пиреш в группу вошли президенты Индонезии и Либерии и премьер-министр Великобритании.

Критики правительства единодушно расценили проект «Таси Мане» как «воздушный замок», указав на отсутствие субстантивного технико-экономического обоснования, надежной экологической экспертизы и должных консультаций с местным населением. Ахиллесовой пятой проекта была проблема обеспечения энергетического проекта. Открытым оставался вопрос о прокладке морского газопровода от месторождения «Greater Sunrise» до восточнотиморского побережья. Против строительства выступала австралийская компания «Woodside», главный оператор добычи газа. К тому же не был решен вопрос об источниках поставки нефти для планируемого перерабатывающего завода, поскольку действующие месторождения должны были предположительно истощиться к 2024 г. Спорным представлялся, кроме того, проект сооружения глубоководного морского порта в Суае, где отсутствовали соответствующие физико-географические условия. Не выдерживал серьезной критики и проект прокладки многополосной скоростной автомагистрали, которая должна была соединить три кластера. Сомнение вызывали также планы возведения трех новых городов для работников промышленных комплексов.

На этом основании делался вывод, что при всей внешней привлекательности проект «Таси Мане» скорее призван удовлетворять далекоидущие карьерные устремления и финансовые интересы членов «мельбурнской мафии», чем дать реальный старт индустриализации страны.

Но даже если проект будет хотя бы частично реализован, это лишь приведет к еще большей зависимости экономики Тимора-Лешти от нефтегазового сектора, к усугублению «голландской болезни». Чем больше будут финансовые вливания в проект, тем более будет обогащаться узкая городская верхушка и расти коррупция в бюро-

кратических структурах. Критики проекта отметили, что по назначению Монтейру и да Силва в Совещательный совет НФ можно заключить, что правительство вознамерилось финансировать «Таси Мане» за счет средств этого фонда. Альтернативой мегапроекту, по мнению экспертов «Лао Хаматук», должно стать первоочередное внимание правительства на развитие аграрного сектора, в котором занято около 70% населения, в интересах решения проблемы продовольственной безопасности и выравнивания внешнеторгового баланса [<http://temposemanaltimor.blogspot.ru.>2012//11>].

Главный итог 2012 г. состоял в том, что консолидированными усилиями блокировав возвращение Фретилин к власти, главенствующая фракция правящей коалиции обеспечила практически неограниченный доступ к национальному богатству, сконцентрированному в НФ. Опираясь на него, а также на гипотетический успех проекта «Таси Мане», Алфреду Пиреш мог заявить о претензиях возглавить исполнительную власть в 2017 г. Тем более что к тому времени с политической арены, как предполагалось, сойдет поколение борцов за независимость и на смену придет плеяда молодых честолюбивых политиков.

ГЛАВА III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТИМОРА-ЛЕШТИ

Первоначальные контуры внешнеполитического курса и круг приоритетных зарубежных партнеров будущего государства Тимора-Лешти обрисовал в начале мая 2001 г. Рамуш-Орта в интервью Международному институту азиатских 1 в Лейдене (Нидерланды).

Отвечая на вопрос о выборе главного иностранного партнера, глава дипломатии переходного правительства указал на Австралию как на стратегически важного ближайшего соседа, предоставившего основные миротворческие силы в критический для Тимора-Лешти 1999 год. Он подчеркнул, что и в будущем обеспечение безопасности его родины «будет зависеть от доброй воли Австралии» [East Timor, from Ashes to Nationhood. Interview with Jose Ramos-Horta, IIAS Newsletter, No 25, July 2001, p. 4].

Затронув вопрос о перспективе соглашения относительно шельфа Тиморского моря, Рамуш-Орта призвал быть реалистами и понимать, что Австралия не пожертвует собственными интересами. В идеале, конечно, соглашение должно стать взаимовыгодным. Если же этого не произойдет, восточнотиморский лидер не исключил варианта обращения в Международный суд для защиты суверенных прав страны на природные ресурсы. Однако, отметил он, такой шаг пока не рассматривается.

По мнению Рамуша-Орты, на время следует заморозить рассмотрение вопроса о линии границы между Тимором-Лешти, Австралией и Индонезией в районе Тиморского разрыва, проведенной в результате соглашения, подписанного в 1972 г. Канберрой и Джакартой. Следует сконцентрироваться на текущих практических задачах, чтобы ускорить начало деятельности нефтяных компаний.

Подробно отвечая на вопрос о перспективах отношений с Индонезией, шеф внешнеполитической службы Тимора-Лешти заявил:

«Индонезия важна для нас. Она наш сосед, виновный в невиданном геноциде. Двадцать пять лет индонезийской оккупации принесли больше страданий и разрушений, чем 500 лет португальского колониального господства или три года японской оккупации... Однако прошлое есть прошлое. Мы не можем выбирать соседей или менять географию. Поэтому после освобождения полтора года назад, мы сделали все возможное, чтобы примириться с Индонезией, нормализовать отношения. Но сделать это весьма сложно, поскольку в Индонезии отсутствует чувство справедливости и раскаяния».

Коснувшись проблемы сепаратистских движений в Индонезии, Рамуш-Орта отметил, что в отличие от Тимора-Лешти, борющегося за деколонизацию, повстанческие движения в Западном Папуа (Ириан Джая) и других индонезийских провинциях направлены против собственного правительства. Индонезийские военные действуют там методами террора. По части нарушения прав человека, положение в Аче, Западном Папуа и Амбоне — «скандальное». Это не значит, что Тимор-Лешти намерен поддержать их требования о независимости. «Для этого у страны нет возможностей, да и в принципиальном плане Дили выступал против сепаратизма в странах Азии и Африки».

Повышенное внимание к отношениям с Австралией и Индонезией, по словам Рамуша-Орты, не означало умаление «громadной важности» Португалии, которая в течение 25 лет выступала поборницей справедливого дела Тимора-Лешти и продолжала ему помогать. Высокопрофессиональный португальский контингент миротворческих сил ООН оказывал стране большую гуманитарную помощь. Восточнотиморцы не считают Португалию неоколониальной державой, а смотрят на нее как на дружественную страну, сделавшую много для дела их победы в рамках ООН, Европейского Союза и Совета Европы.

Решение утвердить официальным языком Тимора-Лешти португальский также не являлось случайным, оно было продиктовано стремлением сохранить национальную идентичность. «Без португальского на Восточном Тиморе не было бы католицизма, а без католической веры не состоялось бы народа, называющего себя восточнотиморцами», заключил Рамуш-Орта [Colombijn F., July 2001, p. 4–5].

Во внешней политике правительство Тимора-Лешти избрало курс неприсоединения, т. е. отказа от участия в военно-политических альянсах и размещения на своей территории иностранных военных баз. Об этом неоднократно заявлял Рамуш-Орта. При этом он

не исключал возможности договоренностей о военном сотрудничестве с «дружественными государствами» по примеру пятистороннего оборонительного соглашения между Великобританией, Австралией, Новой Зеландией, Малайзией и Сингапуром, а также соглашения между США и Индонезией о военно-техническом сотрудничестве и подготовке военного персонала.

В переходный период (октябрь 1999 г. — май 2002 г.) глава дипломатии Тимора-Лешти окончательно очертил параметры внешнеполитического курса страны и создал собственную сеть международных связей. В двусторонних отношениях Индонезия, Австралия и Португалия были определены как партнеры первого ряда, причем «первой среди равных» (*primus inter pares*) считалась Индонезия. Отводя этой стране роль ключевого партнера как в двусторонних отношениях, так и в структуре регионального сотрудничества, Рамуш-Орта явно стремился подогреть интерес к Тимору-Лешти со стороны Австралии и Португалии в расчете на их желание не уступить открывающиеся возможности традиционным внешнеполитическим соперникам.

Отношения с Индонезией

Несмотря на психологическую травму, нанесенную населению Восточного Тимора индонезийской оккупацией, жизнь настоятельно требовала развития отношений с Индонезией. Не откладывая намерения в долгий ящик, Гужмау, Рамуш-Орта и Алкатири в сентябре 2001 г. отправились с визитом в индонезийскую столицу и удостоились аудиенции у Мегавати Сукарнопутри, которая до своего избрания на пост президента в середине 2001 г. категорически отказывалась вступать в контакты с восточнотиморскими «сепаратистами», упорно не желая «председательствовать» при начале дезинтеграции государства, созданного трудами ее отца — первого президента Республики Индонезия Сукарно.

Тем не менее 20 мая 2002 г. ей пришлось присутствовать на церемонии восстановления независимости ДРТЛ, а в сентябре того же года президент нового государства нанес следующий визит в Джакарту. Стороны согласовали вопрос о создании совместной министерской комиссии по сотрудничеству, первое заседание которой состоялось уже в октябре того же года. Было решено продлить действие соглашения между Индонезией и ВА ООН ВТ о формировании двустороннего комитета для уточнения пограничных вопросов, ко-

торому поручалось доработать текст соглашения о границе, основываясь на договоре 1904 г. между Португалией и Нидерландами, а также на вердикте международного арбитража от 1914 г. Принято было также решение о скорейшем достижении соглашения о пунктах пересечения границы и регулировании торговли в сопредельных районах.

Следующим шагом навстречу друг другу стало то, что Индонезия и Тимор-Лешти подтвердили свою готовность соблюдать соглашение о почтовом сообщении, подписанное в феврале 2002 г. Затем Джакарта обязалась оказать техническую помощь в восстановлении деятельности банковских учреждений, помочь в налаживании производства лекарств [Joint Ministerial Statement, 08.12.2002].

В начале июня 2007 г. состоялся визит Рамуша-Орты в Джакарту. Одно из ключевых на переговорах с новым президентом Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно стал вопрос о границе. Стороны констатировали, что удалось делимитировать 97% сухопутной границы, а оставшиеся 3%, отделяющие анклав Окусси от основной территории Тимора-Лешти, будут определены в ближайшем будущем. Лидеры двух стран пришли к договоренности усилить координацию взаимодействия в приграничных зонах в интересах обеспечения безопасности и беспрепятственного пересечения границы гражданами обеих стран.

Во время встречи обсуждался вопрос о расширении программ обучения восточнотиморских студентов в вузах Индонезии. Рамуш-Орта выразил надежду, что Джакарта согласится предоставить дополнительную финансовую поддержку этим программам, особенно с учетом того, что Индонезия стала главным зарубежным образовательным центром для Тимора-Лешти.

Рамуш-Орта поблагодарил индонезийского президента за солидарность с властями Дили, проявленную во время кризиса 2006 г. Особая признательность была выражена за оперативное обращение Джакарты к властям Малайзии с просьбой направить ее национальный контингент для участия в составе международных стабилизационных сил на Тиморе-Лешти. (По понятным причинам, появление собственно индонезийских военных на Тиморе-Лешти категорически исключалось.)

Позитивная оценка позиции Джакарты, данная новым президентом Тимора-Лешти, резко контрастировала с точкой зрения экс-премьера Алкатири. В начале июня 2006 г. по горячим следам событий он выразил мнение, что за кулисами разразившегося кризиса стояли бывшие члены проиндонезийской милиции

и некая «третья сила», явно намекая на власти Индонезии. Президент Юдойоно тут же опроверг заявление ушедшего в оппозицию лидера Фретилин, заявив, что Алкатири создает дополнительные проблемы в межгосударственных отношениях, и в то же время выразил признательность Гужмау и министру иностранных дел Австралии Даунеру, также поспешившим опровергнуть причастность Джакарты к вспышке нестабильности в Дили. Тем не менее власти Индонезии срочно закрыли границу с восточным соседом и отдали распоряжение о частичной эвакуации своих граждан, «дабы предотвратить обвинения в их причастности к событиям» [Berita Antara, 06.06.2006].

Правительство Гужмау пошло навстречу Джакарте в урегулировании политико-гуманитарных проблем, унаследованных от времен индонезийской оккупации. В середине 2008 г. при очередной встрече Рамуша-Орты с президентом Индонезии был одобрен доклад «Комиссии правды и дружбы», созданной в 2005 г. по решению Дили и Джакарты. Согласно полученному мандату она была призвана провести расследование роли индонезийских военных и гражданских властей в событиях 1999 г.

Это двустороннее учреждение пришло на смену «Комиссии фактов, истины и примирения», ставшей известной по португальской аббревиатуре CAVR (Comissao de Acolhimento, Verdade e Reconciliacao). Идея создания такой комиссии, выдвинутая на съезде НСТС в середине 2000 г. и получившая поддержку ВА ООН ВТ, была реализована в январе 2002 г. Основной ее целью стало установление фактов нарушения прав человека на Восточном Тиморе всеми сторонами, в том числе иностранными государствами, с апреля 1974 по октябрь 1999 г.

В феврале 2006 г. был обнародован многостраничный доклад Комиссии под красноречивым названием *Chega!* (Хватит!). Из него следовало, что из 15681 случая тяжких преступлений более половины лежало на совести проиндонезийской милиции, около четверти — индонезийских служб безопасности, действовавших совместно с милицией, 4% было совершено криминальными элементами и 0,4% — силами сопротивления [Christalis, p. 324].

Что касается доклада Комиссии правды и дружбы, озаглавленно-го «От памяти к надежде», то в нем также делался вывод, что пресловутая «милиция» была главной виновницей разгула террора и насилия в Восточном Тиморе во время и после референдума. Он также подтвердил вывод, что вооруженные силы, полиция и гражданские власти Индонезии оказывали разностороннюю поддержку «автоно-

мистам», что способствовало совершению преступлений. Доклад рекомендовал правительствам Индонезии и Тимора-Лешти официально выразить сожаление и принести извинения населению Восточного Тимора за вызванные событиями 1999 г. нарушения прав человека, принять меры к предотвращению подобного в будущем. В совместном заявлении президенты двух стран выразили «глубокое сочувствие всем сторонам и лицам, прямо или косвенно пострадавшим физически или морально в результате грубых нарушений прав человека» [Human Rights..., 15.07.2008].

Принятый документ носил явно компромиссный, скорее символический, нежели практический характер. С одной стороны, власти Джакарты признали ответственность за содеянные «автономистами» преступления, в результате которых лишились жизни, по самым приблизительным данным, свыше тысячи человек, была уничтожена львиная доля объектов инфраструктуры. С другой — Комиссия не обладала мандатом, позволявшим потребовать предания виновных суду. По этой причине юридические органы ООН изначально отказались от сотрудничества с ней. Выводы доклада не признала католическая церковь Тимора-Лешти, заявившая, что в нем «проигнорированы требования справедливости». Она также отказалась принять выражения сожаления со стороны индонезийского правительства, посчитав их недостаточными.

На Региональном форуме АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), состоявшемся в июле 2008 г., с докладом Комиссии, тем не менее, официально согласились представители США, Австралии и Новой Зеландии. Фактически властные структуры Вашингтона, Канберры, Джакарты и Дили пришли к взаимопониманию и негласно согласились не допустить организации международного суда наподобие трибунала по бывшей Югославии.

И Джакарта, и Дили заняли позицию всепрощения по отношению к военным преступникам из числа «интеграционистов/автономистов» и их индонезийским покровителям. В Индонезии к судебной ответственности было привлечено 18 военнослужащих, вскоре оправданных. Судебной ответственности избежал генерал Виранто, министр обороны и командующий вооруженными силами во время событий 1999 г., в отношении которого судья коллегии по тяжким преступлениям выписал ордер на арест и которому была аннулирована виза на въезд в США. Давая показания в комиссии, Виранто отверг обвинения в том, что командование вооруженными силами поощряло кампанию насилия против населения, а тем более акты геноцида. Ответственности избежали генералы Адам Дамири, Заки

Анвар Макарим и Шафри Шамсуддин. Более того, последний стал одним из главных советников президента Индонезии.

В Дили в середине мая 2008 г. Рамуш-Орта в обход парламентской комиссии по юридическим вопросам амнистировал большую группу членов бывшей милиции. Самой заметной фигурой среди них был Джони Маркеш. Приговоренный к пожизненному заключению, он сбежал из-под стражи при странных обстоятельствах. (В сентябре 1999 г. члены возглавляемой им банды расстреляли группу католических священнослужителей, распространявших гуманитарную помощь.)

Мотивируя свои решения, президент заявил, что после покушения на свою жизнь твердо решил последовать примеру Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга и действовать в духе человеколюбия и всепрощения [Freedom to Kill..., 25.06.2008]. По существу тандем Гужмау — Рамуш-Орта, провозглашая лозунг национального единства, гораздо охотнее шел на взаимодействие с бывшими коллаборационистами, чем искал компромисс с бывшими соратниками по Фретилин.

Поведение лидеров Тимора-Лешти, в первую очередь Гужмау, во многом объяснялась тем, что они несли личную долю ответственности за трагические события 1999 г. Известно, что в начале сентября, когда были объявлены результаты референдума, а насилие достигло апогея, Гужмау, главнокомандующий Фалинтил, запретил давать отпор автономистской милиции. Формально приказ был отдан с целью избежать ловушки, приготовленной партизанам индонезийским командованием. Однако, если судить по фактам, «Старший брат» действовал, имея в виду долгосрочную перспективу: отпор вооруженным коллаборационистам мог быть расценен ООН и западными державами как начало гражданской войны и тем самым помешать прямому международному вмешательству. Изучив прецедент Боснии и Герцеговины, Гужмау, по-видимому, решил, что чем больше будет жертв, тем выше поднимутся его шансы подняться к власти на штыках миротворцев [The Western Powers..., 01.10].

В реальных условиях становления государственности Тимора-Лешти, как Гужмау, так и Рамуш-Орта оказались на положении политико-экономических «заложников» западного соседа. Еще в 2003 г. в ходе парламентских дебатов Гужмау призвал подходить к амнистированию лиц, виновных в тяжких преступлениях, в «широком контексте» отношений с Индонезией — учитывать важность торговых отношений, наличие восьми тысяч восточнотиморских студентов в индонезийских вузах, намерение Джакарты со-

действовать приему Дили в международные организации. Что касается торгово-экономических отношений, то небольшое, медленно выбирающееся из нищеты государство полностью зависело от импорта нефтепродуктов и элементарных продуктов питания, наподобие лапши быстрого приготовления. На Индонезию приходилось около половины общего объема импорта Тимора-Лешти, в том числе наибольшая часть поставок строительных материалов, жидкого топлива и потребительских товаров, включая продовольственные [Expanding..., August 2010, p. 17].

В начале 2008 г. Рамуш-Орта призвал соотечественников помолиться за тяжелобольного Сухарто, состояние которого стремительно ухудшалось. По его словам, бывший президент сделал много позитивного для экономического прогресса Индонезии, но также совершил «много ошибок». К числу этих «ошибок» президент страны отнес массовый террор как в Индонезии, так и на Восточном Тиморе. Тем не менее он выразил мнение, что интересам Тимора-Лешти и его отношениям с Индонезией не послужит учреждение международного суда для осуждения виновных в прошлых преступлениях [Sydney Morning Herald, 17.02.2008].

Гужмау принял участие в похоронах Сухарто, скончавшегося в начале февраля 2008 г. Как заявил официальный представитель правительства Тимора-Лешти, «присутствие нашего премьер-министра на похоронах Сухарто означает, что мы хотим забыть прошлое и в позитивном ключе строить отношения с Индонезией в будущем». Примечательно, что в Лиссабоне, следуя латинской поговорке «О мертвых либо хорошо, либо ничего», отказались комментировать кончину бывшего индонезийского президента. Премьер-министр Португалии Луиш Амаду заявил, что уважает покойных, вне зависимости от их деяний на протяжении жизни [Portugal..., 02.02.2008].

Открыто наметились прецеденты прямого вмешательства властей Индонезии в отправление правосудия на Тиморе-Лешти. В начале августа 2009 г. национальная полиция арестовала и препроводила в тюрьму Матернуса Бере, местного уроженца, принявшего индонезийское гражданство. За ним числился длинный перечень тяжких преступлений, совершенных в 1999 г. Однако задержанный был освобожден после вмешательства министра иностранных дел Индонезии Хассана Вираюда, пригрозившего бойкотировать празднование 10-й годовщины проведения референдума о самоопределении, если Бере не передадут в руки посольства Индонезии в Дили. Гужмау взял на себя ответственность за этот акт, ставший очередным свидетельством как пренебрежения высшими должностными

лицами страны юридических норм, так и их зависимости от Джакарты.

«Прагматичный подход» правящих лиц к толкованию законов, намерение «оставить прошлое далеко позади», не только отражал присущий им правовой нигилизм и ясно обозначившуюся тенденцию на подчинение зарождающейся национальной судебной системе волевым решениям исполнительной власти, — он по существу означал «саботаж» процесса демократизации в самой Индонезии. Так оценила политику властей «La'õ Hamatuk» («Идущие вместе») [Southeast Asian Affairs, 2010, p. 353–354].

Джакарта не оставалась в долгу перед лидерами Тимора-Лешти. В связи с покушением на Рамуша-Орту и Гужмау индонезийский президент сделал специальное заявление, охарактеризовав этот акт как «антиконституционное посягательство, направленное на подрыв демократических устоев» [Kompas, 11.02.2008].

Нелишне, очевидно, вспомнить, что 20 мая 2002 г. на торжественной церемонии по случаю провозглашения ДРТЛ непосредственно рядом с Гужмау находилась Мегавати Сукарнопутри. Ее участие в торжествах имело для лидера рождавшегося государства более чем символическое значение. Тесным отношениям с Джакартой «Старший брат» отводил центральное место в независимом будущем своей страны. Между тем за два дня до начала праздничных мероприятий произошел примечательный инцидент — пять индонезийских военных кораблей вошли в восточнотиморские территориальные воды и демонстративно крейсировали в пределах видимости с набережной Дили.

Смысл акции угадывался без особого труда: верхушка военного истеблишмента Джакарты наглядно демонстрировала свое крайнее недовольство происходящим и готовность при случае повернуть события вспять. По примеру классических колониальных держав индонезийские генералы были не прочь поиграть мускулатурой, демонстрируя готовность прибегнуть к «дипломатии канонерок».

Дили — Канберра: взаимоотношения Давида и Голиафа

Абсурдно полагать, что консервативный кабинет Джона Говарда, одного из самых известных долгожителей в кресле премьер-министра Австралии, был в курсе антагонизма между Фретилином во главе с Алкатири и дуумвиратом Гужмау — Рамуш-Орта. Тем более что после

провозглашения независимости взаимные противоречия переросли в состояние открытой «холодной войны».

По понятным причинам симпатии Канберры принадлежали умеренным, склонным к широкому компромиссу политикам — действовавшим президенту и министру иностранных дел. К тому же в Австралии хорошо знали личности обоих: Рамуш-Орта, находясь почти четверть века в эмиграции, избрал местом своего постоянного проживания Сидней. На первых порах австралийские спецслужбы вели слежку за восточнотиморским эмигрантом, подозревая его в контактах с местной компартией и Австралийским комитетом за независимый Восточный Тимор, в котором превалировали левые группы и организации, передававшие информацию индонезийской разведке. Однако, судя по всему, страхи по поводу коммунистических убеждений Рамуша-Орты вскоре рассеялись. Что же касается Гужмау, то президент ДРТЛ был, как известно, женат на австралийке Кирсти Сорд, бывшей общественной активистке, и все свободное время любил проводить на «зеленом континенте» [Dorling P., 21.06.2008].

Уместно отметить, что в годы борьбы против индонезийской оккупации Австралия стала главным пристанищем эмигрантов с Восточного Тимора. Разными судьбами здесь оказалось около 20 тыс. беженцев, в частности возвращавшихся из Португалии, стран Африки и Северной Америки, чтобы жить поближе к родным берегам. На австралийской территории возникло несколько эмигрантских организаций, таких как «East Timor Relief Association» (ETRA), «Timorese Australian Council» — не считая действовавших в Австралии отделений Фретилин и УДТ. Сформированная в 1992 г., ETRA, заявлявшая о своей аполитичности, взяла на себя заботу о социальном обеспечении соотечественников-эмигрантов и оказании помощи жителям оккупированного Восточного Тимора через Красный Крест и другие международные гуманитарные организации. В 1988 г. отделения Фретилин и УДТ в Австралии объединились под эгидой Национального совета тиморского сопротивления (НСТС) [Nation, Transnation, Diaspora., 01.10.2004].

Почти сразу же после вступления Алкатири на пост главы правительства, против него заработала, стремительно набирая обороты, австралийская пропагандистская машина. В информационной войне нет-нет да и проскальзывали достаточно прозрачные намеки, что Алкатири (полное имя при рождении — Мари Бим Амуде Аль-Катири) вел родословную от йеменских переселенцев и являлся верующим мусульманином. В условиях объявленной президентом США

Джорджем Бушем глобальной войны против международного терроризма и исламского экстремизма это обстоятельство могло произвести какое-то впечатление на австралийскую публику.

Поводом для первого открытого выпада послужили антиправительственные беспорядки на Восточном Тиморе в ноябре — декабре 2002 г., спровоцированные Комитетом народной обороны ДРТЛ, ветеранской организацией во главе с упомянутым выше Корнелиу Гамой и его «Святым семейством».

В свете произошедших волнений наглядно выявилась роль, которую играли прибывшие на Тимор-Лешти австралийские миротворцы. По данным авторитетных авторов, как раз в разгар тех событий один из представителей ООН неофициально посетил офис премьер-министра и порекомендовал ему уйти в отставку. Судя по всему, это был представитель австралийского контингента [Symonds P., 2006, p. 2].

Тогда же уполномоченные правительства Тимора-Лешти жаловались, что австралийский министр иностранных дел Даунер в «оскорбительной и агрессивной» форме пытался оказать давление в ходе переговоров относительно нефти и газа Тиморского моря. В резких выражениях он потребовал отказаться от услуг направленного по линии ООН советника правительства Тимора-Лешти Питера Гэлбрайта, поскольку тот рекомендовал настаивать на увеличении доли Восточного Тимора в энергетических ресурсах морского шельфа. С тех пор Гэлбрайт неофициально стал «персоной нон гра» в Канберре.

В начале декабря 2002 г. газета «Australian Financial Review», близкая к кругам большого бизнеса, опубликовала статью под характерным заголовком: «Гужмау должен взять контроль в свои руки». В ней говорилось, что на Восточном Тиморе «ширится разочарование относительно деятельности Алкатири и его клики старых фретилиновских левых, ничему не научившихся и ничего не забывших за тридцать лет пребывания в несостоявшемся социалистическом государстве Мозамбик». Действительным «национальным героем», по утверждению газеты, был президент Гужмау, которому следует достойно проявить себя в эти критические дни» [Symonds P., 2006, p. 2]. В сущности, газета медийного магната Руперта Мэрдока призывала главу соседнего государства к совершению антиконституционного переворота.

В Канберре не делали особого секрета, что кампания против Алкатири была одновременно направлена против Португалии, старого соперника Австралии, мешавшего реализации ее интересов

в сопредельном геополитическом пространстве. В австралийских правящих кругах полагали, что Фретилин традиционно ориентировался на бывшую метрополию, его партийная элита, в своей массе получившая образование в Португалии, использовала «португальскую идентичность» в борьбе против индонезийской аннексии. Несмотря на военно-полицейское присутствие на Восточном Тиморе под миротворческим флагом ООН, Канберра обнаружила, что Лиссабон сохранил тесные контакты с Фретилин, а за неуступчивостью правительства Алкатири на переговорах по Тиморскому морю проглядывался, среди прочего, явный «португальский след».

В мае 2003 г. австралийский журнал «Bulletin» так написал о дипломатической борьбе между Канберрой и Лиссабоном: «Ни одна из сторон не признает этого неоспоримого факта, хотя каждая имеет собственные далекоидущие замыслы. Португальское государственное радио трубит на весь мир, что Лиссабон ежемесячно выплачивает по 300 долл. США престарелым чиновникам колониальной администрации на Восточном Тиморе. Там же находится напоминающее крепость австралийское посольство, расположенное на полпути от аэропорта на случай поспешного бегства, а португальская дипломатическая миссия разместилась по соседству с правительственным комплексом, где Алкатири и его клика руководят деятельностью антиавстралийского лобби» [Symonds P., 2006, p. 3].

Весьма трудно представить, что Канберра, располагавшая значительным дипломатическим, военным и разведывательным персоналом на Тиморе-Лешти, не знала о скрытых пружинах политического кризиса, разразившегося в молодой республике в начале 2006 г. Многие специалисты не без основания полагали, что власти Австралии не только были в курсе предполагаемого выступления части Фалинтил — ФДТЛ, но и поощряли его.

Политологи также обратили внимание, что в начале мая 2006 г., когда Совет Безопасности ООН обсуждал вопрос о положении на Тиморе-Лешти, представитель Австралии, поддержанный США, энергично выступил против продления мандата ИМ ООН ТЛ. Складывалось впечатление, что Канберра уже тогда вынашивала планы военного вмешательства и хотела сохранить свободу рук. В середине мая без предварительного извещения в территориальные воды Тимора-Лешти были направлены три австралийских военных корабля для оказания дополнительного прессинга на руководство Фретилин, готовившегося рассмотреть на съезде вопрос о дееспособности кабинета Алкатири. Мощную поддержку австралийских СМИ полу-

чила фракция «Муданса», возглавляемая Жозе Луишем Гуттерешем и бывшим послом в Канберре Жоржи Теменем.

Двадцать четвертого мая 2006 г. под массивным давлением Гужмау и Рамуша-Орты при австралийской поддержке Алкатири согласился направить формальный запрос о размещении на Тиморе-Лешти контингентов вооруженных сил и полиции Австралии, Португалии, Малайзии и Новой Зеландии. Прервав официальный визит в Ирландию, премьер-министр Австралии Говард вернулся в Канберру и отдал распоряжение незамедлительно приступить к переброске австралийского контингента на остров не дожидаясь окончательно согласия Алкатири. В соответствии с планом операции под кодовым названием «Tower» («Башня»), в считанные дни в стране высадилось около 1300 австралийских и новозеландских военнослужащих, поддержанных бронетехникой и боевыми вертолетами. Под давлением представителей Канберры правительство Фретилин вынуждено было шаг за шагом уступать полномочия «миротворцам», установившим в Дили режим чрезвычайного положения. Таким образом, в 2006 г. правительству Говарда удалось совершить то, что не получилось в 2002 г.

Уместно отметить, что правительство Говарда не действовало бы в Тиморе-Лешти столь уверенно, если бы не опиралось на безусловную поддержку администрации США. Например, в течение мая 2006 г. государственный секретарь США Кондолиза Райс дважды связывалась по телефону с Александром Даунером, заверяя в полной поддержке Вашингтоном австралийских действий, и даже интересовалась, потребуется ли воздушная поддержка США при переброске войск на Тимор-Лешти. Тем самым Канберра получила карт-бланш на выполнение функции «заместителя американского шерифа», ответственного за регион Юго-Восточной Азии [Murthy, 2006].

В феврале 2008 г. по горячим следам «двойного покушения» в Дили нанес блицвизит новый австралийский премьер Кевин Радд. После встречи с Гужмау, он заявил, что «Австралия по-прежнему намерена стоять плечом к плечу с Тимором-Лешти в интересах защиты демократической системы власти». Коснувшись сроков пребывания австралийского контингента, дополнительно пополнившегося 350 солдатами и офицерами, Радд сказал, что контингент будет оставаться ровно столько, сколько пожелает восточнотиморское правительство [Australian PM., 15.02.2008].

За политическими катаклизмами на Восточном Тиморе незримо, но неизменно стояли и в решающей степени их определяли нефтегазовые интересы Австралии, многократно пересекавшиеся с устрем-

лениями Индонезии и Португалии. Эти интересы уходили корнями в начало 70-х годов прошлого века, когда на шельфе Тиморского моря были обнаружены перспективные залежи углеводородного сырья.

В 1972 г. Австралия подписала с Индонезией соглашение о морской границе, а также по аналогичному вопросу вступила в переговоры с Португалией, которые, однако, ни к чему не привели, кроме того, что в международном праве появился казус под названием «тиморский пробел» («Timor Gap»), т. е. имеется в виду достаточно протяженный участок границы и прилегающей морской акватории, принадлежность которых не получила юридического оформления в межгосударственных документах.

В начале 1975 г., когда в Канберре определялась тактика в отношении ситуации на Восточном Тиморе, австралийский посол в Джакарте Джеймс Уилкотт рекомендовал своему руководству принять во внимание заинтересованность министерства минеральных ресурсов и энергетики страны в ликвидации «пробела». По мнению посла, об этом проще было договориться с Индонезией, нежели с Португалией и независимым Восточным Тимором. Такой прагматичный подход, с точки зрения Уилкотта, в наибольшей степени соответствовал национальным интересам Австралии [Beams, 1999, p. 2–3].

По соглашению между Австралией и Индонезией, подписанному в декабре 1989 г., «тиморский пробел» площадью 75 тыс. кв. км был разделен на три зоны. В центральной «зоне сотрудничества» доходы от добычи углеводородного сырья делились поровну. В лежащей к югу сопредельной зоне — в пропорции 84:16% в пользу Австралии, в северной — в соотношении 90% в сторону Индонезии. На то время разведанные запасы углеводородного сырья оценивались в 214 млн баррелей [Chronology., The La'o Hamatuk Bulletin, December 2003, p. 2].

Португалия не признала законность соглашения и в 1991 г. обратилась в Международный суд, указав, что считает договоренность противоправной, наносящей ущерб материальным интересам Португалии и нарушающей право Восточного Тимора на самоопределение. В середине 1995 г. Международный суд отказался рассматривать это обращение на том основании, что Индонезия не признает юрисдикции суда. Этот вердикт министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс назвал победой, открывшей доступ к минеральным запасам Тиморского моря, причем без какого-либо участия Лиссабона [Beams N., 1999].

В 1997 г. между Джакартой и Канберрой было достигнуто соглашение о срединной (медианной) линии в качестве границы между

двумя государствами в Тиморском море. Однако это решение не затрагивало порядка эксплуатации ресурсов морского дна в районе «тиморского пробела». Посетивший в начале 1999 г. Лиссабон Даунер заявил, что все австралийско-индонезийские соглашения и прочие договоренности должны остаться в силе и впоследствии. Если Восточный Тимор обретет независимость, к нему автоматически перейдут права Индонезии. По словам министра, он обсуждал этот вопрос с Гужмау, сидевшим в джакартской тюрьме, и не встретил возражений с его стороны [Урляпов И. В., Урляпов В. Ф., 2005, с. 155].

Двадцатого мая 2002 г. в день провозглашения Демократической Республики Тимор-Лешти в Дили было подписано временное соглашение с Австралией о Тиморском море, в основном повторявшее положения договоренности, достигнутой в 2001 г. между ВА ООН ВТ, представителями переходного правительства Восточного Тимора и Австралией. Создавалась Зона совместного освоения нефтяных ресурсов, 90% прибыли от добычи отходило в пользу Тимора-Лешти. Соглашение вступило в силу в апреле 2003 г., позволив начать добычу природного газа на месторождении Байю-Ундан.

После вступления в силу акта о морских зонах, одобренного парламентом Тимора-Лешти в июле 2002 г., проблема Тиморского моря перешла в новую стадию: возник казус взаимного наложения 200-мильных экономических зон. С первых же шагов Дили и Канберра столкнулись в споре вокруг самого перспективного газоносного месторождения «Greater Sunrise», расположенного в районе взаимных притязаний сторон. Австралийцы пригрозили отложить на неопределенный срок ратификацию соглашения, подписанного в мае 2002 г., если Дили не пойдет на уступки, что грозило прекращением добычи газа на месторождении Байю-Ундан.

Еще за три месяца до провозглашения ДРТЛ Канберра, действуя на опережение, официально объявила о непризнании юрисдикции Международного суда. Таким образом, Тимор-Лешти изначально лишился возможности апеллировать к международным судебным инстанциям в случае, если переговоры с Австралией зайдут в тупик.

В начале марта 2003 г. правительство Алкатири, оказавшееся в сложном положении, вынуждено было подписать отдельное соглашение по спорному месторождению на условиях 18%-ной доли доходов. Парламент Австралии тут же ратифицировал этот документ, но законодательный орган Тимора-Лешти ответил отказом. Проблема зашла в тупик. Как не без злорадства комментировала сложившуюся ситуацию джакартская газета «Компас», «вырвавшись из пасти крокодила, Восточный Тимор оказался в зубах тигра: осво-

бодившись от Индонезии, он очутился в австралийской ловушке» [Kompas, 20.03.2004].

Однако правительство Тимора-Лешти по-прежнему подчеркивало временный характер соглашения и утверждало, что Австралия не имеет юридических прав подписывать новые контракты на разведку и добычу углеводородного сырья без согласования с властями ДРТЛ. Как и прежде, кабинет Алкатири настаивал на проведении межправительственных переговоров о делимитации границы в Тиморском море по медианной линии. В Дили образовалась коалиция местных неправительственных организаций, потребовавшая от Канберры определиться по вопросу о границе, прежде чем продолжать практику выдачи разрешений инвесторам на разработку нефти и газа.

Австралия продолжала настаивать, что морские границы должны определяться исходя из естественной протяженности континентального шельфа, т. е. граница должна пролегать по Тиморской впадине, лежащей у южного побережья Тимора. Тимор-Лешти, со своей стороны, считал, что границу следует проводить по медианной линии. Подход Австралии в Дили считался следствием устаревшей концепции международного морского права, а в практическом отношении — стремлением сохранить преимущества в распределении ресурсов Тиморского моря. Наряду с этим, Тимор-Лешти настаивал на расширении «зоны совместного освоения», считая район «тиморского пробела» слишком узким. (С востока к нему прилегала большая часть месторождения «Greater Sunrise», с запада — месторождения «Laminaria» и «Buffalo».)

Начавшиеся переговоры проходили в сложной обстановке. После их провала в октябре 2004 г. Рамуш-Орта заявил, что австралийские предложения являлись, по сути, неприкрытым шантажом. В ответ Даунер язвительно заметил, что Тимору-Лешти следует «милостиво принять предложения», не забывая, что без огромной помощи Австралии он никогда не стал бы независимым государством» [Schofield C..., 2007, p. 74].

В начале 2006 г. Канберра и Дили подписали «Соглашение о некоторых договоренностях в Тиморском море» и с этого момента доходы от эксплуатации месторождения «Greater Sunrise» делились пополам.

Не останавливаясь на этом, правительство Фретилин приступило к изучению вопроса о сотрудничестве с Китаем и некоторыми европейскими странами в деле разведки и разработки потенциальных источников энергии на территории Тимора-Лешти. В феврале 2006 г. правительство провело тендер на разработку месторождения «Trough Fields», где были обнаружены крупные запасы нефти и при-

родного газа. Уже в апреле заявки на участие в проекте подали пять компаний: итальянская «ENI», португальская «GALP», бразильская «Petrobras», малайзийская «Petronas» и индийская «Reliance».

В 2008 г. вопросы совместного освоения нефтегазовых месторождений вновь оказались в фокусе двусторонних отношений. На повестке дня оказались перспективы дальнейшего освоения месторождения «Greater Sunrise». Центральным вопросом выступало расположение будущего комплекса по сжижению природного газа — на территории Тимора-Лешти или Австралии. По предварительным оценкам, предприятие должно было приносить ежегодную прибыль в размере 3,6 млрд долл. и многомиллиардные доходы от экспорта СПГ.

В середине 2008 г. оператор проекта австралийская корпорация «Woodside Petroleum» отвергла идею строительства предприятия на Тиморе в связи с неоправданным риском прокладки газопровода по дну Тиморского моря, а также дороговизны проекта. Корпорация настаивала на размещении предприятия по производству СПГ в районе Дарвина или строительстве плавучего завода. Позиция австралийского нефтегазового гиганта вызвала резко негативную реакцию в Дили. Рамуш-Орта, выступая в октябре 2008 г. в законодательном собрании штата Северные Территории, обрушился с жесткой критикой на руководство «Woodside», заявив, что газопровод должен пройти по самому короткому и дешевому пути на Тимор-Лешти. Он также сказал, что «не склонится под давлением миллионеров из правления «Woodside». Я скорее полностью откажусь от «Greater Sunrise», чем сдамся под диктатом кучки нефтяных миллионеров» [O'Conner P., 2008, p. 2].

Официальная Канберра в разгоревшемся споре заняла позицию нейтрального наблюдателя, хотя понятно, что власти вряд ли пошли бы наперекор интересам мощной национальной монополии.

К великому неудовольствию Канберры, с предложением о сотрудничестве Дили обратился к некоторым азиатским странам. Была достигнута договоренность с малайзийской компанией «Petronas» о подготовке технико-экономического обоснования строительства предприятия по сжижению природного газа и дальнейшего развития нефтехимической отрасли на Восточном Тиморе. Государственный секретарь по природным ресурсам Алфреду Пиреш заявил в середине 2008 г., что интерес к инвестированию в строительство такого предприятия проявил Китай, который нуждается в прямых поставках СПГ. В октябре 2008 г. Тимор-Лешти подписал первый прямой контракт о поставке природного газа в Южную Корею с месторождения «Greater Sunrise».

В августе 2008 г. Алкатири предложил свои услуги для переговоров по проекту освоения газа «Greater Sunrise». Предложение последовало после провала встречи Гужмау с Раддом в Канберре. Экс-премьер обвинил действовавшего главу правительства в некомпетентности и мягкотелости. Вскоре Алкатири, опытный переговорщик, получил официальное назначение, но это вызвало бурное недовольство в руководстве НСТР — де-факто правящей партии. Алкатири пришлось отказаться от предложения.

Этот эпизод проиллюстрировал не только остроту момента в двусторонних отношениях с Австралией, но и глубокий раскол и неизжитый антагонизм в восточнотиморской элите.

В июне 2010 г. Канберру с официальным визитом посетил Рамуш-Орта. Формальным поводом для поездки служило открытие нового здания посольства ДРТЛ, построенного на благотворительные взносы, как дара народа Австралии. Но главной темой переговоров с премьер-министром Раддом и встречи в австралийском парламенте стал будущий маршрут газопровода. Президент ДРТЛ обратился к австралийскому премьеру с пожеланием употребить все свое влияние, чтобы убедить компанию «Woodside» и ее партнеров в необходимости прокладки «газовой трубы» на территорию Тимора-Лешти.

Он также обратил внимание на низкую эффективность австралийской помощи. По его словам, лишь небольшая ее часть доходит до адресата, а львиная доля оседает в карманах многочисленных иностранных экспертов, консультантов, плодящих груды докладов и рекомендаций. Характеризуя политическую обстановку в стране, Рамуш-Орта назвал ее «абсолютно спокойной», отметив, однако, что австралийскому контингенту следует остаться до начала 2013 г., т. е. после завершения очередного электорального цикла в стране. Действующий мандат Совета Безопасности ООН истекал в феврале 2012 г. [Cathy A., 23.06.2010].

Сотрудничество с Португалией и членами Сообщества португалоязычных стран

В начале августа 2002 г. независимый Тимор-Лешти официально присоединился к Сообществу португалоязычных (лузофонных) стран (СПС), преследуя конкретную цель — пробить и по возможности расширить окно во внешний мир, отчасти освободиться от слишком тесных объятий Индонезии и Австралии. Это стремление правитель-

ства Алкатири встретило полное понимание Лиссабона. Не следует забывать, что в соответствии с решениями ООН Португалия вплоть до проведения плебисцита 1999 г. формально сохраняла за собой административное управление бывшей колонией. Довести процесс деколонизации до логического завершения, оказать содействие становлению новой государственности Тимора-Лешти было для Лиссабона принципиальным вопросом. Этого же требовали обязательства, вытекавшие из членства в Европейском Союзе, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и СПС. Не в последнюю очередь внимание к Тимору-Лешти стимулировали ностальгические воспоминания лиссабонских властей о былом могуществе португальской колониальной империи, над которой никогда не заходило солнце. И наконец, Лиссабон, конечно, был не против сохранить рычаги влияния на официальные круги Дили.

Инициировав программу официальной помощи развитию (ОПР) Тимору-Лешти, Лиссабон начал с организации в молодой республике португальской судебной системы и применения языка бывшей метрополии в местном судопроизводстве. Это рассматривалось как часть усилий, направленных на государственное строительство и создание институтов гражданского общества Тимора-Лешти, а также было важно с точки зрения программы замены индонезийского языка на португальский в делопроизводстве на всех уровнях. Другим направлением стали меры по укреплению внутренней стабильности: финансирование подготовки военнослужащих Фалинтил — ФДТЛ, выплата пенсий ветеранам сопротивления.

Координировать предоставление «официальной помощи развитию» (ОПР) было поручено Португальскому институту помощи развитию (IPAD), входившему в состав министерства иностранных дел Португалии на правах автономного подразделения. Помощь предоставлялась также через другие министерства. В 1999–2006 гг. Дили ежегодно выделялось в среднем по 43 млн долл. США в порядке безвозмездной помощи, т. е. больше, чем Анголе или Мозамбику [DAC Peer Review..., 2010, p. 44].

В 2002 г., не побоявшись рисков, связанных с хрупкой внутренней стабильностью в ДРТЛ, португальская компания «Portugal Telecom», первая из крупных зарубежных инвесторов, отважилась вложить средства в развитие системы телекоммуникаций, получив взамен право на монопольную деятельность на внутреннем рынке в течение 15 лет.

Волнения, вызвавшие нестабильность в мае 2006 г. в Дили, обеспокоили Лиссабон, не собиравшийся упускать роль главного

международного куратора молодого государства. В португальских властных структурах обладали полной информацией о заказчиках и исполнителях выступлений и не сомневались, что за событиями стояли заинтересованные службы Австралии. Лишнее подтверждение последовало в марте 2011 г. благодаря документам, обнародованным электронным порталом «WikiLeaks». В беседе с одним из американских дипломатов бывший глава внешней разведки Португалии Жоржи Силва Карвалью подтвердил, что его ведомство отслеживало каждый шаг австралийцев и пришло к убеждению, что они спровоцировали беспорядки в Дили с целью создать предлог для международного вмешательства под фактическим руководством Австралии [Australian Interference in East Timor., 23.03.2011].

Португальская дипломатия активно использовала имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, в первую очередь прибегая к поддержке Европейского Союза, ООН и Сообщества португалоязычных стран. В частности, по запросу Лиссабона председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу, бывший глава португальского внешнеполитического ведомства, направил на Тимор-Лешти своего специального представителя. Вернувшись в Брюссель, он рекомендовал предпринять экстренные стабилизационные меры, используя «механизм быстрого реагирования» Евросоюза, расширить штат миссии в Дили и активизировать программу помощи Европейского фонда развития. Было незамедлительно выделено около 4 млн евро на финансирование мер по снижению напряженности и создания «позитивного политического климата» в преддверии выборов 2007 г. Помимо этого Еврокомиссия выделила 3 млн евро на немедленную гуманитарную помощь, еще 18 млн — на социально-экономическое развитие в 2006–2007 гг. [Timor-Leste; EU Commission..., 06.10.2006].

Выступая на заседании Совета Безопасности ООН 15 августа 2006 г., постоянный представитель Португалии Жоау Салгейру заявил, что только ООН может принять необходимые меры по активизации национального диалога в Тиморе-Лешти в интересах восстановления стабильности и проведения в 2007 г. «мирных, свободных и честных выборов». От имени своего правительства он выразил готовность направить на Тимор-Лешти португальский миротворческий контингент, оговорив при этом, что его состав и порядок подчиненности его различных подразделений должен быть более четко прописан в решении Совета Безопасности. Поддержав португальского коллегу, представитель Бразилии выдвинул пожелание, чтобы новый состав стабилизационных сил комплектовался из различных регионов мира с тем, чтобы сохранить нейтральный и беспристрастный

характер участия ООН. Явно намекая на неоправданно завышенную активность Австралии, он выразил мнение, что ранее в подобных случаях существовала тенденция выбирать отдельные государства, назначая их «особо уполномоченными». Бразилия выразила готовность направить на Тимор-Лешти свой военно-полицейский контингент. Следует отметить, что Португалия и Бразилия были ядром группы стран, участвовавшей в разработке решений Совета Безопасности относительно Тимора-Лешти.

На заседании выступил также исполнительный секретарь Сообщества португалоязычных стран. Он проинформировал СБ, что в середине июня в Лиссабоне состоялось экстренное заседание совета министров организации, принявшее политическую декларацию в поддержку обращения властей Тимора-Лешти. Он также сообщил, что 18 июля 2006 г. встреча глав государств и правительств Сообщества в Гвинее-Бисау поддержала курс правительства Тимора-Лешти на сохранение во всех отношениях национального суверенитета. На встрече была подчеркнута задача возможно скорее реформировать силовые структуры ДРТЛ, а также выражена готовность участвовать в этой деятельности [Security Council..., 2006].

Португалия направила 140 военнослужащих республиканской гвардии (военизированной жандармерии) в состав Международных стабилизационных сил (МСС) ООН в Тиморе-Лешти. На португальский контингент была возложена задача охраны первых лиц государства, жизненно важных объектов водо- и электроснабжения. Многонациональные полицейские подразделения в составе МСС также возглавил португалец.

По мнению ряда португальских исследователей, участие в миротворческой миссии стало крупнейшей зарубежной операцией страны и важнейшей частью небывалых прежде дипломатических усилий Лиссабона по обеспечению суверенитета своей бывшей колонии [Pinto, Maria, January 2011].

В связи с тревожными событиями на острове, Лиссабон несколько увеличил помощь, доведя ее до 45 млн долл. США в 2008 г. с перспективой дальнейшего увеличения. Были пересмотрены целевые направления помощи, отныне ее главными задачами стали сокращение уровня бедности населения, реформирование силовых структур ДРТЛ и укоренное развитие системы образования всех уровней [DAC Peer Review., 2010, p. 90–91].

Португалия поддержала готовность Тимора-Лешти вступить в АСЕАН. Во время первого за несколько десятилетий визита главы португальского дипломатического ведомства в Индонезию, состояв-

шегося в мае 2010 г., министр иностранных дел Португалии Луиш Маркеш Амаду выразил надежду, что Джакарта внесет свой вклад в развитие Тимора-Лешти и укрепление региональных и международных позиций молодого государства. В ответ его индонезийский коллега Марти Наталегава отметил, что по воле судеб Индонезию и Португалию связали особые отношения, возникшие на почве проблемы Восточного Тимора. Из дальнейших слов министра явствовало, что Джакарта не против участия Лиссабона в восстановлении хозяйственной и социальной структуры Тимора-Лешти, но не испытывает энтузиазма по поводу того, что Дили станет доверенным лицом Португалии в АСЕАН [The Jakarta Post, 08.05.2010].

В мае 2008 г. в Дили состоялась встреча министров обороны восьми членов СПС, на которой обсуждались вопросы сотрудничества в военной сфере. Главной темой обмена мнениями стали перспективы содействия Португалии и Бразилии обучению и оснащению Фалинтил — ФДТЛ.

Дили активно налаживал дальнейшее сотрудничество с партнерами по СПС, особенно с Анголой и Бразилией. В середине 2011 г. Рамуш-Орта побывал в Луанде и подписал два соглашения о взаимодействии в сферах добычи углеводородного сырья и обеспечения обороны. Ангола предложила также наладить кооперацию в развитии транспортной инфраструктуры той области, в которой она преуспела после окончания гражданской войны. Однако восточнотиморского президента интересовал прежде всего опыт взаимодействия этой страны с иностранными компаниями-подрядчиками, добывающими нефть на морском шельфе. Учитывая ограниченность потенциалов каждой из двух стран, Рамуш-Орта и Жозе Эдуарду душ Сантуш в совместном заявлении высказались за интенсификацию многостороннего сотрудничества в рамках СПС [Martins, Vasco, June 2011, p. 14].

Прочные отношения сложились у Тимора-Лешти с Бразилией, которая последовательно оказывала поддержку процессу продвижения молодой республики к независимости. Вслед за событиями 1999 г. Бразилия направила свой контингент в состав миротворческих сил ООН, а в 2000 г. открыла миссию в Дили. В 2001 г., за год до провозглашения суверенитета ДРТЛ де-юре, страну посетил бразильский президент Фернанду Кардошу, выразивший заинтересованность в установлении с ней полнокровных связей.

В мае 2010 г. Тимор-Лешти и Бразилия подписали соглашение о двустороннем техническом сотрудничестве. Кроме того, бразильцы обязались обеспечить оснащение и подготовку кадров таможенной службы Восточного Тимора. В ходе переговоров Гужмау с действу-

ющим президентом Бразилии Дилмой Русеф в марте 2011 г. стороны договорились об оказании помощи в развитии юридической системы Тимора-Лешти, создании «Casa Brasil-Timor Leste» — культурно-просветительного и информационного центра, а также в оказании содействия в подготовке и повышении квалификации преподавателей португальского языка. Судя по духу и букве совместной декларации, подписанной в бразильской столице, лейтмотивом межгосударственного сотрудничества стала задача освоения Тимором-Лешти опыта строительства Бразилией социально ориентированной государственной системы [Martins, Vasco, June 2011, p. 15].

Отношения с Соединенными Штатами Америки

Перепоручив военно-полицейские функции австралийскому союзнику, США занялись решением не менее ответственной задачи — формирования политической элиты Тимора-Лешти. Через Агентство США по международному развитию (USAID) в течение 1999–2004 гг. Дили было выделено 165 млн долл. в рамках «поддержки гражданского общества, демократических и экономических институтов». Программой 2005–2009 гг. было объявлено содействие превращению Восточного Тимора в «модель для развивающихся стран, зрелую демократию и преуспевающую свободную рыночную экономику». На эти цели было ассигновано около 60 млн долл. [Guide to US., p. 4].

Агентство США по международному развитию и полуправительственный Национальный фонд демократии финансировали американские Международный фонд электоральных систем (IFES), Международный республиканский институт (IRI) и Национальный демократический институт (NDI), которые специализировались на разработке политтехнологий и взращивании активистов «цветных революций». За 2001–2008 гг. названным двум учреждениям было выделено свыше 10 млн долл. на деятельность в Тиморе-Лешти. Формально «IFES» трудился на ниве организации электорального процесса, «IRI» — занимался строительством партийной системы, «NDI» — реорганизацией системы местного управления и привлечением населения отсталой провинциальной глубинки к активному участию в электоральном процессе. В поле особого внимания американских организаций оказались четыре партии: Социал-демократическая ассоциация Тимора, Фретилин, Социал-демократическая и Демократическая [Election and Political Process, February 2008].

Помимо этого, подразделения двух традиционных партий США, поочередно правящих на вашингтонском олимпе, взяли под опеку большинство оппозиционных правительству Фретилин СМИ и неправительственных организаций, задействованных в области правовой защиты, поддержки журналистики и социологических исследований.

Столкнувшись с подобной практикой, кабинет Алкатири издал правительственное распоряжение о запрете иностранным организациям заниматься политической деятельностью. Власти пригрозили депортировать представителей «IRI». Предупреждение последовало после попытки провести опрос общественного мнения на основе анкеты, содержащей провокационные вопросы. Помимо этого, стали известны факты финансовой поддержки «IRI» оппозиционной Демократической партии Тимора-Лешти [Moxham, Ben, 2005].

Активная деятельность, затеянная государственными и полугосударственными структурами США на Восточном Тиморе, явно была следствием недовольства курсом социально-экономической политики Алкатири и его команды. Раздражение в Вашингтоне вызывали неоднократные заявления премьер-министра о привлекательности для Тимора-Лешти модели, испробованной Махатхиром Мохамадом в Малайзии, т. е. политика широкого государственного вмешательства в экономику и принципиальный отказ от помощи МВФ и других международных финансовых институтов в преодолении азиатского кризиса 1997–1998 годов.

Вашингтон же стремился прочно поставить развитие Тимора-Лешти на рельсы неоконсервативной концепции свободного рыночного предпринимательства, упорно навязывая идею, что поощрение частного сектора и неограниченное привлечение иностранного капитала якобы «прольется золотым дождем» в виде резкого ускорения темпов развития, увеличения занятости и ликвидации бедности. Одним из радикальных инструментов рыночных реформ американцами подсаживалась приватизация государственных и общинных земель и создание на этой основе частного агробизнеса, ориентированного на экспортное производство.

При всей возможной привлекательности в теории внедрение этой модели на практике противоречило бы конституции и земельному законодательству ДРТЛ, а ее реализация неизбежно вызвала бы острейший конфликт Фретилин со своей электоральной базой в лице основной массы сельского населения, скорее склонного принять кооперативную, нежели частную собственность на землю.

Роль куратора внешнеполитического ведомства ДРТЛ взял на себя базирующийся в Нью-Йорке Фонд Азии — формально непра-

вительственная организация, ежегодная финансовая смета которой, тем не менее, утверждалась конгрессом США. Фонд открыл представительство в Дили, а в апреле 2011 г. подписал меморандум о содействии в подготовке дипломатических кадров Тимора-Лешти. Проект финансировался Бюро развития демократии, прав человека и труда Государственного департамента и Агентством США по международному развитию. В мае того же года отделение Фонда в Дили провело международный семинар по проблеме членства республики в АСЕАН. На семинар были приглашены такие заметные в академической среде стран Юго-Восточной Азии участники, как, в частности, Деви Фортуна Анвар, политический советник вице-президента Индонезии, и Родольфо Северино, бывший генеральный секретарь АСЕАН.

На постоянную основу было поставлено сотрудничество в оборонной сфере. Тимор-Лешти был подключен к Международной программе военного образования и обучения, курируемой Государственным департаментом США и реализуемой Пентагоном. Обычной практикой стал заход кораблей 7-го флота США в порт Дили, а с 2010 г. американская морская пехота приступила к проведению совместных учений с австралийским контингентом на Тиморе-Лешти с привлечением офицеров Фалинтил — ФДТЛ.

В начале сентября 2012 г. в Дили нанесла блицвизит госсекретарь США Хиллари Клинтон. На совместной пресс-конференции с Гужмау она отметила, что становление демократических институтов требует значительного времени, но от этого выигрывают как непосредственно Тимор-Лешти, так и его соседи и партнеры. В этом страны АСЕАН усмотрели намек на необходимость скорейшего приема молодого государства в группировку и расширения содействия в целях окончательной стабилизации обстановки в стране. Одновременно Клинтон, прибывшая в Дили из Пекина, категорически отрицала, что ее визит вызван обеспокоенностью относительно растущего присутствия КНР на острове [The Star, 06.09.2012].

Тимор-Лешти и Япония

Япония выступила инициатором оказания финансовой и технической помощи Восточному Тимору, организовав в декабре 1999 г. первое совещание международных организаций и стран-доноров в Токио, а также объявив о выделении безвозмездной помощи, рассчитанных на три года, — 130 млн долл. В мае 2006 г. на очередной, шестой по счету встрече доноров японское правительство предоста-

вило очередной комплекс грантов и технической помощи в соответствии с программой официальной помощи развитию ОПР.

Параллельно в 2002–2004 гг. в Тиморе-Лешти работала инженерная группа сил самообороны Японии, задействованная на восстановлении и строительстве объектов транспортной инфраструктуры.

На время событий апреля — мая 2006 г. японская помощь оказалась приостановленной, но затем Токио восстановил предоставление средств примерно по 20 млн долл. в год. Они предназначались для поддержки внутренних беженцев, а также для поставки оборудования при организации и проведении выборов 2007 г.

Проанализировав причины и последствия политического кризиса, Токио определил четыре главные задачи своего политико-экономического присутствия в Тиморе-Лешти: «формирование человеческого капитала», совершенствование инфраструктуры, подъем сельского хозяйства и содействие консолидации основ стабильной государственной власти. Основным препятствием для эффективного использования внешней помощи, с точки зрения Агентства международного сотрудничества Японии, являлась незрелость государственных институтов Тимора-Лешти и их неспособность надлежащим образом распорядиться поступающими финансовыми и техническими ресурсами. На краткосрочную перспективу Токио имел в виду продолжение практики выделения безвозмездной помощи. В дальнейшем, однако, Япония собиралась предоставлять кредиты под согласованные проекты и стимулировать развитие частного предпринимательского сектора в Тиморе-Лешти [Evaluation of Japanese ODA...].

По общему объему реализованной ОПР в 2004–2008 гг. Япония вышла на второе место — 169,6 млн долл., уступив лишь Австралии (277 млн долл.), но опередив США — 125,5 млн долл., Португалию (120 млн долл.) и международные организации (47 млн долл.) [Japan's ODA...].

В феврале 2011 г. во время своего визита в Токио министр финансов Тимора-Лешти Эмилия Пиреш впервые официально поставила вопрос о том, что ДРТЛ нуждается в иеновых займах. Она проинформировала японцев о намерении правительства прибегнуть к ним в рамках реализации Стратегического плана национального развития, а в первоочередном плане — для реконструкции автомобильной дороги Дили — Баукау, второго по величине населенного пункта страны. Пиреш заверила японских партнеров в подготовке правительством надлежащей нормативной базы, политики привлечения и погашения зарубежных долгов. Главным вопросом, инте-

ресовавшим японцев, являлась возможность привлечения активов Нефтяного фонда для погашения задолженности. [Briefing Notes...].

Во время бесед в Академии национальной обороны Японии Пиреш поставила вопрос об укреплении двустороннего военного сотрудничества. На сей раз предметом переговоров стало расширение программ профессиональной подготовки офицерского корпуса Фалинтил — ФДТЛ в Японии. В более широком контексте эту тему затрагивал также Гужмау, посетивший японскую столицу в марте 2009 г. Тогда он обратился с запросом об оказании содействия в создании пограничной службы ДРТЛ [Joint Press Statement...].

Официальные представители Японии и ПР ООН в Дили в августе 2011 г. подписали соглашение о выделении Токио около одного миллиона долл. США на проведение выборов 2012 г. Как предполагалось, финансовые средства поступят в распоряжение Технического секретариата по организации выборов, входящего в структуру министерства внутренних дел ДРТЛ, и будут использоваться на реализацию «проекта восточнотиморского электорального цикла ПРООН».

Тимор-Лешти и интересы Китая

Китай не был новичком в политико-дипломатических баталиях, происходивших вокруг Тимора-Лешти. На первых порах он поддержал эмигрантское правительство ДРТЛ, обосновавшееся в Мозамбике, но уже к концу 70-х годов утратил к нему интерес в связи с отказом от прежних своих идеологических установок и сменой геополитических приоритетов. На том этапе Пекин стремился заручиться поддержкой Индонезии и других стран АСЕАН в начавшемся конфликте с Вьетнамом по поводу Кампучии. С позиций своих внутренних интересов, Пекин выступал против сепаратистских движений в странах Азии, как подающих вредный пример для Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В 1999 г. в Совете Безопасности ООН Китай поддержал решение о направлении миротворческих сил на Восточный Тимор лишь после того, как это официально запросила Джакарта.

На старте нового тысячелетия Китай в своей политике «мягкого наступления» на Юго-Восточную Азию и глобальной «холодной войны» за обладание энергетическими и другими минеральными ресурсами отводит Тимору-Лешти определенную нишу. Кроме того, Тимор-Лешти, наряду с Папуа–Новой Гвинеей и островными государствами Тихого океана, интересовал пекинскую дипломатию с точки

зрения возможности «покупки» их голосов в ООН и других международных организациях в обмен на предоставление мизерной финансово-экономической помощи по сравнению с растущими валютными резервами КНР.

Китай стал первым азиатским государством, признавшим и установившим дипломатические отношения с ДРТЛ. Еще накануне этого события последовало заявление Гужмау о приверженности Дили политике «одного Китая» и признания КНР «надежным другом». В ответ в 2000 г. последовало выделение безвозмездной помощи в размере 10 млн. долл. Одним из первых дипломатических представительств за рубежом, открытых Тимором-Лешти, стало посольство в Пекине, а первым послом был назначен Олимпиу Миранда Бранку, ранее занимавший пост первого заместителя министра иностранных дел. Сам по себе этот факт говорил о том, какую важность придают власти молодой республики отношениям с Поднебесной. Со своей стороны, Пекин направил в Дили своим послом Су Чжана, имевшего ценный опыт работы в португальязычных странах Африки.

Заметную роль в деле связей играл «лузофонный канал», т. е. Форум торгового и экономического сотрудничества между КНР и португальязычными странами, созданный по китайской инициативе в 2003 г. со штаб-квартирой в Макао. Хотя первоначально Форум был задуман как постоянно действующая площадка для переговоров на высшем уровне, круг охваченных им участников ограничивался лузофонными странами Африки и Бразилией, этот формальный ограничитель ни в коей мере не помешал распространению деятельности организации на Тимор-Лешти [Mendes, Nuno Canas, p. 7].

В сентябре 2006 г. на очередном саммите Форума Китай предоставил Тимору-Лешти беспощадный режим в торговле, впоследствии оформленный как торговые преференции, предоставляемые наименее развитым странам в рамках отношений «Юг — Юг».

Однако Дили интересовали не столько вопросы торгового обмена — торговать с Китаем было нечем, кроме кофе — сколько китайская финансовая помощь и инвестиции. В конце 2005 г. КНР оказала помощь в размере 6,2 млн долл., что было намного меньше вклада основных доноров — Португалии, Японии, Австралии, США и Евросоюза.

В 2004 г. было заключено соглашение о проведении китайской компанией «PetroChina» сейсмической разведки на нефть и газ на сухопутной территории острова с перспективой строительства путепровода на северное побережье для дальнейшего экспорта в КНР.

Во второй половине 2007 г. Китай инвестировал средства в развитие современного рисоводства. Во время посещения Дили группа китайских инвесторов предложила целый ряд проектов, в том числе — открытие коммерческого банка, создание зон приграничной торговли, реконструкцию морских портов, шоссе и дорог и аэропортов [Mendes, Nuno Canas, Spring 2009, p. 8].

В середине 2008 г. китайское правительство согласовало с правительством Гужмау проект сооружения двух электростанций в центральной части острова и на южном побережье. Однако проект был опротестован в апелляционном суде фракцией Фретилин в парламенте из-за множества финансовых и других нарушений. Он был подписан без проведения государственного тендера, а сметная стоимость (390 млн долл.) превышала верхнюю планку бюджетных ассигнований, изымаемых из средств Нефтяного фонда. Кроме того, условия контракта, предусматривавшие 50-летнюю аренду земли под строительство, противоречили национальному законодательству, которое ограничивало срок аренды для иностранных физических и юридических лиц 30 годами. Не исключалось также, что китайские партнеры намеревались поставить морально устаревшее оборудование, одновременно навесив на бюджет дополнительное бремя в виде импорта китайского жидкого топлива [Crook, Matt, 05.12.2008].

Тем временем Дили украсили здания новой резиденции президента и министерства иностранных дел ДРТЛ, возведенные как дар от правительства КНР. В новое здание переехала китайская дипломатическая миссия в Дили. Намечалась сдача «под ключ» штаб-квартиры Фалинтил — ФДТЛ и крупного жилого комплекса для военнослужащих.

Во время проведения саммита Китай — СПС в ноябре 2010 г. премьер Государственного совета КНР Вэн Цзябао подтвердил Рамушу-Орте «готовность Китая продолжать поддержку Тимора-Лешти в области обеспечения стабильности и всесторонней успешной жизнедеятельности». Китайский лидер заявил также о намерении продолжать двустороннее сотрудничество в сферах разработки природных ресурсов, развития инфраструктуры, аграрного производства и профессиональной подготовки. [Chinese Premier, 14.11.2010].

В апреле 2008 г. был отмечен новый рубеж в становлении двустороннего военно-технического сотрудничества. Прежде КНР только поставляла униформу и строила комплекс новых зданий Фалинтил — ФДТЛ, а теперь был подписан контракт на поставку двух патрульных кораблей и обучение их экипажей. Таким образом, число

судов береговой охраны ДРТЛ увеличилось вдвое: ранее в ее распоряжении находилось два катера береговой охраны, подаренных Португалией. Действительно, назрела острая необходимость укрепления морских рубежей протяженностью 870 км. Молодая республика несла крупные издержки от морского браконьерства и контрабанды.

На первый взгляд эта вполне заурядная сделка была воспринята в Канберре настороженно. Здесь расценили ее как первый шаг к последующему закреплению военно-политического присутствия Китая в зоне особых интересов Канберры. Австралийский политолог Кейт Рид-Смит, бывшая сотрудница военной разведки, ставшая ведущим специалистом по внешней политике КНР в Университете штата Северные Территории, выразила мнение, что в обмен на доступ к нефтегазовым ресурсам Тимора-Лешти Пекин способен предоставить Дили современные системы оружия, использовать остров как неподтопляемую дозорную площадку непосредственно у северных берегов «пятого континента».

Следуя этой логике, Рид-Смит и другие австралийских аналитики вспомнили о стратегическом значении пролива Омбай-Ветар, соединяющего Тихий и Индийский океаны и служащего для глубоководного прохода подводных лодок различных классов. На этом основании делался далекоидущий вывод, что в будущем пролив может стать узлом гипотетического конфликта между Австралией и США, с одной стороны, и Китаем, взявшим курс на освоение океанических просторов, — с другой [Poprzeczny, Joseph, March 2007].

В мае 2011 г. благодаря сведениям, просочившимся в австралийские СМИ из дипломатической переписки посольства США в Дили, стало известно, что в конце 2007 г. представители КНР зондировали возможность сооружения на северном побережье Тимора системы электронного мониторинга судоходства в проливе Омбай-Ветар, формально в целях борьбы с незаконным морским промыслом. На том основании, что систему должны были обслуживать исключительно китайские специалисты, заместитель премьер-министра ДРТЛ Жозе Гутерреш, к которому обращались китайцы, пришел к выводу, что, получив опорный пункт в Тиморе-Лешти, Китай планировал расширить сеть своей электронной разведки в Юго-Восточной Азии и Австралии. После консультаций с американскими и австралийскими должностными лицами предложение Пекина было отклонено.

Ранее президент Рамуш-Орта, Жозе Гутерреш и государственный секретарь обороны Хулиу Пинту часто заявляли о своей «приверженности продолжению сотрудничества с демократическими стра-

нами — Австралией, США, Португалией и Японией в вопросах обороны и безопасности». В октябре 2008 г. Гужмау заверил американских дипломатов в Дили, что закупка китайских патрульных катеров была идеей кабинета бывшего премьера Алкатири, свое же согласие на контракт он, Гужмау, дал лишь после твердых гарантий, что военно-морская техника будет использоваться под командованием восточнотиморцев и исключительно для пресечения широко-масштабного браконьерства [The Age, 10.05.2011].

Эволюция отношений с АСЕАН

Отношение лидеров Тимора-Лешти к Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) быстро эволюционировало. На первых порах большинство бывших руководителей восточнотиморского сопротивления однозначно воспринимали АСЕАН как союзницу режима Сухарто и по этой причине решительно отвергали какое-либо сотрудничество с ней. Дили видел свое естественное место в рядах Южно-Тихоокеанского форума, организации стран меланезийской расы, к которой принадлежала значительная доля жителей страны. В свое время Рамуш-Орта даже пригрозил кампанией гражданского неповиновения, если Малайзия, член АСЕАН, возглавит международные миротворческие силы ООН.

Со временем, однако, в руководстве Восточного Тимора произошли существенные подвижки. Лидеры переходного правительства заговорили о возможности рассмотреть идею получения статуса наблюдателя, а в обозримом будущем обсудить вопрос о полномочном членстве в Ассоциации.

В декабре 2000 г. все точки под «i» поставил Рамуш-Орта, заявивший, что отношения с АСЕАН станут первостепенным по значимости направлением внешней политики будущей независимой ДРТЛ. Такой подход, подчеркнул он, определяется не коммерческими соображениями, а диктуется нуждами упрочения безопасности Тимора-Лешти [Seabra, P., March 2011, p. 16].

На основании этого заявления напрашивался вывод, что асеновская «десятка» интересовала Дили не как финансовый донор или торговый партнер, а как дееспособный механизм поддержания благоприятного регионального климата для становления национальной государственности Восточного Тимора в нестабильный переходный период.

Смену вектора в региональной политике Дили практически без оговорок поддержала дипломатия Джакарты. Индонезия, стремясь преодолеть наследие правления Сухарто, желала бы избавиться от прежнего имиджа экспансионистской державы-захватчицы Восточного Тимора. Ее партнеры по АСЕАН, со своей стороны, не спешили раскрыть перед Дили свои объятия. В 2002 г. ДРТЛ был представлен статус наблюдателя с правом участия в мероприятиях АСЕАН на правах гостя председательствующей страны. В 2005 г. Тимор-Лешти стал членом Регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), а в начале 2007 г. поставил свою подпись под Договором о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Два года спустя, для того чтобы ускорить подготовку к вступлению в Ассоциацию, в Дили был учрежден Национальный комитет АСЕАН. В помощь внешнеполитическому ведомству Дили был командирован Агус Тармидзи, опытный дипломат, ранее представлявший Индонезию при специализированных организациях ООН в Женеве. Все перечисленные действия должны были продемонстрировать государствам — основателям АСЕАН твердое намерение Восточного Тимора обрести статус полноправного члена этой региональной группировки.

На первых порах роль пионера в сближении между АСЕАН и Тимором-Лешти взяла на себя Малайзия. В феврале 2000 г. лидеры переходного правительства Восточного Тимора, совершавшие турне по Юго-Восточной Азии, встретили наиболее радушный прием в Путраджае, заручившись готовностью Малайзии содействовать в подготовке дипломатических кадров будущего государства. Помимо этого, малайзийцы проявили интерес к инвестированию в нефтегазовый сектор Восточного Тимора.

В феврале 2001 г. министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар был первым высокопоставленным представителем члена Ассоциации, посетившим Дили. А в октябре 2003 г. малайзийский премьер-министр Махатхир Мохамад стал первым главой страны АСЕАН, не считая Индонезии, нанесшим официальный визит в Тимор-Лешти.

Однако после отставки Махатхира интерес к Тимору-Лешти во властных структурах Малайзии поубавился. За собой Малайзия закрепила функцию подготовки управленческих кадров ДРТЛ, владеющих индонезийским языком, родственным официальному языку Малайзии.

На протяжении нескольких последующих лет эмиссары самого высокого ранга ДРТЛ осуществляли челночную дипломатию с целью добиться расположения индивидуальных членов асеановской «десятки». Особое внимание было уделено Сингапуру, который раньше рас-

сма­три­вал­ся как воз­мож­ная модель раз­ви­тия са­мо­го Ти­мо­ра-Леш­ти и ко­то­рый вы­ра­жал боль­шие сом­не­ния от­но­си­тель­но це­ле­со­об­раз­но­сти его скорей­ше­го при­е­ма в Ас­со­ци­а­цию. В Син­га­пуре по­ла­га­ли, что при­со­еди­не­ние са­мой бед­ной стра­ны ре­ги­она с не­ус­той­чи­вы­ми ин­сти­ту­та­ми го­су­дар­ствен­ной вла­сти за­тор­мо­зит фор­ми­ро­ва­ние Эко­но­ми­че­ско­го со­об­щес­тва АСЕАН, на­ме­чен­но­го на 2015 г. Оно и так про­бук­со­вы­ва­ло из-за осо­бой по­зи­ции «но­вых» чле­нов Ас­со­ци­а­ции — Вьет­на­ма, Кам­бод­жи, Ла­оса и Мьян­мы.

Вла­стям ДРТЛ при­шлось у­ме­рить кри­ти­че­ские за­яв­ле­ния по по­во­ду во­ен­но­го ре­жи­ма Мьян­мы и от­ка­зать­ся от пуб­лич­ной под­дер­жки ли­де­ра оп­по­зи­ции Аун Сан Су Джи. Ти­мо­р-Леш­ти вы­де­лил 500 тыс. долл. для по­мо­щи жер­твам тро­пи­че­ско­го цик­ло­на «Нар­гиз». В и­то­ге дву­сто­рон­ние от­но­ше­ния с АСЕАН во­шли в нор­маль­ное ру­сло, а Ней­п­и­до снял воз­ра­же­ния в от­но­ше­нии при­е­ма Ти­мо­ра-Леш­ти в АСЕАН.

Ра­му­ша-Ор­ту, по­се­тив­ше­го Пном­пень в мар­те 2011 г., ли­де­р Кам­бод­жи Хун Сен, ко­то­ро­му пред­сто­яло пре­седать­ство­вать в АСЕАН в 2012 г., за­ве­рил, что бу­дут сде­ла­ны все не­об­хо­ди­мые при­го­тов­ле­ния, что­бы при­нять де­ле­га­цию Ти­мо­ра-Леш­ти до­стой­но, как пол­но­прав­но­го чле­на Ас­со­ци­а­ции.

При по­се­ще­нии сто­лиц го­су­дарств АСЕАН восточ­но­ти­мо­рские ди­пло­ма­ты стре­ми­лись по воз­мож­но­сти учить­вать раз­но­гласия, имев­шие­ся в ря­дах Ас­со­ци­а­ции, иг­рать по при­ня­тым пра­ви­лам и тер­пе­ливо ожи­дать, ко­гда во­прос о ДРТЛ до­й­дет до фи­наль­ной ста­дии об­суж­де­ния. К маю 2010 г. Ра­муш-Ор­та имел ос­но­ва­ние за­явить, что, опира­ясь на пол­ную под­дер­жку Джакарты, Ди­ли за­ру­чил­ся со­гласи­ем Вьет­на­ма, Кам­бод­жи, Ма­лай­зии, Мьян­мы, Син­га­пу­ра, Таи­ланда и Фи­липпин. Та­ким об­ра­зом, на­личие бла­го­же­ла­тель­ной по­зи­ции вось­ми из де­ся­ти учас­тни­ков АСЕАН вну­шало вы­со­кую сте­пень оп­ти­ми­зма [Seabra, P., March 2011, p. 11].

Ли­де­ры ДРТЛ по­пы­та­лись вос­поль­зо­вать­ся пре­седать­ством Ин­донезии в АСЕАН в 2011 г. В мар­те было по­да­но офи­ци­аль­ное за­яв­ле­ние с про­сь­бой рас­смот­реть во­прос о член­стве Ти­мо­ра-Леш­ти в груп­пировке.

В се­ре­дине мая 2011 г., в день от­кры­тия сам­ми­та АСЕАН в Джакарте, Ра­муш-Ор­та про­звел за­клю­чи­тель­ный про­па­ган­дист­ский залп. Он опу­бли­ковал на са­й­те Форума Вос­точ­ной Азии, по­пу­ляр­ной в по­ли­то­ло­гиче­ских кру­гах дис­кус­сион­ной три­бу­ны На­ци­о­наль­но­го уни­вер­си­те­та Ав­стра­лии, ста­тью «Почему Ти­мо­р-Леш­ти дол­жен при­со­еди­ниться к АСЕАН сей­час».

Глав­ные до­во­ды ав­то­ра: гео­гра­фиче­ская при­над­ле­ж­ность Ти­мо­ра к Юго-Вос­точ­ной Азии и по­зи­ция Ин­донезии, хозяйки прове-

дения саммита, выступающей за скорейшее принятие в АСЕАН Тимора-Лешти. Лишь Сингапур, пишет автор, в принципе не возражая против такого решения, считает, что претендент пока не вполне готов к полноправному членству. На этот счет у Рамуша-Орты были свои контраргументы: удачи страны в социально-экономической сфере, формировании дееспособных институтов государственной власти и обеспечении гражданских свобод. Рамуш-Орта особенно указывал на то, что начиная с обретения независимости Тимор-Лешти стремился строить свою внешнюю и оборонную политику с учетом интересов соседей, поддерживал их в ООН и ее специализированных организациях.

Суммируя изложенное, президент ДРТЛ подчеркнул, что его страна готова вступить в АСЕАН в текущем или следующем году. «Мы признаем, что у нас много слабых мест и упущений. Но АСЕАН может принять Тимор-Лешти уже сейчас, отпустив ему пять или десять лет на то, чтобы догнать более передовые страны-участницы. Такое решение оправданно, учитывая имеющуюся практику расширения состава участников Ассоциации или опыт Европейского Союза, который принимал новые государства и помогал им выйти на уровень, необходимый для выполнения принятых обязательств. Партнеры по АСЕАН не должны беспокоиться по поводу материальных затрат. Тимор-Лешти не просит ни экономической, ни финансовой поддержки» [Ramos-Horta, 16.05.2011].

Как и предполагалось, собравшийся в середине мая 2011 г. в Джакарте саммит АСЕАН не принял решения о приеме Тимора-Лешти. Главы государств и правительств «десятки», судя по итоговым документам, лишь согласились с необходимостью дальнейшего обсуждения заявки кандидата. Дальнейшая проработка вопроса, в соответствии с принятой в Ассоциации процедурой, была поручена Координационному совету глав дипломатических ведомств стран-участниц для окончательной подготовки надлежащих рекомендаций к встрече в верхах, запланированной на ноябрь 2011 г.

Положительное решение вопроса было заблокировано Сингапуром. Лидеры наиболее продвинутого в экономическом отношении государства региона открыто сетовали на поспешное, по их заключению, расширение состава Ассоциации, что несколько затормозило трансформацию АСЕАН в однородную экономическую группировку. Учитывая, что решения в АСЕАН принимаются по принципу консенсуса, Тимор-Лешти, ставший полноправным членом, мог стать еще одним «камнем на шее» при продвижении к Экономическому сообществу АСЕАН. А это, по мнению Сингапура, было бы недопустимой роскошью

в условиях, когда по соседству выросли такие экономические гиганты, как Китай и Индия. Более того, прием Тимора-Лешти создал бы крайне нежелательный прецедент для Папуа–Новой Гвинеи, уже имеющей статус наблюдателя в АСЕАН. В конечном счете, вместо того чтобы динамично продвигаться вперед, АСЕАН окончательно погрязла бы в «болоте» согласования решений с наименее развитыми странами этой части света. Формально свою негативную позицию Сингапур объяснил тем, что у правительства Дили пока нет возможностей наравне с другими партнерами участвовать в многочисленных разноплановых мероприятиях, ежегодно проводимых в странах «десятки».

Несмотря на устные заверения, страны «северного квартета» АСЕАН также не стали ломать копыя в поддержку Восточного Тимора. Вьетнам исходил из того, что вступление Тимора-Лешти приведет к ослаблению «десятки» перед лицом наступления Китая, остальные же члены «квартета» опасались, что, приняв нового «бедного родственника», они снова отодвинут на неопределенную перспективу выполнение согласованных планов выравнивания уровней социального и экономического развития «старых» и «новых» членов Ассоциации [Wain, Barry, 05.05.2011].

Приняв участие в очередной министерской встрече стран АСЕАН, собравшейся в июле 2011 г., министр иностранных дел ДРТЛ Закариаш Албану да Кошта подтвердил готовность Дили вступить в Ассоциацию. Отправившись с визитом в Сингапур, он проинформировал город-государство, что в Дили разработана «дорожная карта» полноправного присоединения к «десятке». Да Кошта старался убедить сингапурского коллегу, что Тимор-Лешти может стать стратегическим мостиком, соединяющим Юго-Восточную Азию с Тихоокеанским бассейном и лузофонным сообществом, простирающимся на все континенты [Foreign Minister..., 23.06.2011].

С учетом сохранявшихся возражений со стороны Сингапура в ноябре 2011 г. во время очередного саммита АСЕАН на Бали было принято решение создать рабочую группу в составе Координационного совета АСЕАН, которая определит критерии участия молодого государства в Ассоциации. Министр иностранных дел ДРТЛ Жозе Луиш Гутерреш, со своей стороны, заявил, что правительство предпринимает всевозможные усилия, дабы создать условия для членства страны в «десятке». В частности, был создан пост государственного секретаря по делам АСЕАН [The Brunei Times, 12.09.2013].

Однако из-за сохранявшегося противодействия Сингапура вопрос о приеме ДРТЛ был отложен, по крайней мере, до 2015 г., т. е. времени создания Сообщества АСЕАН.

Участие в глобальной дипломатии

В начале 2010 г. Тимор-Лешти попытался принять на себя роль лидера Группы-7+ (g7+). Ее членов объединяли сходные черты: слабость институтов государственного управления, крайне низкий уровень жизни основной массы населения, перманентный кризис хозяйства или экономический застой. Помимо Тимора-Лешти в группу вошли Афганистан и Непал в Азии, Гаити в Карибском бассейне, Бурунди и Демократическая Республика Конго в Африке, Соломоновы острова в Океании, а также некоторые другие.

В апреле 2010 г. Группа-7+ провела в Дили «Международный диалог по миротворчеству и государственному строительству» с целью приступить к разработке подходов к обновлению системы международных отношений на основе декларации «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ), принятой ООН в сентябре 2000 г.

Были приняты Декларация и Заявление, в которых отмечалось, что отсутствие политической стабильности и конфликты стали главными препятствиями в достижении ЦРТ. В документах указывалось, что ради поставленных целей международное сообщество должно сконцентрироваться на урегулировании и предотвращении внутренних конфликтов. По словам министра финансов ДРТЛ Эмили Пиреш, председательствовавшей на совещании, «мы на собственном опыте знаем, что достижение ЦРТ невозможно без мира и стабильности» [Thaler, K., p. 15].

В Декларации дилийской встречи отмечалось также, что она должна стать площадкой для диалога между «неустойчивыми» («fragile») странами и членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в соответствии с принятыми в 2007 г. ОЭСР руководящими принципами развития взаимоотношений с данной, наиболее неблагополучной категорией стран. Участники встречи в Дили особенно указывали на содействие государственному строительству в этих странах, на необходимость учета их национальных особенностей, на потребность создания скоординированной системы предоставления международной помощи, исключающей дублирование отдельными донорами. Сотрудничество на базе данных принципов вполне устраивало Тимор-Лешти и его партнеров по «g7+» [Dili Declaration, 08.04.2010].

В начале 2011 г. вскрылся исподволь назревавший конфликт между правительством Гужмау и ООН. Непосредственным поводом послужила публикация местным еженедельником «Темпо

Semanal» выдержек из доклада ИМ ООН Т, посвященного перспективам дальнейшего развития Тимора-Лешти. Документ был подготовлен к заседанию Совета Безопасности ООН, посвященному вопросу о продлении мандата ИМ ООН Т после 2012 г. В нем, среди прочего, содержались выводы, что премьер-министр Гужмау ведет политику концентрации власти в своих руках, что грозит ограничением роли парламента и нарушением принципа верховенства закона. Публикация просочившейся информации вызвала острое недовольство во властных структурах Тимора-Лешти, под воздействием которой ИМ ООН Т поспешила дистанцироваться от выводов доклада, назвав документ одним из вариантов анализа ситуации.

Тем не менее, выступая в середине мая 2011 г. по случаю 9-й годовщины восстановления независимости ДРТЛ, Гужмау обрушился с ожесточенной критикой на ООН и ее миссию на Тиморе-Лешти. Он обвинил ООН в неэффективности проводимых миротворческих операций во многих регионах мира, включая Афганистан и Палестину, а также в контрпродуктивности предоставляемой помощи. Наглядным примером неэффективности помощи ООН премьер назвал Тимор-Лешти, особо отметив, что в 2000–2008 гг. было израсходовано свыше 8 млрд долл. в виде международной помощи, не давших, однако, ощутимых материальных результатов. Более того, уровень бедности в стране не только не снизился, а наоборот — возрос. Гужмау отметил, что ООН превратилась в огромную бюрократическую машину, требующую кардинального реформирования. Непосредственно ИМ ООН Т лидер ДРТЛ обвинил в том, что она заинтересована в продолжении кризиса, иначе ее многочисленные чиновники лишились бы высоких денежных окладов и других привилегий [Gusmao Accuses UN., 20.05.2011].

Для полной объективности нельзя не отметить, что на начало 2011 г. ежегодный бюджет ИМ ООН Т составлял 200 млн долл. Ее штат состоял из 1397 полицейских чинов и военных советников из различных стран, 377 международных чиновников различного ранга, 894 принятых на работу граждан ДРТЛ и 164 волонтеров.

Заключение

Государственное строительство Восточного Тимора началось с череды последовательных шагов, направленных на расширение доли участия граждан в самоуправлении. Первым актом стало создания Национального совета (декабрь 1999 г.), затем — формирование переходной администрации и объединенного исполнительного кабинета под эгидой ООН (октябрь 2000 г.). В октябре того же года эти органы управления сменил Национальный совет, целиком состоявший из восточнотиморцев. После выборов в Конституционную ассамблею в августе 2001 г. было сформировано второе переходное правительство, преобразованное вскоре в Совет министров ДРТЛ. Тогда же Конституционная ассамблея получила статус Национального парламента. 20 мая 2002 г. ООН передала всю полноту полномочий президенту Шанане Гужмау.

После восстановления независимости в Тиморе-Лешти продолжалось национальное и государственное строительство. За относительно короткий срок была принята конституция республики, проведены президентские, парламентские и местные выборы, созданы институты государственного управления, сформировалась система политических партий и организаций. Первое правительство, возглавляемое Фретилин, приняло план национального развития, получивший высокую оценку в мире как пример стратегии борьбы с бедностью в постконфликтных странах третьего мира. План стал компасом макроэкономического развития страны в целом и отдельных отраслей народного хозяйства в частности. Неоспоримой заслугой правительства Алкатири стали разработка и утверждение закона о Нефтяном фонде, определившего юридические рамки использования доходов от нефтегазового сектора на основе принципа транспарентности.

В то же время власти не смогли продвинуться в решении таких кардинальных проблем, как безработица среди молодежи, низкий уровень доходов на душу населения и крайняя отсталость аграрного сектора. Эти проблемы усугубляли социальную и политическую на-

пряженность, приведшую к возникновению кризиса в 2006 г. Формированию взрывоопасной ситуации в значительной мере способствовали также глубокий раскол в правящей элите, вооруженных силах и других силовых структурах.

Кризис нанес тяжелый удар по социально-экономическому развитию страны. Практически были перечеркнуты даже те позитивные перемены, которых удалось достигнуть в 2002–2006 гг. В крутое пике вошли темпы экономического развития во всех отраслях (кроме нефтегазового сектора), оказалась парализована социальная сфера, еще резче обострилась ситуация на рынке труда. Уровень доходов на душу населения в 2007 г. оказался на 20% ниже предшествовавшего года и даже не достиг отметки 2002 г. — года восстановления независимости ДРТЛ. Во временных лагерях оказалось около 150 тысяч беженцев.

Придя к власти на гребне волны нестабильности, IV конституционное правительство, возглавляемое «Большим Братом» Кайем Рала Шанана Гужмау», как его стали официально величать в партийных документах НКРТ, занялось ключевыми задачами выправления посткризисной ситуации. Первоочередное внимание было обращено на укрепление общественного порядка и обеспечение социальной защищенности населения (выплата компенсаций пострадавшим в ходе событий 2006 г., предоставление дополнительных пособий и индексация пенсий), а также на меры по повышению эффективности работы государственно-административных учреждений.

Правительство разработало Стратегический план национального развития на период 2011–2030 гг. В документе было заявлено о стремлении к достижению целей «Программы Тысячелетия ООН», были отдельно сформулированы узловые направления правительственной политики до 2020 г., а также параметры инвестиционной деятельности до 2015 г. «Команда Гужмау» установила ориентиры на ближайшую перспективу:

- повышение уровня начального и профессионально-технического образования;
- укрепление судебной системы;
- расширение доступа к квалифицированной медицинской помощи;
- децентрализация государственно-административного управления и реформирование органов местного самоуправления;
- продолжение реформы основных силовых структур, повышение профессиональной подготовки военнослужащих и сотрудников полиции.

После прихода к власти правительства АПБ была существенно скорректирована финансовая политика. Она обозначилась в середине 2008 г. с внесением поправок в проект государственного бюджета, предусматривавших заимствования из активов Нефтяного фонда сверх установленного законом лимита в размере трех процентов его текущего баланса («estimated sustainable income — ESI»). Его также не устраивало положение закона, предусматривавшее размещение до 90% активов Фонда в ценных бумагах казначейства США.

Используя большинство мест в парламенте, правительство продолжило избранный курс. В частности, государственный бюджет увеличился со 100 млн долл. в 2005 до почти 1 млрд долл. в 2010 г. Власти рассчитывали следовать по избранному пути в дальнейшем, по крайней мере, до 2015 г., когда будут подводиться итоги достижения ЦРТ.

Не останавливаясь на достигнутом, правительство Гужмау в середине 2011 г. внесло в парламент проект поправок к закону, идущих гораздо дальше его простой корректировки. В случае их одобрения исполнительная власть получила бы право распоряжаться активами Фонда без контроля парламента. Правительство и управляющая финансово-юридическая компания получили бы полномочия размещать активы Фонда на международных финансовых рынках. В качестве консультантов по этому вопросу министр финансов ДРТЛ Эмилия Пиреш пригласила Джеффри Сакса, бывшего высокопоставленного чиновника Всемирного банка, и американскую консультативную фирму «Towers Watson».

Некоторые экономисты, как, например, Тим Андерсон, специалист в области политэкономии Сиднейского университета, принимавший участие в подготовке закона о Нефтяном фонде, расценили подобный выбор как, мягко говоря, не совсем удачный. Было известно, что Сакс являлся сторонником теории «больших денег», т. е. наращивания государственных расходов для стимулирования дальнейшей экономической активности. Однако эта идея проверялась в странах с развитой экономикой в период рецессий и никогда не применялась к развивающимся государствам, тем более таким, как Тимор-Лешти, находившийся в фазе посткризисного становления. С другой стороны, за «Towers Watson», придерживавшейся стратегии агрессивного инвестирования на фондовых рынках, тянулся длинный шлейф судебных исков по обвинению в некомпетентности. К тому же время выхода на международные финансовые рынки, отмеченные повышенной нестабильностью, также было выбрано неудачно [Anderson, Tim, 17.07.2011].

Продолжая избранный курс, правительство Гужмау в сентябре 2009 г. провело через парламент закон об управлении финансами и бюджетом, который предоставил ему право заключать соглашения о внешних займах. В 2010 г. власти приступили к переводу части активов Нефтяного фонда, размещенных в ценных бумагах казначейства США, в государственные облигации. Разработанный правительством Стратегический план национального развития предусматривал не только постоянный рост заимствований из Нефтяного фонда и привлечение иностранных кредитов, но также в долгосрочной перспективе — выпуск государственных долговых обязательств.

С большой степенью вероятности можно было предположить, что значительный рост государственных расходов и привлечение внешних заимствований неизбежно были сопряжены с ростом коррупции, где правящая элита была весьма далека от необходимости соизмерять амбиции и интересы с правовыми ограничителями. Об этом наглядно свидетельствовали факты последних лет.

Де-факто правящая партия — Национальный конгресс реконструкции Тимора (НКРК) испытывала насущную потребность в дополнительной финансовой подпитке в преддверии подготовки к очередному электоральному циклу 2012 г., включая проведение широких популистских мер для завоевания голосов избирателей. По выражению Тима Андерсона, Нефтяной фонд стал похож на «наполненный медом пчелиный улей, вокруг которого кружат жалящие полакомиться медведи». [Anderson, Tim, 17.07.2011].

По мнению Гутериану Невиша, сотрудника Института «La'o Namatuk», нефть и газ превратились для страны из «благодати в проклятие». Ссылаясь на данные Управления банков и платежей ДРТЛ, он отмечал, что до 70% правительственных расходов «улетучивались» из страны в виде оплаты импорта. В 2010 г. дефицит торгового баланса страны достиг 881 млн долл. по сравнению с 297 млн долл. в предыдущем году. Иначе говоря, нефтедоллары шли мимо целей развития национального хозяйственного потенциала, включая становление основ импортозамещающих производств [Neves, Guteriano, 01.09.2011].

«Бомбой замедленного действия» оставался высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. Подростки в возрасте до 14 лет составляли около 45% населения страны. Даже развитие газоперерабатывающей отрасли, высокотехнологичной, но не трудоемкой, не было способно обеспечить существенное увеличение числа новых рабочих мест. Острота этой проблемы создавала устойчивые предпосылки для социального взрыва.

В сфере внешней политики периодические вспышки внутренней нестабильности, сотрясавшие Тимор-Лешти за недолгое время после мая 2002 г., вынуждали правящие круги делать постоянные реверансы в сторону государств, военно-полицейские контингенты которых участвовали в миротворческих операциях. Властям приходилось балансировать в узком пространстве, выбирая между текущими потребностями страны для ее национального выживания и долгосрочными стратегическими интересами.

Вполне естественно, что стабилизация внутривнутриполитической обстановки в Дили вновь позволила заговорить о необходимости вернуть функцию обеспечения безопасности собственным силовым структурам. Любое государство не может считаться суверенным, если оно неспособно обеспечить свою безопасность собственными силами. Понятно также, что готовность политического руководства ДРТЛ наглядно продемонстрировать такую способность серьезно повышало его международный статус.

В этом контексте предстоявшие в 2012 г. парламентские и президентские выборы рассматривались как финальная точка присутствия международных стабилизационных сил на острове, как свидетельство зрелости и дееспособности институтов государственной власти страны. В том же ключе действовала принятая в конце февраля 2011 г. резолюция Совета Безопасности ООН, лишь на год продлившая мандат ИМ ОО НТ. (На конец марта 2011 г. ее штат составлял 1364 человека полицейского персонала и 33 офицера связи из 38 стран.)

Предстоявшие выборы вызвали растущее внимание к Тимору-Лешти со стороны соседних государств, в первую очередь Австралии. Выше отмечалось, что в превентивном порядке Австралийский институт стратегической политики подготовил доклад, содержащий рекомендации относительно линии поведения Канберры на Тиморе-Лешти после ухода отсюда миротворцев ООН. Доклад указывал на нежелательность полного вывода австралийского контингента в связи с сохраняющейся возможностью нового резкого обострения внутривнутриполитической ситуации в Тиморе-Лешти. Предлагалось сохранить небольшой по численности контингент быстрого реагирования, который не составляло бы труда оперативно пополнить в случае необходимости.

Столь мрачная, но достаточно реалистичная оценка ситуации вызвала незамедлительную негативную реакцию президента Рамуша-Орты и генерала Таура Матан Руака, заявивших, что не видят оснований в продлении сроков пребывания в стране австралий-

ских военных. В апреле 2011 г. в Дили побывал министр обороны Австралии Стэфен Смит, формально — чтобы участвовать в праздновании 10-й годовщины подписания двустороннего соглашения о сотрудничестве в сфере обороны, а фактически — опровергнуть информацию о якобы принятом его правительством решении сохранить австралийский контингент на острове после середины 2012 г.

В коридорах власти Канберры особо не скрывали, что планы сохранения австралийского контингента в Тиморе-Лешти имели отношение к нефтегазовым ресурсам Тиморского моря. Однако в более широком контексте небольшой северный сосед оценивался с позиций региональной стратегии как важный компонент «ближнего зарубежья» («near abroad»). В «Белой книге по вопросам обороны Австралии» 2009 г. указывалось, что безопасность, стабильность и устойчивость Тимора-Лешти представляли стратегический интерес. В ней также отмечалось, что после защиты собственной территории обеспечение стабильности и безопасности Южной части Тихого океана и Восточного Тимора было второй по значению задачей сил обороны Австралии [Seabra, P., May 2011, p. 12].

Постоянную головную боль в австралийской столице вызывала перспектива налаживания тесного военного сотрудничества между Тимором-Лешти и Китаем. Здесь оценили поставку ДРТЛ двух китайских патрульных катеров как вторжение в сферу стратегических интересов Австралии. Еще большую озабоченность вызвало последовавшее в феврале 2008 г. китайское предложение создать систему электронного мониторинга судоходства в проливе Омбай-Ветар. Хотя формально целью предложения было пресечь незаконную добычу морепродуктов в водах Тимора-Лешти, австралийские спецслужбы расценили его как попытку развернуть систему электронной разведки, охватывающую Юго-Восточную Азию и Австралию.

Не забывая о глубокой психологической травме, нанесенной Восточному Тимору Индонезией в годы оккупации, лидеры Дили с особой осторожностью подходили к вопросу о военном сотрудничестве с этой страной. Тем не менее, взаимные интересы подталкивали к развитию связей по части обеспечения безопасности морских и сухопутных границ, а также налаживанию подготовки в Индонезии восточнотиморского военного персонала, закупке отдельных образцов оружия и военной техники.

В целом Тимор-Лешти медленно, но верно приходил к собственному пониманию задачи своей национальной безопасности. Эта схе-

ма предполагала сохранение в том или ином виде австралийского «зонтика безопасности» в тандеме с США, а также учет интересов других соседей по региону. И получалось, что для Дили самой приемлемой возможностью обеспечить свою внутреннюю безопасность и внешнеполитические интересы было балансирование между тремя сильнейшими региональными державами — Австралией, Индонезией и Китаем.

Хроника основных событий истории о. Тимор

Начало XIV века

В хрониках Минской династии Китая зафиксированы данные о прямой торговле сандаловым деревом с островом Тимор.

XVI век

- 18 августа 1515 г. прибытие первых португальских торговцев.
1533 г. появление первых португальских поселений в Окусси.

XVII–XVIII века

- 1642 г. португальцы нанесли поражение княжеству Вейхаве-Мена, занимавшему стратегическое положение на Центральном Тиморе.
1653 г. голландцы выбили португальцев из Купанга и установили власть над восточной частью острова.
1769 г. в связи с началом серии войн с местными вождями португальцы перенесли центр своих владений из Окусси в Дили.

Середина XIX — начало XX века

- 20 апреля 1859 г. Португалия и Нидерланды подписали пограничное соглашение о разделе острова на восточную (португальскую) и западную (нидерландскую) части.

1960 год

Генеральная Ассамблея ООН включила Восточный Тимор в список «несамоуправляющихся территорий». Португалия управляла территорией как своей «заморской провинцией».

1961 год

- 9 апреля в ходе восстания против португальского колониального владычества заявлено о создании Объединенной Республики Тимор — Дили с центром в Батугаде (в 3 км

от индонезийской границы). Неофициально восстание поддержала Индонезия, главным образом пропагандистскими мерами. Восстание было полностью подавлено португальцами.

1974 год

- 25 апреля в Португалии Движение вооруженных сил свергло авторитарно-репрессивный режим Каэтано («Революция гвоздик»). Новые власти приняли решение о признании права португальских заморских территорий на самоопределение, вплоть до независимости.
- 11 мая образование Демократического союза Тимора (УДТ).
- 20 мая образование Социал-демократической ассоциации Тимора (АСДТ), предшественницы Фретилин.
- 27 мая образование Народно-демократической ассоциации Тимора (Аподети).
- Июнь письмо министра иностранных дел Индонезии Адама Малика Жозе Рамушу-Орте с подтверждением тезиса, что независимость есть право всех наций, в том числе восточнотиморцев; заверение также в том, что Индонезия будет стремиться строить отношения дружбы и взаимного сотрудничества вне зависимости от того, какое правительство придет к власти на Восточном Тиморе.
- 12 сентября образование Революционного фронта за независимый Восточный Тимор (Фретилин).
- 14 октября неофициальный визит личного посланника Сухарто Али Муртопо в Лиссабон и его переговоры с руководством страны о судьбе Восточного Тимора.

1975 год

- Январь соглашение УДТ и Фретилин о создании единого фронта, ставящего целью достижение независимости территории.
- 7 мая начало заседаний Комиссии по деколонизации Восточного Тимора в составе португальского губернатора и представителей местных политических партий.
- 25–26 июня открытие конференции в Макао о деколонизации Восточного Тимора с участием Демократического союза Тимора (УДТ) и Народно-демократической ассоциации Тимора (Аподети). Фретилин бойкотировал переговоры.
- Июль в Португалии принят Конституционный акт, предусматривавший формирование переходной администрации на Восточном Тиморе с целью подготовки к выборам в Законодательную ассамблею в 1976 г.; независимость территории предположительно должна была быть провозглашена в октябре 1978 г.

- 11 августа попытка УДТ захватить власть в Дили, столице колонии, завершившаяся неудачей; переход реальной власти к Фретилин.
- 20 августа создание Фалинтил как военного крыла Фретилин.
- 8 октября первое вторжение индонезийских войск, захват Батугаде, Балибо и Малианы; гибель пяти австралийских журналистов.
- 28 ноября одностороннее провозглашение партией Фретилин независимости территории и создание Демократической Республики Восточный Тимор (ДРВТ); Лиссабон проинформировал ООН, что в создавшихся условиях не в состоянии обеспечить нормальную обстановку на территории.
- 30 ноября приведен к присяге как президент самопровозглашенной республики лидер Фретилин Франсишку Шавьер ду Амарал; Николау Лобату назначен премьер-министром, Мари Алкатири — министром по политическим вопросам. В тот же день руководители УДТ, Аподети и других партий выступили с совместной декларацией о присоединении Восточного Тимора к Индонезии, а также обратились с просьбой к Джакарте оказать им военную помощь в борьбе против Фретилин (Декларация Балибо).
- 1 декабря Адам Малик в Атамбуа, вблизи от границы с Восточным Тимором, призвал оппозиционные партии к борьбе против Фретилин.
- 4–6 декабря визит в Джакарту президента США Джеральда Форда и государственного секретаря Генри Киссинджера.
- 4 декабря члены Центрального комитета Фретилин, а также некоторые министры правительства, в том числе Мари Алкатири, Жозе Рамуш-Орта и Рожериу Лобату, покинули территорию Восточного Тимора для создания зарубежной дипломатической миссии. Мари Алкатири назначен руководителем миссии.
- 7 декабря регулярные индонезийские войска начали вторжение на Восточный Тимор в рамках операции под кодовым названием «Комодо».
- 17 декабря Индонезия сформировала на Восточном Тиморе «временную администрацию» во главе с лидером партии Аподети Ф. Кружем.
- 22 декабря Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 384, призывающую Индонезию незамедлительно вывести войска с территории и содержащую призыв ко всем государствам уважать территориальную целостность Восточного Тимора и право восточнотиморского населения на самоопределение.

1976 год

- 22 апреля Совет Безопасности ООН принял резолюцию, подтверждающую призыв к Индонезии вывести войска с Восточного Тимора. США и Япония воздержались при голосовании.
- 15 мая — 2 июня Национальная конференция Фретилин одобрила стратегию «народной войны» против индонезийской оккупации.
- 31 мая «Региональная народная ассамблея» приняла постановление с просьбой об интеграции Восточного Тимора в состав Индонезии. Комитет ООН по делам деколонизации отверг приглашение посетить территорию в рамках церемонии обращения к Индонезии с просьбой об интеграции.
- 17 июня президент Индонезии Сухарто подписал указ об интеграции Восточного Тимора в состав Индонезии как 27-я провинции на том основании, что население территории своей петицией совершило акт самоопределения и обрело независимость, присоединившись к Индонезии.
- 27 июля начало репатриации португальцев из Восточного Тимора.
- Август обсуждение вопроса о Восточном Тиморе на 5-й Конференции неприсоединившихся стран в Коломбо; принятие резолюции с осуждением действий Индонезии.
- 1 декабря Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением включения Восточного Тимора в состав Индонезии.

1977 год

- 17 августа объявлена амнистия сдавшимися в плен бойцам Фалинтил. Начало нового массированного наступления индонезийских войск.
- 16 октября назначение Николау Лобату председателем Фретилин и главнокомандующим Фалинтил. Мау Леар избран вице-председателем и премьер-министром, Висенти душ Рейеш — национальным политическим комиссаром.
- Декабрь Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию направить на Восточный Тимор миссию Комитета ООН по деколонизации.

1978 год

- 20 января Австралия признала де-факто включение Восточного Тимора в состав Индонезии.
- Май начало очередного массированного наступления индонезийских войск.
- 16–17 июля визит Сухарто на Восточный Тимор, посвященный 2-й годовщине включения территории в состав Индонезии.

- Сентябрь–ноябрь ожесточенные бои за гору Матебеан. Индонезийская армия применила против сил сопротивления авиационную технику производства США.
- 13 декабря принятие резолюции 33/39 ГА ООН в поддержку права народа Восточного Тимора на самоопределение.
- 31 декабря гибель в бою командующего вооруженными силами Фретилин Николау Лобату.

1979 год

- Март власти Индонезии объявили о полном «умиротворении» Восточного Тимора.

1980 год

- 10 июня Фалинтил предпринял нападение на Дили с целью захвата радиопередатчика. Последующие повальные репрессии против гражданского населения.

1981 год

- Март реорганизация Фретилин. Шанана Гужмау назначен главнокомандующим Фалинтил, национальным политическим комиссаром Фретилин и председателем Революционного совета национального сопротивления
- Май начало операции «Keamatan» («Безопасность») с целью вытеснения партизан из западных и восточных секторов Восточного Тимора в центральный сектор, наименее пригодный для партизанской борьбы; завершилась полной неудачей.

1982 год

- Март Шанана Гужмау выдвинул план мирного урегулирования конфликта.
- Сентябрь Мариу Каррашкалау назначен губернатором Восточного Тимора. Секретная встреча Шананы Гужмау с главой католической церкви Лопешем.
- 23 ноября принятие резолюции 37/30 ГА ООН о признании неотъемлемого права народа Восточного Тимора на самоопределение. Содержала призыв к Генеральному секретарю ООН начать консультации с целью изучения путей урегулирования проблемы.

1983 год

- 21–23 марта переговоры Гужмау с полковником Пурванто, командующим оккупационными силами; в переговорах участвовал губернатор провинции Каррашкалау; достижение договоренности о прекращении огня.

- 12 мая Ватикан назначил Карлуша Шименеша Белу епископом Восточного Тимора.
- Июль начавшиеся прямые переговоры между Португалией и Индонезией под эгидой Генерального Секретаря ООН зашли в тупик и не дали результатов.
- Сентябрь индонезийские войска приступили к операции «Persatuan» («Единство») с целью разгрома движения сопротивления на востоке острова.
- 1984 год**
- Январь сдача в плен члена ЦК Фретилин, командующего «красными бригадами» Маук Морук Теки Тимор с отрядом из 200 человек.
- 1985 год**
- Австралия признала суверенитет Индонезии над Восточным Тимором.
- 1986 год**
- Июнь начало очередной антипартизанской операции индонезийской армии под кодовым названием «Kikis» («Зачистка»), продолжавшейся до мая 1987 г.
- 15 сентября резолюция Европарламента по вопросу о Восточном Тиморе с требованием проведения на территории референдума.
- 1987 год**
- 7 декабря Гужмау вышел из Фретилин, сохранив пост главнокомандующего Фалинтил; создание Национального совета сопротивления маубери с целью объединения всех сил национального освобождения.
- 1988 год**
- 20 июня в Индонезии создана подпольная организация Национальное сопротивление студентов Восточного Тимора (Ренитил).
- Декабрь президент Сухарто издал указ о предоставлении Восточному Тимору равных прав с другими провинциями Индонезии; провинция открыта для посещения иностранными гражданами.
- 1989 год**
- 6 февраля епископ Белу направил обращение Генеральному секретарю ООН с просьбой начать демократический процесс деколонизации Восточного Тимора посредством проведения референдума.

- 12 октября Папа Римский Иоанн Павел II во время визита в Индонезию совершил краткосрочную поездку на Восточный Тимор.
- 11 декабря Австралия и Индонезия подписали соглашение о разработке минеральных ресурсов Тиморского моря.

1991 год

- 12 ноября расстрел мирной демонстрации сторонников независимости на кладбище Санта-Круж в Дили; гибель, по крайней мере, 100 человек. Одна из ключевых точек резкой активизации движения сопротивления.

1992 год

- Февраль Комиссия ООН по правам человека рассмотрела вопрос о ситуации на Восточном Тиморе; принята резолюция в связи с нарушением Индонезией прав человека.
- Август Лиссабон блокировал подписание соглашения об экономическом сотрудничестве ЕС и АСЕАН, увязав это с вопросом Восточного Тимора.
- Ноябрь арестован и приговорен к пожизненному заключению лидер Фретилин Шанана Гужмау; позднее срок был сокращен до 20 лет.

1993 год

- Март обсуждение вопроса о Восточном Тиморе в Комиссии ООН по правам человека; США впервые присоединились к осуждению политики Индонезии.
- Ноябрь около 300 восточнотиморских студентов проникли в здание посольства США в Джакарте и провели там 12-дневную сидячую забастовку.

1995 год

- Июнь встреча представителей восточнотиморских интеграционистов и сторонников независимости в Зальцбурге (Австрия); принятие декларации с призывом к продолжению обмена мнениями.

1996 год

- Февраль встреча премьер-министра Португалии А. Гутерреша с президентом Индонезии Сухарто в ходе саммита Азия — Европа в Бангкоке.
- 12 октября присуждение Нобелевской премии мира епископу Дили Карлушу Белу и Рамушу-Орте за деятельность в интересах мирного и справедливого урегулирования конфликта на Восточном Тиморе.

14–15 октября визит президента Сухарто в Дили для участия в церемонии открытия монумента Иисуса Христа.

1997 год

Февраль Генеральный секретарь ООН К. Аннан в целях активизации процесса трехсторонних переговоров (ООН, Португалия, Индонезия) назначил пакистанского дипломата Дж. Маркера своим личным представителем на Восточном Тиморе.

Апрель создание Национального совета тиморского сопротивления (НСТС). ООН потребовала от Индонезии освобождения Шанана Гужмау и формирования группы авторитетных представителей Восточного Тимора для подготовки формулы урегулирования конфликта.

1998 год

21 мая отставка президента Сухарто.

Июнь президент Хабиби выступил с инициативой предоставления Восточному Тимору статуса специальной автономии.

Август трехсторонние переговоры по вопросу автономии Восточного Тимора (ООН, Португалия, Индонезия).

1999 год

27 января Хабиби предложил «второй вариант» решения проблемы: если восточнотиморцы отвергнут план специальной автономии, им будет позволено избрать альтернативный путь. Решительно против независимости Восточного Тимора выступила Мегавати Сухарнопутри, лидер Демократической партии борьбы Индонезии, кандидат на пост президента на предстоящих выборах.

Февраль перевод Шананы Гужмау из тюремного заключения под домашний арест.

11 марта на трехсторонних переговорах достигнута договоренность о методах голосования при референдуме на Восточном Тиморе.

6 апреля «Бойня в Ликисе»: проиндонезийская «милиция» при содействии армии расстреляла сторонников независимости, укрывшихся в местной церкви.

17 апреля массовый сбор проиндонезийской «милиции» в Дили вылился в повальные погромы и кровопролитие.

21 апреля образование «Комиссии мира и стабильности Восточного Тимора» для прекращения кровопролития под эгидой местной католической церкви при участии ООН и противостоящих сторон Восточного Тимора.

5 мая ООН, Португалия и Индонезия подписали Соглашение о порядке открытого волеизъявления восточнотимор-

	цев посредством прямого голосования, т. е. о проведении референдума относительно дальнейшей судьбы территории.
11 июня	в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН создана Миссия ООН в Восточном Тиморе (М ООН ВТ) под руководством специального уполномоченного Генерального секретаря ООН пакистанского дипломата Джамшидина Маркера.
18 июня	Комиссия мира и стабильности приняла решение о разоружении проиндонезийской «милиции» и Фалинтил.
21 июня	в докладе Генерального секретаря ООН содержался вывод, что продолжающиеся акты насилия со стороны интеграционистов препятствуют своевременному проведению референдума и нормальной деятельности М ООН ВТ.
14 августа	официальное начало избирательной кампании.
27 августа	Совет Безопасности ООН продлил мандат М ООН ВТ, увеличив численность ее гражданского и военного персонала.
30 августа	референдум на Восточном Тиморе. 21,5% участников проголосовали за специальную автономию, 78,5% — за независимость.
Сентябрь	продолжение актов насилия со стороны вооруженных интеграционистов.
10 сентября	эвакуация штата М ООН ВТ в Австралию.
12 сентября	Хабиби обратился к ООН с просьбой о содействии в восстановлении мира и безопасности на Восточном Тиморе.
15 сентября	в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН выдан мандат на направление в Восточный Тимор международных сил для поддержки М ООН ВТ.
20 сентября	первые подразделения многонациональных сил (МСВТ) под командованием австралийского генерала Питера Косгроува высадились на Восточном Тиморе. Возвращение М ООН ВТ.
19 октября	парламент Индонезии принял постановление об отмене статуса Восточного Тимора как 27-й провинции страны.
20 октября	триумфальное возвращение Шананы Гужмау в Дили.
25 октября	в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН учреждена Временная администрация ООН в Восточном Тиморе (ВА ООН ВТ) во главе со специальным представителем Генерального секретаря ООН, бразильским дипломатом Серхиу Виейра ди Меллу; командующий миротворческим контингентом — филиппинский генерал Хайме де Лос-Сантос.

- 30 октября последний официальный представитель Индонезии покинул Восточный Тимор.
- 17 ноября Специальный уполномоченный Генерального секретаря ООН бразильский дипломат С. Меллу приступил к исполнению обязанностей во главе ВА ООН ВТ.
- 17 декабря собравшаяся в Токио под эгидой ООН конференция финансовых доноров приняла решение предоставить свыше 500 млн долл. на экономическое восстановление Восточного Тимора.

2000 год

- 19 января ВА ООН ВТ подписала меморандум, продлевающий срок действия соглашения с Австралией о совместной добыче нефти и газа на шельфе Тиморского моря.
- 31 января индонезийская и международные комиссии расследования нарушений прав человека на Восточном Тиморе опубликовали доклады, подтверждавшие необходимость организации международного трибунала для суда над виновными в преступлениях против человечности.
- Февраль визит высокопоставленной делегации Восточного Тимора во главе с Шананой Гужмау в Малайзию и другие азиатские страны.
- 17 февраля Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан посетил Восточный Тимор с двухдневным визитом.
- 21 февраля Президент Всемирного банка Вулферсон, Шанана Гужмау и С. Меллу подписали соглашение о предоставлении Восточному Тимору безвозмездной помощи на восстановление органов местной администрации.
- 28 февраля Международные силы в Восточном Тиморе окончательно передали полномочия по обеспечению безопасности ВА ООН ВТ.
- 1 марта президент Индонезии Абдурахман Вахид посетил Восточный Тимор, подписал с главой ВА ООН ВТ соглашение о режиме перемещения гражданских лиц и грузов через общую границу и принес от имени Джакарты извинения Восточному Тимору за понесенные жертвы.
- 3 апреля ВА ООН ВТ, Всемирный банк и ПРООН подписали соглашение о предоставлении безвозмездной помощи (около 0,5 млн долл.) на решение проблемы трудовой занятости в беднейших районах Дили.
- 3 апрель между миротворческими силами ООН и командованием индонезийской армии на Западном Тиморе достигнуты договоренности о порядке пересечения границы и возвращения беженцев; подтверждены прежние договоренности о том, что обе стороны не допустят пересечения

	границы вооруженными лицами и будут сотрудничать в урегулировании пограничных инцидентов.
24 апреля	Восточный Тимор посетил премьер-министр Португалии А. Гутерреш.
21 июня	ВА ООН ВТ и НСТС договорились о новом составе и структуре Национального консультативного совета (НКС).
22 июня	на открытии конференции доноров Восточного Тимора в Лиссабоне специальный представитель Генерального Секретаря ООН призвал участников продолжать помогать территории.
12 июля	НКС, преобразованный в Национальный Совет, образовал переходный кабинет министров из восточнотиморцев и членов, назначаемых ВА ООН ВТ.
15–20 июля	съезд Фретилин в Дили.
21–30 августа	съезд Национального совета тиморского сопротивления (НСТС) в Дили; прошел в атмосфере острого противостояния участников, продемонстрировал фактический раскол единого национального фронта.
22 сентября	постоянный представитель Франции при ООН от имени Европейского Союза направил письмо председателю Совета Безопасности ООН по поводу тревожной обстановки на границе между двумя частями Тимора.
25 сентября	постоянный представитель Индонезии при ООН направил на имя председателя Совета Безопасности письмо относительно процесса разоружения боевиков «милиции».
Декабрь	встреча на Бали (Индонезия) руководства Национального совета и лидеров интеграционистов с участием министра иностранных дел Индонезии Алви Шихаба; договоренность о совместных шагах по возвращению беженцев с Западного Тимора и содействию межтиморскому примирению; визит в Дили министра иностранных дел Малайзии Сайеда Хамида Албара — первая подобная поездка высокопоставленного представителя стран АСЕАН.
31 декабря	Совет Безопасности ООН принял резолюцию о продлении мандата ВА ООН ВТ до конца 2002 г.
	<u>2001 год</u>
1 февраля	формальный роспуск Фалинтил; 650 бывших бойцов сил сопротивления образуют костяк будущих сил обороны Восточного Тимора.
Май	доллар США получает право хождения как официальная денежная единица на Восточном Тиморе.

5 июля	в Дили подписано соглашение с Австралией о совместной эксплуатации нефтегазовых месторождений на шельфе Тиморского моря.
25 августа	Шанана Гужмау заявил, что выдвинет свою кандидатуру на президентских выборах.
30 августа	прошли выборы в Конституционную ассамблею Восточного Тимора; с большим перевесом победил Фретилин, на втором месте — Тиморская социал-демократическая ассоциация, на третьем — Демократическая партия.
20 сентября	сформировано первое правительство Восточного Тимора во главе с М. Алкатири, генеральным секретарем Фретилин. Министром иностранных дел стал Ж. Рамуш-Орта.
Конец сентября	Конституционная ассамблея единогласно проголосовала за провозглашение независимости Восточного Тимора 20 мая 2002 г., в годовщину создания первой политической партии — Тиморской социально-демократической ассоциации, предтечи Фретилин.
Конец ноября	Конституционная ассамблея приняла Основной закон будущего государства.

2002 год

12 апреля	Шанана Гужмау избран первым президентом нового государства, получив поддержку 82,7% избирателей.
17 мая	согласно резолюции Совета Безопасности ООН создана Миссия ООН по поддержке в Восточном Тиморе (М ООН ПВТ), сменившая Временную администрацию ООН.
20 мая	провозглашение Демократической Республики Тимор-Лешти. В церемонии приняли участие президент Индонезии Мегавати Сукарнопутри, премьер-министр Австралии Говарт, глава правительства Новой Зеландии Х. Кларк, президент Португалии Сампайю, а также бывший президент США Б. Клинтон.
27 сентября	ДРТЛ стала 191-м членом ООН.

2004 год

Апрель	начата промышленная добыча природного газа на месторождении Байю-Ундан в Тиморском море.
Декабрь	Тимор-Лешти и Индонезия приняли решение о создании совместной «Комиссии правды и дружбы».

2005 год

Апрель	во время первого визита в Дили президента Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно подписано соглашение по пограничным вопросам.
20 июня	Национальный парламент ДРТЛ принял закон о независимости Нефтяного фонда. Управление Фондом воз-

5 августа
ложено на министерство экономики и планирования и Управление делами банков и платежей, выполнявшее функции Центрального банка Тимора-Лешти.
первое заседание «Комиссии правды и дружбы».

2006 год

Январь
группа военнослужащих Фалинтил — ФДТЛ вручила петицию командующему силами обороны ДРТЛ генералу Тауру Матану Руаку и президенту Гужмау с изложением своих требований.

12 января
Тимор-Лешти и Австралия подписали соглашение о равном разделе доходов эксплуатации месторождения «Greater Sunrise».

17 февраля
военнослужащие-петиционеры покинули казармы и вышли на уличную манифестацию.

16 марта
распоряжением премьер-министра Алкатири около половины военнослужащих, объявивших забастовку, уволено из сил обороны.

28 апреля
массовые волнения в Дили; армия брошена на помощь полиции для восстановления общественного порядка.

3 мая
майор Алфреду Рейналду покинул свой пост и увел с собой часть военнослужащих военной полиции и вооружения.

17–19 мая
Национальный съезд Фретилин переизбрал Алкатири на посту генерального секретаря партии.

24 мая
власти ДРТЛ официально обратились за помощью к правительствам Австралии, Новой Зеландии, Португалии и Малайзии.

25 мая
прибытие австралийского военного контингента в Дили.

26 июня
отставка премьер-министра М. Алкатири.

10 июля
Рамуш-Орта приведен к присяге в должности главы кабинета министров.

Август
Интегрированная миссия ООН (ИМ ООН Т) сменила Отделение ООН в Тиморе-Лешти (О ООН ТЛ).

17 октября
Независимая комиссия по расследованию событий апреля–мая 2006 г., созданная по требованию Генерального секретаря ООН, представила доклад Совету Безопасности ООН и парламенту ДРТЛ.

2007 год

Январь
бывший министр внутренних дел Р. Лобату приговорен к тюремному заключению за раздачу оружия гражданскому населению во время событий 2006 г. М. Алкатири полностью оправдан.

4 марта
австралийский спецназ предпринял попытку арестовать майора Алфреду.

Апрель	Рамуш-Орта победил во втором туре президентских выборов.
20 мая	Рамуш-Орта принес присягу на посту президента ДРТЛ.
30 июня	парламентские выборы; наибольшее число голосов получил Фрегилин; Национальный совет тиморской реконструкции (НСТР), возглавляемый Гужмау, приступил к формированию правящей партийной коалиции.
Июль	начались волнения в Дили в связи с формированием правительства Альянса парламентского большинства (АПБ).

2008 год

11 февраля	«двойное покушение» на президента Рамуша-Орту и премьер-министра Гужмау.
17 апреля	возвращение Рамуша-Орты на родину после двухмесячного лечения в Австралии.
29 апреля	мятежный капитан Гуштау Салсилья, один из организаторов покушения, сдался властям.
Май	Рамуш-Орта обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой продлить мандат ИМ ООН Т на пять лет для обеспечения дальнейшей стабильности в стране.
20 мая	Рамуш-Орта амнистировал группу заключенных, в том числе бывшего министра внутренних дел Р. Лобату, а также некоторых членов бывшей проиндонезийской милиции.
15 июля	в окончательном докладе, представленном «Комиссией правды и дружбы», властям Индонезии предъявлены обвинения в случаях грубейшего нарушения прав человека в период проведения референдума 1999 г.
13 июня	Управление по банкам и платежам ДРТЛ подписало с компанией «JPMorgan Worldwide Securities Service», подразделением «JPMorgan Chase Bank», соглашение о доверительном управлении Нефтяного фонда Тимора-Лешти.

2010 год

3 марта	суд Дили приговорил к различным срокам тюремного заключения 24 военнослужащих, причастных к попытке «двойного покушения».
Апрель	Рамуш-Орта предложил отложить проведение муниципальных выборов на 2014 г. Их проведение будет возложено на новое правительство, сформированное по итогам всеобщих выборов 2012 г.
Июнь	совместные учения морской пехоты США, австралийского контингента Международных стабилизационных сил и Фалинтил-ФДТЛ на территории Тимора-Лешти.

2011 год

- 24 января дилийский еженедельник «Tempo Semanal» опубликовал выдержки из доклада ИМ ООН Т, содержавший критические оценки перспектив развития Тимора-Лешти и роли премьер-министра Гужмау. В связи с резкой реакцией властей, ИМ ООН Т поспешила дистанцироваться от доклада, назвав его «обзором дальнейших событий».
- 3 марта ДРТЛ подала официальную заявку на вступление в АСЕАН.
- 5 апреля 30 офицеров Фалинтил–ФДТЛ приняли участие в совместных учениях с морской пехотой США и австралийским контингентом на территории ДРТЛ.
- 12 апреля Рамуш-Орта отверг возможность продления срока пребывания австралийского контингента после 2012 г. Он заявил, что в вопросах безопасности страна должна опираться на собственные силы и сохранение международного полицейского присутствия означало бы признание провала политики национального руководства.
- 17 мая выступая по случаю 9-й годовщины восстановления независимости ДРТЛ, Гужмау заявил, что ИМ ООН Т «попирает суверенитет» страны и указал на неэффективность международной помощи и миротворческих операций под флагом ООН; он призвал к реформированию этой международной организации.
- 3–5 июня в ходе заседания 10-го форума по вопросам безопасности в Азии в Сингапуре («диалог Шангри-Ла») между министром обороны ДРТЛ и командованием США на Тихом океане подписана программа технического сотрудничества.
- 11 июня Национальный парламент одобрил голосами партий правящей коалиции Стратегический план национального развития на 2011–2030 гг.; депутаты Фретилин бойкотировали голосование.
- Конец июня командующий Фалинтил–ФДТЛ генерал Таур Матан Руак заявил о намерении баллотироваться на пост президента на предстоящих выборах 2012 г.
- 20 августа состоялись выборы председателя и генерального секретаря Фретилин; за действующих лидеров Франшишку Лу Оло Гутерриша и Мари Алкатири проголосовало абсолютное большинство (около 96%) из 150 тысяч членов партии. Впервые выборы проходили не на съезде, а в низовых партийных организациях.

2012 год

- 16 апреля во втором туре президентских выборов победил Таур Матан Руак.

20 мая	10-я годовщина восстановления независимости ДРГЛ.
7 июля	парламентские выборы. Большинство голосов получил НКРТ.
Начало августа	Шанана Гужмау сформировал 5-й конституционный кабинет.

Литература

- Бакунин М. М.* Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М., 2007.
- Волжин Н. П.* Индонезия: внешняя политика «нового порядка» 1965–1985 гг. М., 1985.
- Демин Л. М., Другов А. Ю., Чуфрин Г. И.* Индонезия. Закономерности, тенденции, перспективы развития. М., 1987.
- Доклад Генерального секретаря. Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке в Восточном Тиморе. Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности. N. Y., November 2002.
- Другов А. Ю.* Индонезия на грани столетий (1997–2006 гг.). М., 2011.
- Заказникова Е. П.* В ожидании независимости. Становление будущего восточнотиморского государства происходит в очень тяжелых условиях // *Азия и Африка сегодня.* № 2, 2002.
- История Индонезии.* Ч. 1. М., 1992.
- Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин.* М., 1982.
- Народы Юго-Восточной Азии.* М., 1966.
- Пигафетта, Антонио.* Путешествие Магеллана. М., 1950.
- Соболева Е. С.* Этнический состав Португальского Тимора XVI–XX вв. Л., 1999.
- Толмачев Н. А.* Проблема Восточного Тимора в международных и региональных отношениях Юго-Восточной Азии. М., 1990.
- Тюрин В. А.* История Индонезии. М., 2004.
- Урляпов В. Ф.* Индонезия и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993.
- Урляпов В. Ф.* Индонезия: центросиловой фактор в Юго-Восточной Азии // *Азия: роль ключевых стран в международных отношениях в 1990-е годы.* М., 1995.
- Урляпов И. В., Урляпов В. Ф.* Восточный Тимор: тернистый путь к независимости. М., 2005.
- Урляпов В. Ф.* Тимор-Лешти после независимости // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Юго-Восточная Азия 2007–2008.* М., 2008.

- Урляпов В. Ф. Тимор-Лешти. Трудности становления // Азия и Африка сегодня. № 10. 2009.
- Урляпов В. Ф. Тимор-Лешти: становление внешнеполитического курса // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Юго-Восточная Азия 2010–2011. М., 2011.
- Хазанов А. М. Политика Португалии в Африке и Азии. М., Наука, 1967.
- Хазанов А. М. История Анголы в новое и новейшее время. М., 1999.
- Хазанов А. М. Величие и падение португальской колониальной империи (Португальцы в Индии и Индийском океане в XVI в.). М., 2007.
- Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Членов М. А. Население Молуккских островов. М., 1976.
- Andaya, Leonard. The “Informal Portuguese Empire” and the Topasses in the Solor Archipelago and Timor in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 2, Issue 03, 2010.
- Anderson, Tim. East Timor’s Petroleum Fund in Danger, <<http://www.greenleft.org.au/node/48199>, 17.07.2011>
- Australian Interference in East Timor Identified <<http://www.southeastasiatimes.com>, 23.03.2011>
- Australian PM Pledges E Timor Support. <<http://news.smh.com.au/20080215-1she.html>>
- Barlow, Colin. The Development of East Timor // Journal of Diplomacy and Foreign Relations. Vol. 2, Number 1, June 2000.
- Barton, Greg. 2002. Abdurrahman Wahid. Muslim Democrat, Indonesian President. University of New South Wales Press.
- Beams, Nick. The Western Powers and East Timor — A History of Manoeuvre and Intrigue <<http://www.wsws.org/articles/1999/oct1999/tim-o01.shtml>>
- Briefing Notes. Visit of Minister of Finance and Delegation to Japan, 14–16 February 2011 <<http://www.mof.gov.tl/uploads/2011/02>>
- Cathy, Alexander. Diggers to Exit East Timor by Early 2013 <http://news.smh.com.au/breking-news-national/diggers-to-exit-east-timor-by-early—2..>, 23.06.2010
- Cheong, Purun. Goa and East Timor: A Comparison of the History of Two Portuguese Colonies <<http://www.zum.de/whkmla/sp/0607/purun/purun.html>>
- Chesterman S. East Timor in Transition: From Conflict Prevention to State-Building. International Peace Academy. N. Y., May 2001.
- Chinese Premier Meets with Leaders of Portuguese-Speaking Countries <<http://au.china-embassy.org/eng/xw/t768943.htm>, 14.11.2010>

- Chomsky, Noam, Herman, Edward.* The Washington Connection and Third World Fascism. The Political Economy of Human Rights. Vol. I, South End Press, Boston, 1979.
- Conboy, Ken.* Intel. Inside Indonesia's Intelligence Service, Equinox Publishing, Jakarta/Singapore, 2004.
- Costa, da Zacarias.* An Overview of Timor Leste's Foreign Policy // IPRIS Lusophone Countries Bulletin. Nº 15, January 2011.
- Clarence-Smith W.G.* Planters and Small Holders in Portuguese Timor in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Indonesian Circle. London. March 1992 <<http://purl.pt/915/1/cd1/taooo/TA051.pdf>>
- Cristalis, Irena.* East Timor. A Nation's Bitter Dawn, Zed Books, London/New York, 2009.
- Crook, Matt.* East Timor Kills Chinese Power Deal <http://atimes.com/atimes/Southeast_Asia/J103Ae02.html, 05.12.2008>
- DAC Peer Review of Portugal,* OECD, 2010 <<http://www.oecd.org/dataoecd/33/465352896/pdf>>
- Dampier, William.* A Continuation of a Voyage to New-Holland, Etc. In the Year 1699, London, Printed for James and John Knapton at the Crown in St. Paul's Churchyard, 1729 <<http://freeread.com.au/ebooks/e00047.html>>
- Disney A.R.* 2009. A History of Portugal and Portuguese Empire: From Beginnings to 1807. 2 Volumes, Cambridge University Press, 2009.
- Dorling, Philip.* ASIO at Centre of Release Blunder <<http://Canberra.yourguide.com.au/news/local/news/>, 21.06.2008>
- Dorling, Philip.* East Timor's President Unloads on his Rivals, <http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3775&temid=172>
- Dunn, James.* East Timor: A People Betrayed. ABC Books, Sydney, 1996.
- East Timor Revisited. Ford, Kissinger and Indonesian Invasion, 1975–1976. Ford and Kissinger Gave Green Light to Indonesia's Invasion of East Timor, 1975: New Documents Detail Conversations with Suharto, National Security Electronic Briefing Book Nº 62/William Burr and Michael L. Evans, December 6, 2001. <<http://www.2gwu.edu/~nsarchiv>>
- East Timor's Ruling Elite Fall Out. <<http://www.southeastasiatimes.com>, 10.09.2010>
- Expanding Timor-Leste's Near-Term Non-Oil Export. Diagnostic Trade Integration Study (DTIS). Document of the World Bank, August 2010.
- The Fall of Soeharto.1999/Geoff Forrester & R. J. May. Select Books, Singapore.
- Fernandes, Hugo, Soares, Jose.* Making Timor-Leste's ASEAN Acces-

- sion a People-Centric Effort <<http://asiafoundation.org/in-asia/2011/05/25/making-timor-leste%E2%80%99s-asean-...>>
- Fox, James.* Diversity and Differential Development in East Timor: Potential Problems and Future Possibilities //East Timor. Development Challenges for the World's Newest Nation/Hal Hill & Joao M. Saldanha. ISEAS, Singapore, 2001.
- Fox, James.* Tracing the Path, Recounting the Past: Historical Perspectives on Timor //Out of the Ashes. Destruction and Reconstruction of East Timor/James J. Fox, Dionicio Babo Soares, Crawford House Publishing. Adelaide, 2000.
- From Third World to First. The Singapore Story: 1995–2000. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore Press Holding. Times Media Private. 2000.
- Gorajao, Paulo.* Portugal and China: Prospects of An Asymmetrical Partnership // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, Nº 4, April 2010.
- Gorajao, Paulo.* Taur Matan Ruak: First Candidate for 2012 Presidential Election in Timor Leste? // IPRIS Viewpoints, Nº 76, September 2011.
- Guide to U.S. Security Assistance to Indonesia and East Timor, <<http://etan.org/news/2007/milglossary.htm>>
- Hadi Soesastro.* East Timor's Economic Relations with Indonesia. Development Challenges for the World's Newest Nation. Hal Hill & Joao M. Saldanha, Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2001.
- Hagerdal, Hans.* Colonial or Indigenous Role? The Black Portuguese of Timor in the 17th and 18th Centures // IIAS News Letter, Summer 2007.
- Hagerdal, Hans.* Lords of the Land, Lords of the Sea. Conflict and Adaptation in Early Colonial Timor. 1600–1800. 2012, KITLV Press, Leiden
- History of Timor, <http://pascal.iseg.utl.pt/~cesa/History_of_Timor.pdf>
- How Much Money Have International Donors Spent on and in Timor-Leste? A Briefing Paper from La'o Hamatuk, September 2009.
- Indonesia in Transition. Social Aspects of Reformasi and Crisis/Chris Manning & Peter van Dierman. Institute of Southeast Asian Studies. Singapore, 2000.
- Indonesia's New Foreign Policy // Indonesia Chronicle, Jakarta, February 2000, vol. 15–16.
- Indonesia's New Order. The Dynamics of Socioeconomic Transformation. 1994/Hal Hill, Allen & Unwin.
- The International Monetary Fund in East Timor // The La'o Hamutuk Bulletin, Dili, Vol. 2, Nº 3, June 2001.
- Kelly, Paul.* March of the Patriots: The Struggle for Modern Australia, Melbourne University Press, Melbourne, 2009.
- Kingsbury, Damien,* The Australian Defence Force and Timor-Leste: Looking toward 2020 <<http://www.eastasiaforum.org/2011/05/17>>

- Leach, Michael.* Talking Portuguese: China and East Timor, Australia — East Timor Association, September 2007.
- Lowry, Bob,* After the 2006 Crisis: Australian Interests in Timor-Leste // Australian Strategic Policy Institute. Strategic Insights. ASPI, November 2007.
- McDonald H.* Suharto's Indonesia. Fontana Books. Blackburn, 1980.
- Mann, Richard.* Nation Reborn. Gateway Books, Jakarta, 2000.
- Mata, Maria Eugenia.* Interracial Marriage in the Last Portuguese Empire <http://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html>
- Martin Ian.* Determination in East Timor. The United Nation. The Ballot and International Intervention, Lynne Rienner Publishers, Boulder, 2001.
- Martins, Vasco.* Timor Leste's Bet on Lusophone Peer-to-Peer Cooperation // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, No.17, March 2011.
- Matias, Jose Carlos.* The Macao Forum: China's Charm Offensive for Lusophone Counties // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, Nº 13, November 2010.
- Mendes, Nuno Canas.* The Dragon and the Crocodile: Chinese Interests in East Timor // Portugal Journal of International Affairs, Spring 2009.
- Moxham, Ben.* Taming the Banana Republic: USAID Money is Being Used to Rein in East Timor's Fledgling Civil Society, <<http://www.thefreelibrary.com/Taminig+i...>>
- Nation, Transnation, Diaspora: Locating East Timorese Long-Distance Nationalism < <http://goliath.ecnext.com/comsI/gi-0199-3670177.html>, 01.10.2004>
- Niner, Sara.* Martyrs, Heroes and Warriors: The Leadership of East Timor, 2007/Damien Kingsbury & Michael Leach, East Timor: Beyond Independence, Monash University Press, Clayton.
- O'Conner, Patrick.* East Timor: Political Tension Mount over Greater Sunrise Gas Pipeline, <<http://www.wsws.org/tools/index.php?page=print&url=%3A%2F%2Fwww>>
- O'Conner, Patrick.* Australia: The Political Calculations Behind Prime Minister Gillard's «Time Solution» < <http://wsws.org/articles/2010/jul2010/gill-j13.shtml>>
- Out of the Ashes. 2000, Destruction and Reconstruction of East Timor/James Fox, Dionisio Babo Soares, Crawford House Publishing, Adelaide.
- Pinto, Maria do Ceu.* Portugal's Participation in Peace Missions: A Dwindling Foreign Policy // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, Nº 15, January 2011.
- Poprzeczny, Joseph,* Red Star over East Timor, News Weekly, <<http://www.newsweekly.com.au/article.php?id=3092>, 31.03.2007>
- Portugal Declines Comment on Suharto's Death out of «Respect for the Death» <<http://www.theportugalnews.com/cji-bin/article.pl?id=944-23>,

02.02.2008>

- Ramage, Douglas.* 1995, *Politics in Indonesia. Democracy, Islam and the Ideology of Tolerance*, Routledge.
- Ramos-Horta, Jose.* 1987, *Funu: The Unfinished Saga of East Timor*. Trenton, The Read Sea Press.
- Ramos-Horta, Jose.* Why Timor-Leste Should Join ASEAN Now. Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific, 16.05.2011.
- Report of the Secretary General on the United Nations Mission of Support in East Timor, 06 November 2002, N. Y., S/2002/1223.
- Sahin, Selver.* Timor-Leste in 2009. Marking Ten Years of Independence or Dependence on International «Assistance»? // Southeast Asian Affairs 2010/Dajit Singh, ISEAS Publishing, Singapore.
- Saldanha J. M.* 1994. *The Political Economy of East Timor Development*. Jakarta, Pustaka Sinar Harapan.
- The Santa Cruz Massacre: Eyewitness Accounts. // Inside Indonesia, IRIP, N° 29, December 1991, Nothcote.
- Security Council Considers Proposal for New Integrated United Nations Mission in Timor-Leste. Consistency of Military, Police, Civilian Components. Secretary General Recommends Mission to Support Government, Assist in National Reconciliation Process. <<http://www.un.org./news/Press/docs/2006/s8810.doc.htm>>
- Scheiner C.* Can Timor Leste Avoid the Resource Curse? A Paper Presented to the Workshop on Transparency and Accountability in Government, Dili, 22–25 March 2004 < <http://www.etan.org.>>
- Schofield , Clive & I Made Andi Arsana.* The Delimitation of Maritime Boundaries: A Matter of «Life or Death» for East Timor, 2007/Damien Kingsbury & Michael Leach, East Timor: Beyond Independence, Monash University Press, Clayton.
- Seabra, Pedro.* Timor Leste: The Ongoing Struggle for a Balanced Foreign Policy // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, N° 9, June 2010.
- Seabra, Pedro.* A Road Far from Finished: Timor Leste and ASEAN // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, N° 17, March 2011.
- Seabra, Pedro.* All Eyes on Timor Leste: Juggling Regional Security Sensitivities // IPRIS Viewpoints, May 2011.
- Schwarz, Adam.* A Nation in Waiting. Indonesians Search for Stability, Allen and Unwin, 1999.
- Sjafrie Sjamsuddin's History in Timor-Leste via Wikileaks. <<http://easttimorlegal.blogspot.com/2011/09/sjafrie.html>>
- Smith F.* East Timor: Status Quo Ante Bellum. // Panorama. Insights into South-

- east Asian and European Affairs, Manila, N°2, 2000.
- Sousa, Ivo Carneiro.* The Portuguese Colonization and the Problem of East Timorese Nationalism, // Lusotopie, 2001 <<http://www.lusotopie.sciencepobordeax.fr./carneirosousa.pdf>>
- Statement by HE Mr. Joao Salgueiro, Ambassador and Permanent Representative of Portugal to the United Nation, to the Security Council (Timor-Leste), New York, 05 May 2008 <<http://www.un.int/portugal/estimor05052006.htm>>
- Storey, Ian.* China's Inroads into East Timor <[http://www.jamestown.org/single/?no=cache=1&tx=ttnews\[tt_news\]=34724](http://www.jamestown.org/single/?no=cache=1&tx=ttnews[tt_news]=34724)>
- Syahnakri, Kiki.* 2013. Timor Timur. The Untold Story. Penerbit Buku Kompas
- Sunrise Gas Must Go to East Timor, Warns Alkatiri, The Southeast Asian Times, 26.03.2009.
- Symonds, Peter.* How Australia Orchestrated "Regime Change" in East Timor <<http://www.wsws.org/articles/2006/jul2006/tim1-j27.shtml>>
- Taylor J.* Indonesia's Forgotten War: The Hidden History of East Timor. Zed Books. 1999.
- Tesoro J.M.* Abdurrahman's Indonesia // Panorama. Insights into Southeast Asian and European Affairs, N°2. Manila, 2000.
- Thaler, Kai.* Timor Leste and the g7+ : A New Approach to the Security and Development Aid Nexus // IPRIS Lusophone Countries Bulletin, N°17, April 2011.
- Timor-Leste: EU Commission Supports Stabilization< http://www.europa-eu-un.org/articles/fr/articles_6326_fr.htm>
- Timor-Leste. Human Development Report 2011. Managing National Resources for Human Development. Developing the Non-Oil Economy to Achieve the MDGs http://hdr.undp.org/en/reports/national/asiathepacific/timor-leste/Timor-Leste_NHDR_2011_EN.pdf>
- Timor-Leste: No Time for Complacency. Crisis Group Briefing N°87, 09 February 2009.
- Timor-Leste's Parliamentary Elections. International Crisis Group. Update Briefing. Asia Briefing N° 65, Dili/Brussels, 13 June 2007.
- Timor Sea Oil and East Timor — Australia Relations <[tp://homepage.esoterica](http://homepage.esoterica)>
- The True Aim of Territorial Operations // TAPOL Bulletin, London, No.116, April 1993.
- Totilo, Matthew Alan.* Development in the Shadows: How the World Bank and Frente Clandestine Almost Build a New Government in Timor-Leste <http://www.culture.gov.tl/sites/default/files/Totilo_D.., June 2009>
- Umum A.* Kesimpulan Laporan Pendahulukan Komisi Penyelidik Nasional // Gema Tanah Air Indonesia, Jakarta, N°3, 1992.

- UN Victory for Timor // TAPOL Bulletin, L. № 116. April 1993.
- Urlyapov V.F.* East Timor: A Thorny Parth Toward Independence. A Paper Presented for the Firth International Conference of Asia Scholars (ICAS — 5) “Sharing a Future in Asia”, Kuala Lumpur, 2–5 August 2007.
- An Uneven Chorus of Condemnation // Inside Indonesia, IRIP, Nothcote, December 1991.
- The United Nations and East Timor. Self-Determination through Popular Consultation. United Nations, N. Y., 2000.
- Walles, Alfred Russel.* The Malay Archipelago. The Land of Orang — Utan and Bird of Paradise. A Narrative of Travel, with Sketches of Man and Nature. Vol. I. Chapter XIII (Coupang, 1857–1869, Delle, 1861) <<http://www.authorama.com/book/malay-archipelago-1.html>>
- Wain, Barry.* Closing the ASEAN Door on Timor Leste <<http://iseas.edu.sg/?p=3466>, 05.05.2011>
- Westmoreland, Ken.* Strengthening Portugal’s Soft Diplomacy // IPRIS Lusophone Counties Bulletin. № 19. May 2011.
- What are the Functions of a Central Bank? // Economic Bulletin. Dili. Vol. 1, № 4. January 2004.
- Wigglesworth, Ann.* Young People in Rural Development. 2007/Damien Kingsbury & Michael Leach. East Timor: Beyond Independence, Monash University Press, Clayton.
- Wirajuda Hasan.* De Kolonisasi Timor Timur Sudah Selesai // Citra Indonesia, March 1996.
- Woolcott, Richard.* What Australia Lost in Timor? 08.03.2003 <<http://www.smb.com.au/articles>>

Периодические издания

- Азия и Африка сегодня. М.*
The Age. Sydney
Asiaweek. Hong Kong
The Australian, Sydney
The Australian Financial Review, Sydney
Business Times. Kuala Lumpur
Citra Indonesia. Jakarta
Economic Bulletin. Dili
Far Eastern Economic Review. Hong Kong
Gema Tanah Air Indonesia. Jakarta

IIAS Newsletter. Leiden
Indonesian Times. Jakarta
INFO Timor. Lisboa
Inside Indonesia. Northcote
International Herald Tribune. Paris
The Jakarta Post
Journal of Diplomacy and Foreign Relations. Canberra
Kompas. Jakarta
The La'o Hamutuk Bulletin. Dili
Massa. Kuala Lumpur
New Straits Times. Kuala Lumpur
The New York Times
Panorama. Manila
The Star. Kuala Lumpur
The Straits Times. Singapore
Suara Karya. Jakarta
Sydney Morning Herald
Tapol Bulletin. London
Tempo. Jakarta
Time. New York
The Times. London

Список принятых сокращений

- АДИЛТА — Демократическая ассоциация за интеграцию с Австралией
- АзБР — Азиатский банк развития
- АПБ — Альянс парламентского большинства
- Аподети — Тиморская народно-демократическая ассоциация
- АСДТ — Тиморская социал-демократическая ассоциация
- АСЕАН — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
- АСИС — Служба стратегической разведки Австралии
- АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
- БАИС — Управление стратегической разведки
- БАКИН — Управление координации разведки
- БИН — Национальное разведывательное управление
- ВА ООН ВТ — Временная администрация ООН в Восточном Тиморе
- ВБ — Всемирный банк
- ДИО — Организация оборонной разведки
- ДП — Демократическая партия
- ДРТЛ — Демократическая Республика Тимор-Лешти
- ЕС — Европейский Союз
- ИМ ООН ВТ — Интегрированная миссия ООН в Восточном Тиморе
- ИРЧП — Индекс развития человеческого потенциала
- Копассус — Командование специальных операций
- КОТА — Ассоциация тиморских героев
- МВФ — Международный валютный фонд
- М ООН ВТ — Миссия ООН в Восточном Тиморе
- МСС — Международные стабилизационные силы
- МРИ — Международный республиканский институт
- МФЭС — Международный фонд экономического сотрудничества

НДИ — Национальный демократический институт
НКРТ — Национальный конгресс реконструкции Тимора
НССМ — Национальный совет сопротивления маубере
НСТС — Национальный совет тиморского сопротивления
НФД — Национальный фонд демократии
ОПР — Официальная помощь развитию
ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития
ОПСУС — Управление специальных операций
ПИДЕ — Служба внешней и внутренней разведки Португалии
ПНЕ — Партия национального единства
СДП — Социал-демократическая партия
СПС — Содружество португалоязычных стран
СПТ — Социалистическая партия Тимора
УДТ — Демократический союз Тимора
Фалинтил — Вооруженные силы национального освобождения
Тимора-Лешти
Фалинтил — ФДТЛ — Силы обороны Тимора-Лешти
Фретилин — Революционный фронт за независимый Восточный
Тимор
Фрелимо — Фронт освобождения Мозамбика

Указатель имен собственных

Абдул Разак	Варроу
Абреу, Антониу ди	Вахид, Абдуррахман (Гус Дур)
Албукерки, Афонсу ди	Виранто
Алатас, Али	Вираюда, Хассан
Алкатири, Мари	Вэн Цзябао
Аллисон, Джон	Гама, Корнелиу («Фохорай Боот»)
Алмейда, Инес	Гама, Хайме
Альмейду, Антониу ди Мелу	Ганди, Махатма
Амаду, Луиш Маркеш	Гевара, Эрнесто Че
Амарал, Франсишку Шавьер ду	Говард, Джон
Андерсен, Тим	Гомеш, Винаншу
Анвар, Деви Фортуна	Гомеш, Франсишку да Кошта
Анжуш, Эдуарду Карлуш душ	Гужмау, Жозе (Кай Рала Шанана)
Аннан, Кофи	Гуттереш, Антониу
Араужу, Абилиу	Гуттереш, Жозе Луиш
Араужу, Арналду душ Рейеш	Гуттереш, Франсишку (Лу Оло)
Араужу, Басилиу	Гуттереш, Эурику
Араужу, Жильермина	Гэлбрайт, Питер
Аримундар, Висмойо	Дамири, Адам
Ахмад Ритхауддин	Дампир, Ульям
Аун Сан Су Джи	Данн, Джеймс
Бакунин М. М.	Даниел, Грэхем
Баррозу, Дуран	Даунер, Александр
Баррозу, Жозе Мануель	Дайк, Льюис
Бассареван, Хамиш (Хата)	Диах Б. М.
Белу, Карлуш Шименеш	Димут, Алекс
Бере Малай Лака	Джоллифф, Джил
Бланку, Олимпиу Миранда	Другов А. Ю.
Блэр, Дэннис	Дуарти, Теофилу (губернатор)
Боавентура	Иоанн Павел II
Боавида, Мадалена	Каварину, Антониу (Мау Леар)
Буш, Джордж	Каварилью, Рамуш

Калверт, Эштон
Камара, Филомену да
Калбуади, Дадинг
Карвалью, Жоржи Силва
Кардошу, Фернанду
Каррашкалау, Жоау
Каррашкалау, Мануэл
Каррашкалау, Мариу
Картер, Джимми
Каэтану, Марселлу
Квик Киан Ги
Килик Вае Гас
Келли, Пол
Кинг, Мартин Лютер
Киссинджер, Генри
Кристаллис, Ирена
Ковалев С.
Косгроув, Питер
Кошта, Закариаш да
Кошта, Мартин да
Кошта, Матеуш да
Кошта, Франсишку Боргеш да
Коэлью, Авелину да Силва
Козн, Ульям
Кусума-Атмаджа, Мохтар
Куэльер, Перес де
Ласама, Фернанду
Ли Куан Ю
Лобату, Николау
Лобату, Рожериу
Лонжиньеш, Монтейру
Лопеш, Лима ди
Лопеш, Фрасишку Шавьер
Льюс, Родни
Магеллан, Фернан
Макарим, Заки Анвар
Малик, Адам
Малик Я. А.
Мандела, Нельсон
Мао Цзэдун
Мау Хуну

Маркеш, Джони
Маук Морук
Маук Теки Тимор
Маулади
Маулани З. А.
Махатхир Мохамад
Медейруш, Антониу Жоаким ди
Мезенеш, Антониу Жозе
Меллу, Сержиу Виейра ди
Морисима, Морито
Мота, Родригеш ди
Мур, Джон
Мурдани, Бенни
Мурсджид, Саадилах
Муртопо, Али
Наталегави, Марти
Нашименту, Базилиу ду (епископ
Баукау)
Невиш, Жутериану
Неру, Джавахарлал
Ньюсон, Ричард
Оливейра, Домингеш ди
Олдрич, Джеймс
Оло Гари Ассван
Орнай, Антониу ди
Орнай, Жуан ди
Орнай, Франсишку ди
Панггабеан, Мараден
Панджаитан, Синтонг
Паравичини, Йоханес
Парада, Антониу Фрейташ
Педру IV (король Португалии)
Перейра, Ариу
Пессоа, Ана
Пигаретта, Антонио
Пиреш, Алфреду
Пиреш, Мариу Мизиш
Пиреш, Эмилия
Пурванто
Радд, Кевин
Райс, Кондолиза

Рамуш-Орта, Жозе
Рейеш, Висенти (Биеке Сахе)
Рейнаду, Алфреду
Рид-Смит, Кейт
Родригеш, Роки
Рукмана, Сити Хардианти
Русеф, Дилма
Салазар, Антониу ди Оливейра
Салданья, Жоау
Саейд Хамид Албар
Сакс, Джеффри
Салнейру, Жоау
Сансинья, Гаштау
Сантуш, Антониу ди Алмейда
Сантуш, Жозе Эдуарду душ
Сантуш, Криштау
Сау-Жасингу, Антониу ди
Северино, Родольфо
Сейрстед
Силалахи, Харри Чан
Силва, Эстанислау да
Силва, Жозе Селестину да
Слейдер, Мик
Смит, Стефен
Соареш, Абилиу
Соареш, Антониу Жоау
Соареш, Жозе Осориу
Соареш, Мариу
Сорд, Кирсти
Су Чжан
Субандрио
Субиянто, Правобо
Сугианто, Алойсиус
Сугомо, Його
Судраджат
Сукарди, Фрэнсис
Сукарно
Сукарнопутри, Мегавати
Суроно
Сусастро, Хади
Сусило Бамбанг Юдойоно

Сутрисно, Три
Сухарто
Танджунг, Акбар
Танджунг, Фейсал
Таолин, Луиш
Тармизи, Агус
Таур Маган Руак (Жозе Мария
Вашенсилуш)
Тейшейра, Жозе
Тенем, Жоржи
Тойо, Хидэки
Толмачев Н. А.
Уитлем, Гоф
Уолкотт, Джеймс
Уоллес, Альфред
Фернандеш, Аларику
Фернандеш, Франсишку
Форд, Джеральд
Фортура, Алвару Эухениу Невиш
да (губернатор)
Фрейзер, Малкольм
Фрейре, Жильберту ди Мелу
Хабиб, Филипп
Хабиби Б. Ю.
Хагердал, Ханс
Хендроприйоно
Холбрук, Ричард
Холл, Д. Дж.
Хун Сен
Чжэн Хэ
Шафи, Шамсуддин
Шафие, Тео
Шварц, Адам
Эванс, Гарет

Указатель географических названий

Австралия	Вьетнам
Австрия	Гаага
Азорские о-ва	Гавана
Алор	Гаити
Амбон	Гвинея-Бисау
Аматубан	Германия
Ангола	Гоа
Аравийский полуостров	Гонконг
Атауру (Камбинг)	Гуам
Африка	Дананг
Афганистан	Дания
Аче	Дарвин
Бали	Денпасар
Балибо	Диего-Гарсия
Бангкок	Дили
Батавия	Джакарта
Баукау	Диу
Байю-Ундан	Европа
Белуш	Жаку (остров)
Бразилия	Женева
Британское Борнео	Жерималай
Босния и Герцеговина	Зальцбург
Брюссель	Западная Европа
Бурунди	Западный Ириан
Вайвику-Вехали (Вивико-Вехали)	Западный Тимор
Ватикан	Зеленого мыса (о-ва)
Вашингтон	Индия
Великобритания	Индийский океан
Ветар	Индокитай
Викек	Индонезия
Виктория (штат Австралии)	Ирак
Вилла-Салазар	Ириан Джая
Восточный Тимор	Испания

Италия	Мануфахи
Каблак	Минданао
Кабо-Верде	Мозамбик
Камбоджа (Кампучия)	Молуккские о-ва
Каменасса	Море Саву
Кампонг Алор (Араб)	Море Сулу
Камрань	Москва
Канабаса	Мьянма
Канада	Непал
Канберра	Нигерия
Китай	Нидерланды
Конго (Демократическая Респу- блика)	Нидерландская Индия
Конкордия	Новая Гвинея
Корея (Южная Корея)	Новая Зеландия
Куала-Лумпур	Новая Каледония
Куба	Норвегия
Купанг	Нью-Йорк
Коимбра	Окусси-Амбену
Кэмп-Дэвид	Омбай
Лаос	Омбич
Ларнатука	Островная Индия
Лаутаме	ОАЭ
Лейден	Палестина
Ликиса	Папуа-Новая Гвинея
Лиссабон	Пекин
Лифау	Пномпень
Лондон	Португалия
Лусон	Португальская Индия
Маджапахит	Португальский Тимор
Мадуро	Рим
Макао	Рио-де-Жанейро
Макассар	Россия/Российская Федерация
Малабарский берег	Сабах
Малакка	Сан-Томе и Принсипи
Малаккский полуостров	Санта-Круж (остров)
Малаккский пролив	Санта-Круж (кладбище в Дили)
Малайзия	Саравак
Малайский архипелаг	Саудовская Аравия
Малые Зондские о-ва	Сидней
Манатубу	Сингапур
	Синьцзян

Советский Союз/СССР
Соединенные Штаты Америки
(США)

Соибаде

Солор

Суай

Сулавеси

Сулу

Суматра

Сурабая

Таиланд

Тайвань

Талло-Гова

Тата Маилау

Тернате

Тибет

Тимор

Тимор-Лешти

Тиморское море

Тихий океан

Токио

Филиппины

Финляндия

Флорес

Форт-Хендрикус

Франция

Хадрамаут

Цейлон

Швеция

Шривиджая

Юго-Восточная Азия

Южно-Молуккские о-ва

Южный Сулавеси

Ява

Япония

Указатель терминов и этнонимов

- австралийцы
австралонезийская группа
Аймакак («колочка»)
Альянс парламентского большинства
ассимиладуш
Ассоциация индонезийско-португальской дружбы
атони
барлаки
беру
Битва за Матебиан
Бойня в Дили
британцы
веддо-австралонезийцы
восточнотиморцы
Восточный Тимор: Газета простого человека
Высший институт обороны (Лиссабон)
галони
Генеральная ассамблея ООН
Генеральный секретарь ООН
голландцы
губернатор
дато
дато-лулик
даван
Движение вооруженных сил (Португалия)
Движение Святого Антония
двойное покушение
Демократическая Республика Вос-
точный Тимор (Тимор-Лешти)
депортаду
доминиканцы
Законодательная ассамблея
заморская провинция
иезуиты
Институт дипломатии и внешней политики (Куала-Лумпур)
Институт национальной обороны (Джакарта)
Институт реконструкции и развития Тимора-Лешти
калады
капитау-мор
Кеаманан (операция)
кемаки
Комиссия по деколонизации
Комиссия ООН по правам человека
Комиссия фактов, истины и примирения
Комитет народной обороны ДРТЛ
Комодо (операция)
Конгресс США
Конституционный кабинет (четвертый)
Королевская армия Нидерландской Индии (КНИЛ)
король-полковник
красные бригады
кэмпэйтай
ларнатукцы
лузотропикализм
лукик

лиурай
лурахан
макассаи
мамбаи
Маромак Оан
марксизм
Матиньонское соглашение
маубери
мауберизм
Маун Боот (Большой Брат)
Международный суд (Гаага)
меланезийско-папуасский тип
меланезийцы
местикунш
муданса (реформы)
Народный консультативный кон-
гресс
Национальный заморский банк
Национальный парламент
Национальная полиция
Национальный совет сопротивле-
ния маубери
независимость вместе с Индонези-
ей (лозунг)
независимость любой ценой (ло-
зунг)
Нефтяной фонд
Новое государство (концепция)
Новый порядок (Индонезия)
Нумейский договор
Объединенная Республика Ти-
мор-Дили
Панчасила
Пемберсихан (операция)
Пентагон
Перместа
Персатуан (операция)
План национального развития
Португальский институт помощи
развитию
Португальская молодежь (органи-
зация)

Португальский Мир (Pax Lusotana)
португальская цивилизация
португальцы
повоасоеш
Программа развития ООН
протомалайцы
Радио Португалии
раджа
Революция (красных) гвоздик
Республика Индонезия
Римский меморандум
Саграда фамилия («святое семей-
ство»)
Санукар (операция)
Свободная Папуа
Сапу берсик (операция)
Святое семейство
Сероджа (операция)
Скайлайт (операция)
Совет Безопасности ООН
Старая площадь (Москва)
Стратегический план националь-
ного развития
сукуш
Тауэр (операция)
тененте-женерал
тетум-терик
тетумы
тиморский разрыв (пробел)
топассы (черные португальцы)
трансногвинейская группа
тупхаис (дань)
ума-лулик (сакральное семейство)
умане
Управление по банкам и платежам
фазендейру
фаталаку
фетоса
фираку
Фламбойан (операция)
Фонд Азии (Вашингтон)

Фронт национальной реконструкции Тимора-Лешти (Муданса)

Центр стратегических и международных исследований (Джакарта)

Центральное разведывательное управление Индонезии

человек флорессийский

южномонголоидный тип

Южно-Тихоокеанский форум

Summary

The monograph attracts attention for the historic experience of Timor-Leste, one of the world smallest countries. In part this attention was focused on the Indonesian invasion and occupation of the unilaterally declared state and 24 years of the brutal rule during which somewhere more than a quarter of its population were killed or died as a direct result of the occupation.

The independence of Timor-Leste was a significant international event. It ended a long anti-colonial struggle extending far further back than the Indonesian invasion of 1975. That struggle was even regarded as starting in 1520, when the Portuguese first arrived in the area.

The monograph consists of two major parts. In the part one the author examines a huge period of time as beginning from the pre-historic epoch until the restoration of independence in 2002. The part two addresses political challenges, social and economic issues faced the Democratic Republic of Timor-Leste.

Portugal as a colonialist state did little to improve the economy of East Timor until the late 19th century, which was preceded by continuing conflict between the “black Portuguese” controlling sandalwood trade, the Catholic Church, Portuguese and Dutch officials, and the Timorese. From the early 1920s East Timor entered a period of torpid isolation, when little further development occurred. The Portuguese returned after WWII, and subject to financial stringencies attempted reconstruction and improvement within framework of “benign paternalism”. The small number of East Timorese being educated signaled the beginning a more sophisticated local elite, with increasing numbers of local people entering the government and technical services, the Church and the military.

The “Carnation Revolution” in Portugal in 1974 had important political ramification in East Timor. Three political parties quickly emerged. One of the most significant parties was *Frente Revolucionaria do Timor-Leste Independente (Fretilin)*, which favored an independent socialist path promoting self reliance and cooperatives. The prime movers were Timorese of the new elite.

Independence was unilaterally declared by Fretilin on November 28, 1975. The Indonesian government was fearful of an independent state within the Malay archipelago, and at the heights of the Cold War, Western powers were supportive of Jakarta position. The Indonesian military launched a full-scale invasion of East Timor in December 1975. Indonesia declared East Timor as its 27th province in July 1976. The UN opposed

the invasion and territory's nominal status remained "non-governing territory under Portuguese administration".

The legacies of the Indonesian interregnum were mixed, apart from its uniformly appalling human rights record. There was considerable investment in infrastructure, at least compared with its Portuguese predecessors, even if most was directed towards Indonesian transmigrants, military functions and corrupt Indonesian business that dominated local economy.

The most importantly, a sense of separate clan identity in East Timor was overwhelmed by a common opposition to the Indonesian occupation. It was this opposition to a common enemy that was the mould in which the East Timorese national identity was finally forged. This small nation defied independence through a unique combination of guerrilla warfare, underground resistance and international solidarity networks.

The author traces the broad historical and cultural background from which the new country's leadership arose, and the complicated political and ideological contradictions created during a quarter century of war and political struggle. Xanana Gusmao, Jose Ramos-Horta, Mari Alkatiri and other leaders have distinct experiences of the political past, which have resulted in significant differences over how the good governance system should work. This, combined with an unacknowledged brutalization and trauma resulting from the bloody conflict, often made for tense politics in Timor-Leste.

Since the end of the Indonesian occupation, the post-1999 reconstruction efforts, the formalization of independence and the election of a new government, East Timor has embarked on the rocky path of development. The development process was fraught with obstacles, even for those states that enjoy numerous national and other advantages.

Until early 2006, the appearance of relative stability in post-independence electoral politics was important, as East Timor started its life as an independent state as the poorest country, on a per capita GDP basis, in Asia and of the poorest in the world. It was also indicative of the economic problems its government faced in trying to provide infrastructure and basic services such as education, health, potable water and navigable roads. The Alkatiri's government had performed well on increasing Timor-Leste's shares of oil and gas revenues. The economy had gone from negative to positive growth, even if it struggled to match population increase, a consequence of the world's highest fertility rate.

The challenges of nation-building were starkly apparent by mid-2006. The rapid breakdown of commonly forged national identity and the violent emergence of 'east-west' rivalries lied more in the political

legacies of Indonesian rule and subsequent mismanagement of some key institutions by the government.

These tensions came dramatically to a head in April and May 2006. While the outbreak of civil unrest was precipitated by the sacking of a large group of F-FDRL soldiers, the tensions have deeper roots stemming back to the period of Indonesian occupation and the management of key security institutions in the UNTAET and the post-independence period.

On 20 June 2006 President Gusmao formally requested Alkatiri's resignation. Over the next weeks, East Timor was in paralysis, caught between demands for Prime Minister's removal and the reality that any unconstitutional efforts might have far graver long-term implications for the future political stability of the state. In line with the constitution, Fretilin advanced three names to President for an alternative Prime Minister. Gusmao chose Jose Ramos-Horta, his long-time ally and Foreign Minister, as a new chief of the government of the DRTL.

There was a clear evidence of the Australian government's intention to get rid of Alkatiri from the outset. Having dispatched warships to the Timor Sea, it backed a challenge to the Prime Minister at the congress of the ruling Fretilin party. When the bid failed, Canberra exploited the escalating violence whipped up by his opponents and rebel soldiers as the means for pressing Dili into "inviting" a military intervention. As Australian troops were pouring into Timor-Leste, Prime Minister John Howard signaled the next stage of the campaign. He provocatively declared that the country "has not been well-governed". Since then an avalanche of commentary has appeared in the Australian media vilifying Alkatiri as aloof, unpopular, autocratic and a Marxist, who must go and if necessary be sacked by President Gusmao.

Despite his program being declared a "continuation" of that of the Alkatiri government, that Ramos-Horta in practice indicated a major change of direction, promising a closer relationship with the Catholic Church, greater consultations with traditional village heads, and borrowing for development plans and major infrastructure projects.

The following year of 2007, Gusmao declined another presidential term and in the build-up to the April 2007 presidential elections there were renewed outbreaks of violence. Ramos-Horta was elected President in May 2007. He was critically injured in an attempted assassination in February 2008 while Prime Minister Gusmao also faced gunfire separately but escaped unharmed. The attacks have been variously interpreted as attempted coup d'etat. But no official investigation into alleged dual assassination attempt has been formed. There was a question raised in Dili as to whether Prime Minister set the rebel leader Reinado up for assas-

sination, possibly with foreknowledge of Australian personal. Reinado had publicly threatened to reveal Gusmao's instigation of the 2006 split in Falintil-FDTL that triggered another Australian military intervention and eventual bringing down the Fretilin government.

In March 2011, the UN handed-off operational control of the police to the Timor-Leste authorities, but more than 1, 200 UN police officers were still on their duty. After the 2012 presidential election, the UN mission was scheduled to end.

In the final chapter, the monograph analyses Timor-Leste's foreign policy shaping. The successful use of diplomacy in its long struggle for self-determination was well recognized, and the role of the diplomatic front was acknowledged alongside the clandestine front and armed resistance for achieving independence.

Timor-Leste's geo-strategic location between Indonesia and Australia and within the grid of influence of major powers such as the United States and China, coupled with its own fragility as a small island nation, required a foreign policy of pragmatic nature. Its foreign policy was to be capable of positioning Timor-Leste to balance the influence of major regional and global powers, while benefiting the country's development. To sum up, the pillars of its foreign policy were diplomacy, development and national security.

It has become increasingly clear that Timor-Leste was slowly but carefully weaving an elaborate geopolitical tapestry — diversification of security partners albeit if fundamentally aligned with Australia's protective umbrella and therefore by default with the US — but also with the divergent interests of surrounding players. The juggling of the regional triumvirate composed of Australia, Indonesia and China will likely continue to mold Timor-Leste's regional insertion and bilateral security relations with three these partners, in hope of achieving the best possible scenario for the country external interests, and ultimately its own internal stability.

In conclusion, the author highlights the short-term direction of the Timor-Leste's developments. In 2012 the country entered a new round of the presidential and general elections. On 16 April runoff in president elections has won the former resistance commander and retired defense chief Taur Matan Ruak, an independent running with the backing of Xanana Gusmao's CNRT. On July 7, 2012 parliamentary elections as expected, no single party gained an absolute of thirty-three seats. Nonetheless, Xanana Gusmao, s CNRT produced a dominant performance with 36.7 per cent of the national vote.

Содержание

Введение	3
I. ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР ДО ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ.....	7
Глава I. Первые страницы истории	7
Первые письменные сведения о Тиморе	10
Начало европейской колониальной экспансии.....	13
Португальско-нидерландское соперничество	17
Глава II. Португальский Тимор в XIX — начале XX вв.	21
Социально-экономическое развитие.....	21
Восстание Боавентуры (война Мануфахи) и его последствия.....	24
Роль католической церкви	26
Глава III. Восточный Тимор в период режима «нового государства» в Португалии	29
Восточный Тимор — заморская провинция метрополии	29
Португальский Тимор в период Второй мировой войны.....	32
Послевоенные десятилетия	35
Теория и практика так называемого лузотропикализма	38
Социально-экономическая политика властей метрополии.....	39
Глава IV. Политическая обстановка в Восточном Тиморе в 1974–1975 гг.....	47
Влияние революции «красных гвоздик» в Португалии	47
Международная дипломатическая активность вокруг проблемы Восточного Тимора	58
Глава V. Вторжение и оккупация Восточного Тимора.....	67
Развитие военно-политической обстановки	72
Социально-экономическое положение в годы оккупационного режима	84
Факторы выживания движения сопротивления и формирования национальной идентичности	93
Глава VI. Динамика политико-дипломатической ситуации вокруг Восточного Тимора.....	97
Глава VII. Проблема Восточного Тимора после правления Сухарто	107

II. ТИМОР-ЛЕШТИ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА	131
Глава I. Проблемы восстановления и государственного строительства	131
Экономическая и социальная политика кабинета Алкатири	134
Развитие внутривластной ситуации	141
Политический кризис 2006 года	144
Глава II. Политическое развитие после антиконституционного переворота	149
«Двойное покушение»	152
Новый электоральный цикл.....	161
Глава III. Внешняя политика Тимора-Лешти	169
Отношения с Индонезией	171
Дили — Канберра: взаимоотношения Давида и Голиафа	177
Сотрудничество с Португалией и членами Сообщества португалоязычных стран	186
Отношения с Соединенными Штатами Америки.....	191
Тимор-Лешти и Япония	193
Тимор-Лешти и интересы Китая	195
Эволюция отношений с АСЕАН.....	199
Участие в глобальной дипломатии	204
Заключение	206
Хроника основных событий истории о. Тимор	213
Литература.....	229
Список принятых сокращений.....	238
Указатель имен собственных	240
Указатель географических названий.....	244
Указатель терминов и этнонимов.....	247
Summary	250

Научное издание
Урляпов Вячеслав Фёдорович
История государства Тимор-Лешти.
XX век

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор А. З. Алмазова
Корректор М. Я. Колесник
Верстка А. В. Ельцевой

Подписано в печать 8.07.15. Формат 60 × 90/16.
Усл. печ. л. 16. Уч-изд. л. 13,7.
Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru Генеральный директор С. Г. Жвирбо